

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

1' 2007

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№1'2007

Общество

■ ОБРАЗОВАНИЕ

И. Шмерлина

Заметки о российском учительстве
в контексте национального проекта "Образование" 5

■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

Е. Вовк

Количество детей в семье:
установки и репродуктивное поведение 20

■ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Г. Кертман

Спор о Пиночете 27

■ МИР ВЛАСТИ

Е. Гвоздева

Высший слой российского чиновничества:
автопортрет 31

■ СЕМАНТИКА

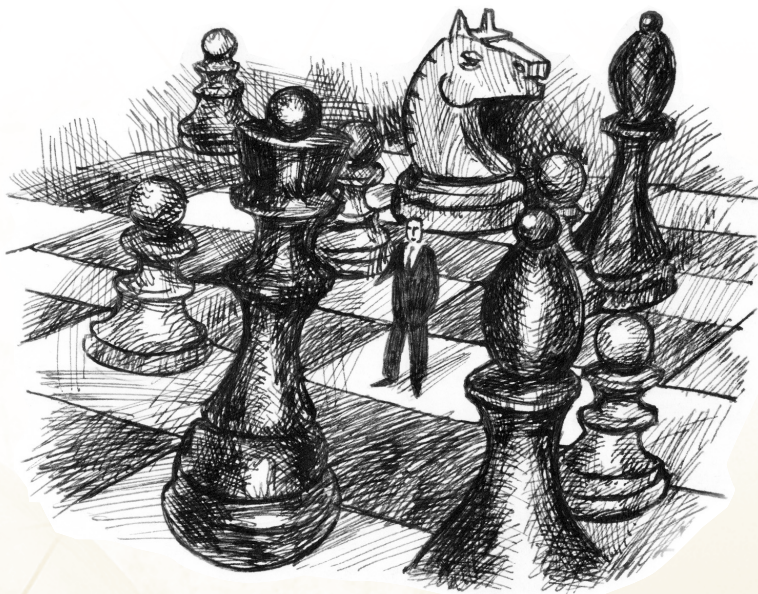
С. Климова

Обыденные смыслы базовых понятий
социально-политического лексикона
"Чиновники" 49

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 59

"Социальная реальность"

№1'2007

ISSN 1817-3497

Учредитель и издатель
Фонд "Общественное мнение"

Главный редактор
Александр Ослон

Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик

"Общество"

Григорий Кертман

"Форум"

Леонид Блехер

Георгий Любарский

"Мастерская"

Иван Климов

"Цифры"

Елена Вовк

"Между прочим"

Анатолий Черняков

Арт-директор

Анна Данилова

Ответственный секретарь

Мария Каневская

Маркет-менеджер

Светлана Басманова

Редакторы выпуска

Анастасия Егорова

Мария Каневская

Корректор

Наталья Шарова

Оригинал-макет

Любовь Софейчук

Рисунки

Андрей Мирзоян

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

Номер подписан в печать
15.02.2007 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© "Социальная реальность"

Отпечатано в типографии
ООО "Группа Море"
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

Форум

■ ПРОЕКЦИИ

Д. Володихин

Требуется осечка...

Ближайшее будущее России в литературной фантастике 79

■ МНЕНИЕ О МНЕНИЯХ

Г. Любарский

Предательство клерков

Бауман, Фуко (Жюльен Бенуа – за скобками) 94

■ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Б. Докторов

Прямые продолжатели дела отцов-основателей:

Уоррен Митофски и Джозеф Ваксберг 109

Мастерская

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Е. Вовк

Хлеб 107

Пьянство в России 120

Мобильная связь: вращение в повседневность 121

Так говорил респондент... 48

Open
the
book

И. Шмерлина

Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта “Образование”

Учителя – очень взрослые люди. Их взрослость абсолютна и институциональна – они учат детей. Все общество по отношению к ним – это дети: сегодняшние, завтрашние, вчерашние; неслучайно даже родители слегка побаиваются учителей, испытывают по отношению к ним безотчетный “экзистенциальный” страх.

Социальная функция учителя ясна и определена, чего нельзя сказать о его положении в обществе и социальном характере. Он “воспитывает нацию”¹, но зависит от любого чиновника из роно. В этосе сегодняшнего российского учительства парадоксальным образом сочетаются психологическая взрослость наставника с социальной инфантильностью, а миссионерские амбиции – с чувством неполноценности и униженности. Социальная значимость педагога признается в обществе бесспорной, однако профессия – непрестижной. Он носит высокое звание “Учитель”, а в обыденной жизни его (в большинстве случаев – ее) часто зовут “училкой”.

* * *

Настоящий текст выполнен в жанре нестрогих размышлений по поводу строгих эмпирических данных. Его база – несколько масштабных социологических исследований, проведенных Фондом “Общественное мнение” в период с марта по ноябрь 2006 года². Для настоящей статьи мы взяли лишь один из возможных ракурсов анализа полученных данных, а именно – тот, который позволяет составить определенное представление об учителе как субъекте школьных преобразований.

¹ Выражение одного из педагогов – участников ярославской дискуссионной фокус-группы: “Мы нацию воспитываем”.

² В тексте используются данные (1) целевого исследования, которое включало опросы педагогов общеобразовательных учреждений и родственников школьников (родителей, бабушек и дедушек, других близких родственников) о ситуации в средней школе и ходе реализации национального проекта “Образование”, (четыре опросные волны: 18–29 марта, 14–26 июня, 19 сентября – 1 октября и 13–28 ноября; в ходе каждой волны исследования опрашивались 2800–2900 человек, из них 700–800 педагогов и 2000–2100 родственников школьников), а также дискуссионные фокус-группы с учителями, проводившиеся в 7 городах в марте, июне, сентябре и ноябре 2006 года; (2) ежемесячного общероссийского мониторинга, посвященного проблемам образования и ходу реализации национального проекта (опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России, 1500 респондентов).

Национальный проект “Образование” и проблема субъекта преобразований школьного дела

Содержание национального проекта “Образование” – в той его части, которая имеет отношение к средней школе, – логически организовано вокруг двух основных идей. Первая состоит в том, чтобы оказать школам непосредственную материальную помощь в обеспечении учебного процесса. В соответствии с этой финансово и организационно подкрепленной интенцией школы оснащаются наглядными пособиями, оборудованием, компьютерами, идет подключение последних к интернету, на специальном сайте размещаются дистанционные образовательные программы, в сельские школы поступают автобусы.

Однако замысел национального проекта, как подчеркивают его разработчики, не сводится к тому, чтобы просто оказать школам материальную помощь.

Генеральная идея национального проекта “Образование” состоит в том, чтобы дать средней школе стимул к движению вперед, запустить механизмы саморазвития и самокоррекции в сфере школьного образования

Идея была более амбициозная – дать средней школе стимул к развитию: “Для страны, которая ориентируется на инновационный путь развития, жизненно важно дать системе образования стимул к движению вперед – это и есть первоочередная задача приоритетного национального проекта «Образование»”³.

Механизмами, призванными запустить модернизацию системы среднего образования, были избраны конкурсы лучших учителей и лучших школ. “...В рамках нацпроекта была однозначно сделана ставка на лидеров, на тех, кто способен на практике реализовывать системные изменения в системе образования”⁴.

Между тем в ходе наших исследований прозвучала глубоко пессимистичная точка зрения, согласно которой в современной российской школе нет субъекта преобразований, соответствующего замыслу национального проекта.

“...То есть получается, что программа нацелена, конечно, но только кто ее будет выполнять? Потому что активных, социально активных очень мало людей, которые действительно будут как-то стараться выполнять, следовать, продвигать” (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

“Мое отношение к проекту? Я считаю, что до тех пор, пока не будет людей, которые будут этот проект осуществлять (а их пока нет и в ближайшее время не будет), все это просто разговоры. То есть до тех пор, пока не будет учителей... <ни> о каких проектах речи быть не может. Сначала надо подготовить людей, которые будут двигать этот проект. Потому что можно укомплектовать школу сверхоборудованием, но там не будет человека, который будет двигать все это” (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

Впрочем, далеко не все педагоги согласятся с подобными заключениями. Учительская среда, оценивая самое себя, поддерживает два прямо противополо-

³ Зачем нужен масштабный национальный проект в образовании? // Материалы официального сайта Совета при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. См.: <http://www.rost.ru/projects/education/ed1/ed11/aed11.shtml>.

⁴ Интернет-конференция министра образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко. См.: <http://www.rost.ru/main/conference/i1.shtml>.

ложных мифа о современном российском учителе. Согласно первому, он фанат и подвижник, согласно второму – серая личность и неудачник.

“Я считаю, большинство у нас в школах все-таки работают – Профессионалы с большой буквы, люди, которые непосредственно учат детей” (ДФГ, Краснодар; 4-я волна).

“Тут вот портрет учителя давайте составим. Что такое портрет учителя? Это такая забитая серая мышка, все время бегающая в школу, абсолютно ничего не требующая, за себя постоять не может, неудачник в жизни – вот это учитель” (ДФГ, Набережные Челны; 4-я волна).

“В школе они все практически – фанаты своего дела... Нет в школе таких людей, которые бы пришли годик перетусоваться. Все фанаты, все с головой в своей работе. И, как говорится, низкий нам всем поклон” (ДФГ, Набережные Челны; 4-я волна).

“В простонародье такая фраза идет, что в школе работают те, которым негде работать. Я считаю, что сейчас именно школа держится на профессиональных кадрах, которым вот 40 лет и чуть больше” (ДФГ, Екатеринбург; 2-я волна).

“Все кому не нужно – все сбежали уже!” (ДФГ, Владивосток; 3-я волна).

Впрочем, по мнению некоторых педагогов, в каждой из этих полярных точек зрения есть определенная доля жизненной правды.

“В школе остаются или энтузиасты, влюбленные в свою работу, – <или,> к сожалению, люди, которым некуда идти; или яркие личности со своими особенностями – или убогие, серые и неинтересные” (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

Если этот вывод справедлив, он свидетельствует о глубокой поляризации педагогического сообщества и вымывании из него среднего слоя “нормальных профессионалов” – тех, кто способен успешно реализоваться как в школьной педагогике, так и в других видах деятельности, но не готов работать на чистом энтузиазме. Неблагоприятная школьная среда удерживает либо тех, кто лишь к ней адаптирован и не рискует выйти в иные условия существования, либо фанатов, для которых школа стала делом всей жизни. Вторых, по всей видимости, меньше.

***

Социальная диагностика современного российского учительства – задача многомерная; в данном тексте она решается лишь на том конкретном материале, который был получен в ходе исследования реакции педагогов на национальный проект “Образование”. То, как преподаватели встретили этот проект – их интерес к нему или отсутствие такового, энтузиазм или безразличие, ожидания, удовлетворенность, претензии и пр., – свидетельствует о социально-психологических особенностях, установках и инновационном потенциале, присущем данной профессиональной группе.

Интерес педагогов к национальному проекту “Образование” и проблема их информированности

Первая информация о национальном проекте “Образование” появилась в конце 2005 года, когда глава государства объявил о четырех приоритетных целевых программах развития: в сфере здравоохранения, образования, сельского хозяйства и жилья.

К началу 2006 года относятся первые меры по реализации национального проекта “Образование”. В марте 2006 года был сделан исходный замер уровня информированности педагогов об этом проекте. Тогда о его существовании знали, по их словам, 59% работников образования, “что-то слышали” – 29%, каждый десятый впервые услышал о нем в ходе опроса – от интервьюера. Ко времени второго замера (июль 2006 года) показатели информированности несколько выросли, однако вплоть до последнего, ноябрьского, опроса они оставались довольно низкими: даже в ноябре пятая часть педагогов признавала свою осведомленность о национальном проекте весьма поверхностной (“что-то слышали”), а некоторые обнаруживали полное неведение (*график 1*).

Материалы групповых дискуссий позволяют предположить, что в действительности степень информированности педагогов о национальном проекте еще ниже, чем можно судить, исходя из количественных самооценок, полученных в ходе массового опроса. Так, даже на фокус-группах последней (ноябрьской) волны продолжали звучать реплики, свидетельствующие о том, что ряд педагогов имеют смутное, а порой и не совсем верное представление о содержании национального проекта:

“Мы не знаем, только общие идеи” (ДФГ, Екатеринбург; 4-я волна).

“Без подробностей... мы его цельный не читали. Я думаю, что наши директор и зам. по науке читали. Может быть, еще завуч по учебно-воспитательной <работе>... Тоже, может быть, вряд ли, потому что у них очень много текущей работы” (ДФГ, Екатеринбург; 4-я волна).

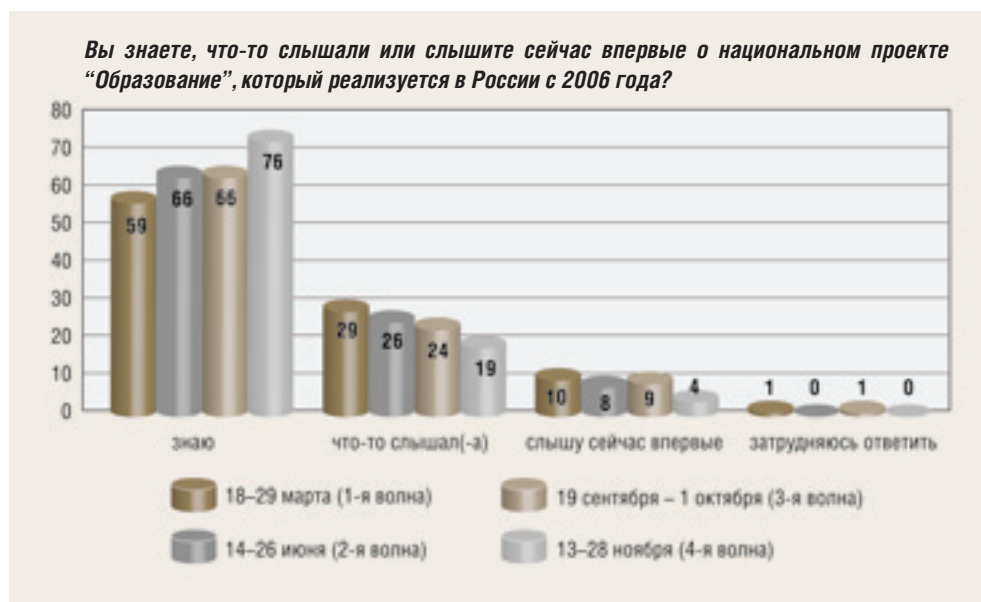

График 1. Осведомленность педагогов о национальном проекте “Образование” (% от числа опрошенных)

“Вот нынче проект «Образование» у нас. Я вот пришла – и я вижу, что работает и действует проект «Образование»... Вижу, что государство так или иначе пытается что-то сделать. В этом отношении я могу сказать, что действительно видно работу государства... Я могу сказать за себя: я молодой специалист; я получила в этом году 20 тысяч – подъемные... Раньше такого не было. Государство заботится” (ДФГ, Екатеринбург; 4-я волна)⁵.

Модератор: Скажите, пожалуйста, слышали ли вы что-нибудь о национальном проекте в сфере образования?

Все: Конечно!

Модератор: Все слышали. А что именно вы слышали?

1-й участник: Ну, наверное, какие программы. Точно недавно слышали, действительно, недавно была передача, да. Говорили, что десятые и одиннадцатые классы должны быть профильные, – и я двумя руками за, но вот абсолютно не уверена, что это будет именно так. То есть чтоб перейти на профильное обучение, надо столько пудов соли съесть! Ну, вверху придумывают что-то – а внизу кадров нет. Я думаю, что кадров нет, чтоб ввести профильное обучение...⁶

Модератор: Сергей, Вам что-нибудь известно о национальном проекте в сфере образования?

2-й участник: К сожалению, в этом плане я мало что знаю.

3-й участник: ...Национальный проект направлен на улучшение положения с образованием учащихся – это одна сторона, и вторая сторона – это улучшение положения учителя. Насколько я понимаю, это на уровне общих фраз, расшифровки особой не звучит. Звучит фраза: программа – вот она программа, и какие-то выборочно... Вот полного представления мы не имеем. Вот это все, что хотели, наверное, сказать мы все... Национальный проект предполагает новые программы и новые предметы. Там вообще разговор идет о том, что какие-то включить, а какие-то выключить, и почасовая система. Какого-то цельного представления нет.

4-й участник: ...Я как учитель технологии – это нас тоже затронуло. У нас сейчас большое сокращение часов. За счет того что технология в восьмых классах – один час, а в девятой она вообще исключается, как коррективный курс остается. Десятый, одиннадцатый – там уже как профиль.

Модератор: Это согласно национальному проекту?

4-й участник: Да⁷.

Модератор: А что еще?

4-й участник: Ну что...

5-й участник: Я еще слышала, что там компьютеризация школ.

Несмотря на то что национальный проект “Образование” реализуется с начала 2006 года, даже в ноябре 2006 года у ряда педагогов было смутное, а порой и не совсем верное представление о содержании данного проекта

⁵ Подъемные, о которых говорит участница фокус-группы, не имеют отношения к национальному проекту “Образование”.

⁶ Программа профильного обучения не входит в содержание национального проекта “Образование”.

⁷ Национальный проект не затрагивает непосредственным образом содержание учебного процесса и соответственно не предполагает ни качественных, ни количественных преобразований в школьной программе.

3-й участник: *Библиотеки, оснащение библиотек*⁸.

6-й участник: *Я тоже слышала про программу. В общем, слышали, что есть такой национальный проект, а вот нет такого... нет образа – что это такое конкретно. Тут чуть-чуть и тут...*” (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

Впрочем, об отдельных направлениях проекта знают (и знали, судя по данным прошлых опросов) подавляющее большинство респондентов. Это свидетельствует о том, что для многих педагогов конкретные преобразования в школьном деле не ассоциируются с масштабной государственной программой совершенствования системы образования. Показательны в этом отношении реплики некоторых участников дискуссионных фокус-групп.

“Само название на слуху, но вот конкретно... Может, какие-то конкретные меры мы и знаем, но мы не знаем, что оно является частью проекта или нет, то есть можем не связывать просто” (учитель истории, 28 лет, Ярославль; 3-я волна).

“А может, мы их знаем, но просто не знаем, что это вот направление” (учительница математики, 47 лет, Екатеринбург; 4-я волна).

Наибольший резонанс в педагогической среде получили доплаты за классное руководство. Это единственное направление национального проекта, которое сразу и непосредственно затронуло основную массу российских учителей, и именно о нем они имеют достаточно отчетливое и полное представление

Наибольший резонанс в педагогической среде получили доплаты за классное руководство: об этом направлении нацпроекта уже в марте 2006 года знали, по их словам, 94% педагогов. Это единственное направление, которое сразу и непосредственно затронуло основную массу российских учителей, и именно о нем они имеют достаточно отчетливое представление.

Все остальные направления национального проекта были восприняты педагогами более отстраненно и не столь заинтересованно. Так, при обсуждении итогов прошедшего конкурса лучших школ на сентябрьских фокус-группах педагоги демонстрировали низкую осведомленность об условиях данного соревнования и явное отсутствие желания разбираться в его деталях. Показательна реакция на вопрос модератора, знают ли участники фокус-группы об этом направлении, – *замешательство*. О том, что учителя плохо представляют себе содержание

конкурса, свидетельствуют и их конкретные реплики. *“Я, например, не могу на этот вопрос конкретно Вам ответить”*, – говорит 58-летний учитель географии из Краснодара⁹.

По заявлению одного педагога из Архангельска, *“руководство школы скрывает...<информацию> от учителей. Я только по телевизору узнаю”*. Впрочем, другая участница дискуссии в ответ на это резонно замечает:

“Документы опубликованы, они не таятся ни от кого. Если есть желание – приходите, почитайте. Все это опубликовано. Даже если не доводят, то собственный интерес вас выведет к этим источникам” (ДФГ, Архангельск).

⁸ В национальном проекте нет направления, в котором бы напрямую формулировалась задача оснащения школьных библиотек.

⁹ Здесь и далее по умолчанию приводятся материалы фокус-групп 3-й волны. Другие случаи специально оговариваются.

Показательно, что в тех школах, где педколлектив обсуждал вопрос об участии в конкурсе, подобное обсуждение инициировалось дирекцией школы или вышестоящими органами.

“Не обсудить невозможно было, потому что это свыше было – телефонограмма: обсудить, сделать стенд по национальному проекту. Это нас контролировали сверху. Не обсудить нельзя было” (ДФГ, Омск).

“Директор ознакомила нас, положения всем приходили напечатанные.

Ну, как бы, и на наше усмотрение. Мы сразу отказались” (ДФГ, Омск).

Многие участники обсуждения, по их словам, только предполагают, каковы конкретный механизм и критерии отбора лучших школ, причем порой их предположения выглядят как весьма произвольная интерпретация положений, утвержденных соответствующим приказом Минобрнауки¹⁰.

“Модератор: Каковы критерии отбора лучших школ? Кто-нибудь знает, может нам об этом рассказать?”

1-й участник: Педагогическим коллективам это неизвестно, это знает только администрация, дирекция школ.

2-й участник: Я знаю, что там даже сантиметры учитываются, например, расстояние между партами должно быть не меньше какого-то минимума. Там сантиметрами все измеряют, даже расстояние до доски. <...>

3-й участник: Там еще, по-моему, есть требования, чтобы было два медицинских кабинета, плюс еще кабинет дантиста. Чтобы столовая соответствовала, чтобы компьютерный класс был, чтобы к интернету были подключены.

4-й участник: Должно быть не меньше двух спортивных залов, спортивные площадки оснащенные.

5-й участник: Я думаю, что доски должны быть определенного уровня, не такие, на которых по старинке мелом пишут.

1-й участник: Там парты должны быть особые, чтобы по росту ребенка подходили и чтобы крышка под углом была.

Модератор: То есть учитываются физические характеристики учебного здания и оснащенность оборудованием. Но это же, как я понимаю, не все критерии отбора лучших школ. А еще по каким критериям проходит отбор?

5-й участник: Может быть, качественный состав учителей, количество методистов, ведущих учителей...” (ДФГ, Казань).

¹⁰ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 46 от 7 марта 2006 года “Об утверждении порядка и критериев конкурсного отбора общеобразовательных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы”. См.: http://www.rost.ru/education/education_doc_9.doc.

Значительную массу учителей не интересует, что происходит за стенами их кабинетов даже в пределах собственной школы, тем более – в других школах города

Слабое представление о подробностях конкурсного отбора не мешало некоторым педагогам резко отрицательно высказываться по поводу самого конкурса. Так, 48-летний учитель истории из Краснодара, по его словам, данным направлением “не занимался”, но тем не менее считает, что критерии отбора лучших школ

“необоснованны”. Примечательно, что школа, в которой работает этот педагог, принимала участие в конкурсе, но оказалась в числе проигравших. Впрочем, причины неудачи у него также не вызвали интереса: “Я даже не в курсе, я не влезал в эту кухню. Я думаю, что там какой-то административный фактор”.

В целом из материалов групповых дискуссий создается впечатление, что основную массу учителей не интересует, что происходит за стенами их кабинетов даже в пределах собственной школы, тем более – в других школах города.

“Модератор: ...Вам известно о каких-либо школах-победителях?”

1-я участница: Нет.

2-я участница: Честно говоря, у нас это не обсуждается” (ДФГ, Архангельск).

“<О школах-победителях слышала> только по радио, и то мимо ушей пропустила. Ну, чего, они сами по себе – мы сами... У них свой мир – у меня свой” (учительница истории и обществознания, 53 года, Омск).

По данным массового опроса¹¹, около трети педагогов (36%) имеют, по их словам, представление о содержании инновационных программ, внедряющихся в других школах (чаще всего такой ответ давали директора и завучи школ – 64%), еще столько же – “что-то слышали” о них. Лишь каждый пятый педагог (21%) признавался, что ничего не слышал об инновационных программах других школ, 7% затруднились с ответом.

Материалы фокус-групп не подтверждают эти данные и заставляют предположить, что участники массового опроса не раскрывают истинного положения вещей. Ни один из участников дискуссий, проходивших в семи крупных российских городах, не смог назвать ни одну конкретную инновационную программу, которая реализуется в тех школах его города, что победили в конкурсе. В лучшем случае участники говорили об общей репутации школ-победительниц, их предметном уклоне, техническом обеспечении и бытовой обустроенности.

“О программах я не знаю. Это уже знают предметники, наверное, – говорит учитель географии. – ...47-я школа – это школа хорошая, сильная, это уже школа со старыми традициями, школа такая с большой наполняемостью классов... Значит, там сильный коллектив, сильные там, наверное, требования. Может, свои программы там у многих преподавателей есть. Я конкретно сказать сейчас не могу” (ДФГ, Краснодар).

“1-я участница: Про 45-ю школу скажу, про библиотеку: отличная библиотека! Можно сказать – библиотечный центр, информационный и методический. У них оснащенность очень хорошая. В этом плане они молодцы. Имеется и мультимедиа, и техника, и компьютер, и сканер, и ксерокс. Если по библиотеке судить, то это заслуженно. Оснащенность у них очень хорошая. Специалисты работают хорошие и много делают. Там – без сомнения...”

¹¹ Данные 3-й волны исследования.

2-я участница: *Была в этой школе по своим делам – все красиво, чисто. Идеальный порядок внешне* (ДФГ, Архангельск).

“1-й участник: *Ну, например, дети учатся в гимназии № 1... – с 8-го класса у них уже выделяют профилирующие предметы... Ну и, конечно, там хорошая информатика... компьютерные классы. В общем, материальная база. По-моему, это вообще одна из лучших школ в городе!*

2-й участник: *Зеркальный зал там...*

1-й участник: *Да, там... евроремонт и прочее, и прочее...*” (ДФГ, Владивосток).

Безразличие значительной массы учителей к конкурсу общеобразовательных учреждений превращает конкурс в программу адресных поощрений, но отнюдь не в систему распространения передового опыта. На сегодня кажется очевидным, что гипотетически заложенный в него механизм стимулирования не срабатывает, и конкурс лучших школ ведет не столько к повышению уровня среднего образования в стране, сколько к дальнейшей дифференциации общеобразовательных учреждений.

“...получается, что здесь перекося-то в каком плане: сильная школа, которая и так имела возможности, получает дополнительный грант, слабая школа, которая таких возможностей не имела, и гранта не получает, и перспектив участвовать в этом не имеет. Так вот именно этот вопрос задавался министру образования. Ответ министра образования был на это следующим: что якобы это один из этапов возможности распространить технологии и новшества в сильных школах на слабые школы. То есть поддержка вот этими грантами сильных школ якобы каким-то образом повлияет на то, что эти технологии распространятся и на слабые школы. Но, на мой взгляд, это несколько такое... <утопическое предположение>” (ДФГ, Екатеринбург, 4-я волна).

Другое направление – материальное поощрение лучших учителей – также было воспринято педагогами критически. Казалось бы, при нынешних учительских зарплатах перспектива получить стотысячную премию должна оказывать стимулирующее воздействие. Между тем, этого не происходит.

“1-я участница: *...Мне кажется, что он никого не стимулирует, совершенно не стимулирует.*

2-я участница: *Абсолютно не стимулирует*” (ДФГ, Казань).

Ссылаясь на большое количество бумаг, которые требуются для того, чтобы подтвердить правомерность своих притязаний на большую премию, педагог заявляет:

“*Там сто тысяч условий – и сто тысяч рублей не стоят этого*” (ДФГ, Казань).

Свидетельством того, что конкурс проходит мимо значительной части учителей, не вдохновляя их на профессиональный рост и педагогические достижения, является низкая осведомленность о нем педагогов. Характерно, что в ответах на вопрос модератора, известно ли участникам данное направление национального проекта, на трех фокус-группах из семи педагоги начинали говорить не на тему – например, о конкурсе “учитель года” или о поощрении учителей, состоящих в профсоюзе.

“*Члены профсоюза получают премию, а не члены профсоюза видят ноль... Да, да. Это выдвинуто именно профсоюзами – что профсоюзы*

Безразличие значительной массы учителей к конкурсу общеобразовательных учреждений превращает его в программу адресных поощрений, но отнюдь не в систему распространения передового опыта

заботятся о повышении нашей зарплаты, что все 10–20% <повышения зарплаты> якобы добыты именно работниками профсоюзов... И для тех, кто поддерживает профсоюз, они выделяют средства. Ко Дню учителя выделены такие средства – но только тем, кто состоит в профсоюзе... Кто не профсоюз – не получит” (ДФГ, Екатеринбург).

Многие участники признавались в незнании критериев, в соответствии с которыми лучшим учителям выделяются премии.

“1-й участник: В целом критерии остаются темной стороной. Потому что трудно сказать, и многие из нас остаются в неведении.

2-й участник: Мы из разных школ, но не знаем критериев. Мы не информированы” (ДФГ, Архангельск).

Пути решения проблемы информирования педагогов о национальном проекте “Образование”

По мнению министра образования А. Фурсенко, информационное освещение проекта – одно из слабых мест в его реализации: “А что надо делать по-другому – я думаю, что мы должны улучшать вопросы информационного обеспечения системы образования и нацпроекта...”¹².

Большинство педагогов согласятся с этим утверждением. Учителя, принимавшие участие в фокус-группах, практически единодушны в том, что сведений о национальном проекте слишком мало. Чем больше источников информирования о проекте будет задействовано, тем, как полагают педагоги, лучше.

“Газеты, радио, телевидение, то есть чем больше источников, тем лучше!” (ДФГ, Владивосток, 3-я волна).

Между тем материалы групповых дискуссий позволяют утверждать, что фактически существует не столько проблема количества и качества доступной информации о проекте, сколько проблема осведомленности о нем учителей. Это несколько разные вещи – что, впрочем, не совсем очевидно для педагогов.

“1-й участник: Слишком мало <информации>.
Модератор: Почему?
2-й участник: Если учителя не знают об этом” (ДФГ, Архангельск, 3-я волна).

Групповые дискуссии выявили весьма характерную для учителей установку на пассивное ожидание целевого, директивно оформленного информирования педколлективов о национальном проекте “Образование”. Заметим, что в ходе массового опроса половина педагогов (53%) назвали в качестве одного из наиболее важных для себя источников информации о национальном проекте собрания по месту работы (данные 3-й волны).

Если учесть, что, судя по репликам участников групповых дискуссий, подобные собрания проводятся далеко не во всех школах, а у части педагогов вообще сложилось впечатление, что руководство скрывает от них информацию о нацпроекте, то ситуация приобретает несколько тупиковый характер.

Сегодня кажется очевидным, что гипотетически заложенный в нацпроект механизм стимулирования не срабатывает, и конкурс лучших школ ведет не столько к повышению уровня среднего образования в стране, сколько к дальнейшей дифференциации общеобразовательных учреждений

¹² Интернет-конференция министра образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко. См.: <http://www.rost.ru/main/conference/i1.shtml>.

“...ничего у нас никто не сообщал, ничего по этому поводу не проводили, до нашего сведения не доводили. Пойти литературу купить за 100 рублей, которые нам в месяц платят, как-то у меня не было желания” (ДФГ, Краснодар¹³).

“Общенациональный проект – а нас никто не собрал, никто ничего не рассказал” (ДФГ, Казань).

“По большому счету, с национальным проектом никто никого в школе не знакомит” (ДФГ, Екатеринбург).

“..А так про общенациональный проект нигде не печаталось, не обнародовалось, нигде нас на педсовет не собирали, ничего не говорилось” (ДФГ, Казань).

“Как такового ничего нам не рассказывают, чтоб мы никуда не лезли, ничего нигде не разносили. И чтоб гранпри, которое, возможно, будет легко и просто получить, – чтоб тоже такого не было. Потом какие-нибудь короткие сроки скажут: вот знаете, вот это, это быстренько собрали... Может быть, тогда что-нибудь и будет” (ДФГ, Екатеринбург).

Основной источник информации о нацпроекте для педагогов – передачи центрального телевидения (в ходе 3-й волны исследования об этом сказали 67% опрошенных). Однако эти передачи в большинстве своем носят общеинформационный характер и не нацелены на детальное прояснение содержания и механизмов реализации отдельных направлений проекта. Примечательно, что, по данным того же опроса, лишь пятая часть педагогов (22%) пользуются в качестве источника информации о проекте профессиональными газетами и журналами (среди директоров и завучей школ – 28%), один из каждых десяти – специальными брошюрами о национальном проекте “Образование” (среди директоров и завучей школ – 31%), всего 4% педагогов используют для этих целей возможности интернета (директора и завучи школ называют этот информационный канал в 15% случаев).

Разумеется, есть педагоги, которые хорошо разбираются в деталях проекта. Однако в целом создается впечатление самоотстраненности рядового учителя от данной темы. И вряд ли причины кроются в дефиците информационных источников. В этом отношении примечательно признание одной из участниц ДФГ о своем опыте знакомства с проектом.

“Я даже держала в руках газету, но прочитать... Что-то, я уже не помню что, меня отвлекло...” (ДФГ, Краснодар).

Высказывания, свидетельствующие о типичности подобной позиции, звучали и на других фокус-группах.

“...она [информация] доходит, но лень читать, потому что ее там слишком много, времени, которое есть чем другим занять...” (ДФГ, Екатеринбург).

Заметим, что реплика “лень читать...” принадлежит молодой учительнице, преподающей в школе историю и обществознание, – предмет, в значительной степени отвечающий за формирование мировоззрения и гражданской позиции подростков.

Для российских учителей характерна установка на пассивное ожидание целевого, директивно оформленного информирования педколлективов о национальном проекте “Образование”

¹³ Здесь и далее по умолчанию приводятся материалы фокус-групп 3-й волны.

Недостаточная осведомленность о проекте не мешала некоторым участникам групповых дискуссий делать общие утверждения оценочного характера.

“<Знаю только> то, что он [национальный проект] есть, что он существует. А что по нему делается – я считаю, это один процент из ста – все, что по нему делается... Ничего по нему не делается” (ДФГ, Краснодар).

Достаточно типичной является стратегия, когда свое незнание и нежелание проявлять инициативу участники обсуждения выражают в агрессивно-демагогической форме. Так, 65-летний преподаватель истории из Казани вместо ответа на вопрос модератора о том, что именно участникам известно о национальном проекте, восклицает:

“Что Вы нас пытаете про национальный проект? Если дети не хотят быть похожими на нас, если мы, учителя, нищие, то о каком национальном проекте можно говорить? Пока не поднимут учителя... Еще ведь Ленин с 20-х годов поднимал учителя на недосягаемую высоту – и вот, подняли сейчас. Самая бедная, самая нищая – интеллигенция в Российской Федерации. Врачам, и то сейчас подняли немного, потом у них подарки, подношения.... Детьми занимаемся только мы, учителя, а мы на свою нищенскую зарплату... стараемся еще где-то подработать, стараемся часов побольше взять. А когда у меня 35 часов – какой я учитель? ...Название мы знали, а о сути этого проекта нам никто и никогда не рассказывал. Если Вы назовете газету, месяц, число, когда это публиковалось, то мы прочитаем. Для нас сейчас это пустая фраза – национальный проект об образовании. Для нас сейчас эта фраза содержанием не наполнена” (ДФГ, Казань).

Возможно, подобная позиция отчасти действительно объясняется большой загруженностью учителей, невозможностью оторваться от текучки и подумать о тех перспективах, которые открывает проект лично для них и системы школьного образования в целом.

“Очень много работы, которую нельзя отложить ни на завтра, ни на послезавтра. Урок завтра – значит, ты обязан к нему подготовиться” (ДФГ, Екатеринбург).

Однако в целом материалы групповых обсуждений дают основание для вывода о некоей социальной беспомощности и инфантилизме значительной части учительства, о пассивном ожидании благ “сверху”, нежелании проявлять инициативу даже для простого ознакомления с существующими возможностями. По-видимому, простое усиление информационного давления на учителей не сможет переломить сложившуюся ситуацию. В этом отношении весьма точным является резюме молодой учительницы истории и обществознания из Екатеринбурга, которая рассказывала о том, как в их школе специалисты из роно проводили информационно-пропагандистскую работу.

“...гранты для школ, для учителей лучших. Ну, рассказывали об этом, напротив, даже стимулировали нашу активность. Но почему-то как-то все, видимо, по привычке... никто не захотел этим заниматься” (ДФГ, Екатеринбург).

Учителя не только не проявляют инициативы в поиске информации о проекте, но зачастую даже пропускают мимо ушей те сведения, которые попадают в их информационное поле. Вот еще один характерный фрагмент обсуждения.

“Все участники: Нет, не хватает <информации>.

1-й участник: Ни разу коллектив не собирался, об этом не говорили.

2-й участник: Никто не приезжал, никто не выступал. <...>

3-й участник: Я вспоминаю... кажется, у нас и было какое-то собрание, точно не помню” (ДФГ, Казань).

Существует, таким образом, проблема поиска таких способов пропаганды национального проекта, которые бы довели его до целевого потребителя. Педагоги высказали на этот счет чрезвычайно широкий спектр предложений: от телевизионной рекламы, в которой вместо “ужастиков” и памперсов рекламировался бы нацпроект, до специального выступления В. Путина, которое содержало бы необходимые для учителей разъяснения.

“Не рекламу про памперсы, извините, а про проект мне пусть рекламу сделают” (ДФГ, Краснодар).

“Опять же Путин непосредственно должен рассказать о нем более подробно” (ДФГ, Краснодар).

Многим педагогам кажется очевидным, что информация о национальном проекте должна “спускаться” к ним административно-целевым порядком. Некоторые предлагали наказывать администраторов школ за недоработки в деле информирования учителей.

“Ну, может быть, чтобы по коллективам ходили товарищи и просвещали нас” (ДФГ, Омск).

“1-я участница: Ну, читать действительно бывает часто нет времени, поэтому, может быть, действительно на совещании, вот как рассказывали. <...>

2-я участница: Пришли бы, рассказали...

3-я участница: Самую суть взять из этого, то, что непосредственно каждого касается, самую суть – и рассказать об этом как можно короче.

Модератор: А кто это должен рассказать?

3-я участница: Ну, наверно, завуч по науке, я так думаю, которому вот эти вот термины – легко и просто усвояемые... Который может перевести на нормальный язык, всем понятный. И о нем рассказать” (ДФГ, Екатеринбург).

“Если потребовать с администрации отчеты, например, как мы перед ними отчитываемся за методическую работу. Администрация отчитывается, что она сделала в рамках национального проекта: например, пособие купила, с учителем поговорила, чтобы она премию выбила, все

доводила до сведения рядового учителя. Должен быть спрос с администрации. Мне так кажется, да” (ДФГ, Ярославль).

“Вот даже такой социологический опрос провести, прийти в школу на педагогический совет – и провести в школе совет. Задавайте вопросы администраторам, как доводится информация, что сделано, – и записывайте на магнитофон. И возьмите пять или десять школ – и все будет прекрасно! Потом все втык получают – зато будет правильно” (ДФГ, Ярославль).

Последние из приведенных высказываний особенно примечательны. Для многих учителей кажется очевидным, что ответственность за реализацию нацио-

Для многих учителей кажется очевидным, что ответственность за реализацию нацпроекта лежит на администрации школ. Подобное представление выглядит вполне логичным, если воспринимать данный проект не как программу преобразований, обращенную непосредственно к учителям, а как бюрократическое начинание – и именно так воспринимают его большинство педагогов

нального проекта “Образование” лежит на администрации школ, – именно эта официальная инстанция выступает, по мнению педагогов, субъектом реализации намеченного. Подобное представление выглядит вполне логичным, если воспринимать нацпроект не как программу преобразований, обращенную непосредственно к учителям, а как бюрократическое начинание – и именно так воспринимают его большинство педагогов.

Многие учителя требовали, чтобы им рассказали о проекте “на простом, доступном языке”. Так, завуч из Екатеринбурга, учительница русского языка, литературы и истории, говорила, что хотела бы узнать о проекте поподробнее, но “с приложением толкового словаря”.

“С приложением толкового словаря, потому что некоторые пункты так обозначены, такими нововведениями, новыми словами, и темы там некоторых выступлений, что сначала надо к толковому словарю обратиться. Перевести это все на русский язык... И потом уже начинать о чем-то пони-

мать. Потому что первый раз читаешь – ты вообще ничего не понимаешь, как на иностранном языке” (ДФГ, Екатеринбург).

“В обычном толковом не найти”, – вторит ей коллега.

В числе доступных форм просвещения учителей назывались видеофильмы, учебные игры, мастер-классы, популярные стенды в общественных местах.

“Вообще очень мало, конечно, <информации>. Например, в поликлинику я могу прийти и конкретно, стоя в очереди, от безделья могу почитать на стене, конкретно все расписано: «Программа “Здравоохранение”». И расписано конкретно: кто, чего, кого, на каком уровне кто что делает. Для нас конкретно все написано, хотя бы так можно ознакомиться. Если бы какой-то видеофильм создали, например, и какой-то один день вместо уроков, например, посадили часть школы – показали. Родители – кто захотел, пришел тоже. Собираются же школьные родительские собрания – так почему бы не собрать по такому поводу школьное родительское собрание или учеников после уроков?” (ДФГ, Краснодар).

“1-я участница: ...Это [информация о национальном проекте] интересно, но мы все равно будем заниматься своими делами... Почему мы идем заниматься своими делами? Потому что у нас мало информации, мы об этом не знаем.

Модератор: *А хотелось бы узнать?*

1-я участница: *Да, естественно хотелось бы.*

Модератор: *Откуда?*

1-я участница: *Ну, вот мне бы хотелось, чтобы мне пришли и рассказали об этом на совещании. Чтобы это было целенаправленно... Или из роно, или завуч, или еще кто-то должен доступно донести до учителя суть вот этого всего.<...>*

2-я участница: *Но только не скучным языком. Если она придет, этот методист, которая опять будет этими красивыми словами оперировать.*

1-я участница: *Чтобы она доступно показала.*

2-я участница: *Вот, например, этот параметр – и она обыграла бы это. Как мы детям рассказываем про то, что нельзя ни потрогать, ни понюхать, ни пощупать. Вот тогда да. Я это все могу, я все это сделаю. И тогда я буду работать. <...>*

3-я участница: *Пусть даст мастер-класс – как это делается, как достигаются такие высоты, как получить 100 тысяч” (ДФГ, Екатеринбург).*

“Информация-то есть, но она как-то так однобоко направлена... Практически... хотя бы концепцию, основные положения, основные направления. Потом – на какой срок это рассчитано, что конкретно предполагается делать. То есть как-то вот полностью все, но как-то не то, что вот пишется в газетах, например, что очень трудно понять, а в виде схемы, наглядно, зрительно, что то, то, то, то здесь, здесь, здесь, здесь. И нормальным языком человеческим. Потому что вот этот официальный казенный язык – иногда три раза читаешь, чтобы вникнуть в смысл... Если бы вот кто-то создал фильм, какой-то конкретный видеофильм, такое, что было бы интересно посмотреть, на простом, доступном языке. Для всех, и для нас, учителей, тоже” (ДФГ, Краснодар).

Впрочем, некоторые педагоги говорили, что они в состоянии сами разобраться в материалах национального проекта и сделать выводы о его содержании.

“...мне бы хватило информационных бюллетеней на федеральном или региональном уровне. Я в состоянии прочитать и сама сделать выводы” (ДФГ, Омск).

Заметим, что идея информационных бюллетеней достаточно полно реализована на официальном сайте Совета при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (<http://www.rost.ru>), который содержит как комплекс базовых документов и разъясняющих материалов о национальных проектах, так и последние новости о ходе их реализации.

* * *

Рассмотренные выше материалы исследования дают основания предполагать, что делать сегодня ставку на учителя, видя в нем субъекта преобразования школьного дела, малоперспективно. Как по объективным, так и по субъективным причинам он живет в достаточно вязкой среде, оказывающей ощутимое сопротивление неорганичным для нее инновациям. ■

(Окончание в следующем номере)

Делать сегодня ставку на учителя, видя в нем субъекта преобразования школьного дела, малоперспективно. Как по объективным, так и по субъективным причинам он живет в достаточно вязкой среде, оказывающей ощутимое сопротивление неорганичным для нее инновациям

Е. Вовк

Количество детей в семье: установки и репродуктивное поведение

Очевидно, что количество детей в семье определяется, с одной стороны, репродуктивными установками супругов (в частности, установками на детность), а с другой – внешними обстоятельствами, которые, по оценке людей, могут благоприятствовать или не благоприятствовать реализации этих установок. Ниже представлены результаты одного из опросов¹, в ходе которого выяснялось, сколько детей люди имеют и в принципе хотели бы иметь, а также обсуждались ближайшие репродуктивные планы респондентов.

С одной стороны, говорить о массовой ориентации на многодетность сегодня не приходится: две пятых участников опроса (40%) заявили, что будь у них для этого идеальные условия, они хотели бы иметь двоих детей, еще 8% опрошенных и в идеальных условиях предпочли бы ограничиться одним. С другой стороны, говорить о “нормативной двухдетности” вроде как тоже нет достаточных оснований: треть респондентов утверждают, что при идеальных условиях хотели бы иметь троих (22%) или даже четверых и более (12%) детей.

Заявили, что вообще не хотели бы иметь детей, 7% участников опроса. Но делать поспешные выводы об их выраженной установке на бездетность не стоит. Присмотримся к этой группе внимательнее. На 77% она состоит из людей, которым более 45 лет. Скорее всего, они подразумевали, что *уже больше* не хотели бы заводить детей, какие бы условия у них ни были. Не исключено, что этот же смысл вкладывали в свой ответ и некоторые из опрошенных детородного возраста, уже удовлетворивших свою потребность в детях. Поэтому, чтобы получить более чистую оценку распространенности установки на бездетность, стоит посмотреть, какова доля не желающих иметь детей среди бездетных респондентов в возрасте до 45 лет, – она же, согласно данным опроса, составляет 4% от общего числа опрошенных.

¹ Общероссийский опрос населения от 20–21 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Реальное количество детей в российских семьях заметно отличается от желаемого. Четверть опрошенных (25%) сообщили, что детей у них нет. Естественно, эта группа формируется в основном за счет респондентов молодого возраста, еще не успевших обзавестись чадами. Так, в возрастной группе 18–25 лет доля не имеющих детей составляет, согласно опросу, 78%; в возрастной группе 26–35 лет – уже только 24%; в возрастных группах старше 36 лет – 8–10%². Далее, треть опрошенных сообщили об одном ребенке (31%), треть – о двоих (33%), 8% – о троих, у 4% – четверо детей и более. Распределение количества детей у респондентов по возрастным группам представлено на *графике 1*. Как и следовало ожидать, картины в трех возрастных группах старше 36 лет схожи. И, как видим, большинство респондентов останавливаются на одном-двух отпрысках.

Вообще, относительно установок на детность существуют два устойчивых стереотипа. Один гласит, что молодежь не желает обременять себя заботами, отказывать себе в жизненных удовольствиях и потому старается ограничиться меньшим количеством детей. Второй утверждает то же самое по поводу людей с высокими доходами – дескать, материалистические ценности и индивидуалистические устремления приводят к тому, что богатые заводят меньше детей, чем бедные. Посмотрим, подтверждаются ли эти расхожие мнения полученными в ходе опроса данными.

Очевидно, что зависимость установок на детность от возраста можно проверить только с помощью вопроса о желаемом количестве детей (*табл. 1*). Отметим, что в разных возрастных группах существенно различаются доли

Треть респондентов утверждают, что при идеальных условиях хотели бы иметь троих и более детей. Две пятых участников опроса заявили, что и при таких условиях они предпочли бы иметь двоих детей, еще 8% ограничились бы одним ребенком

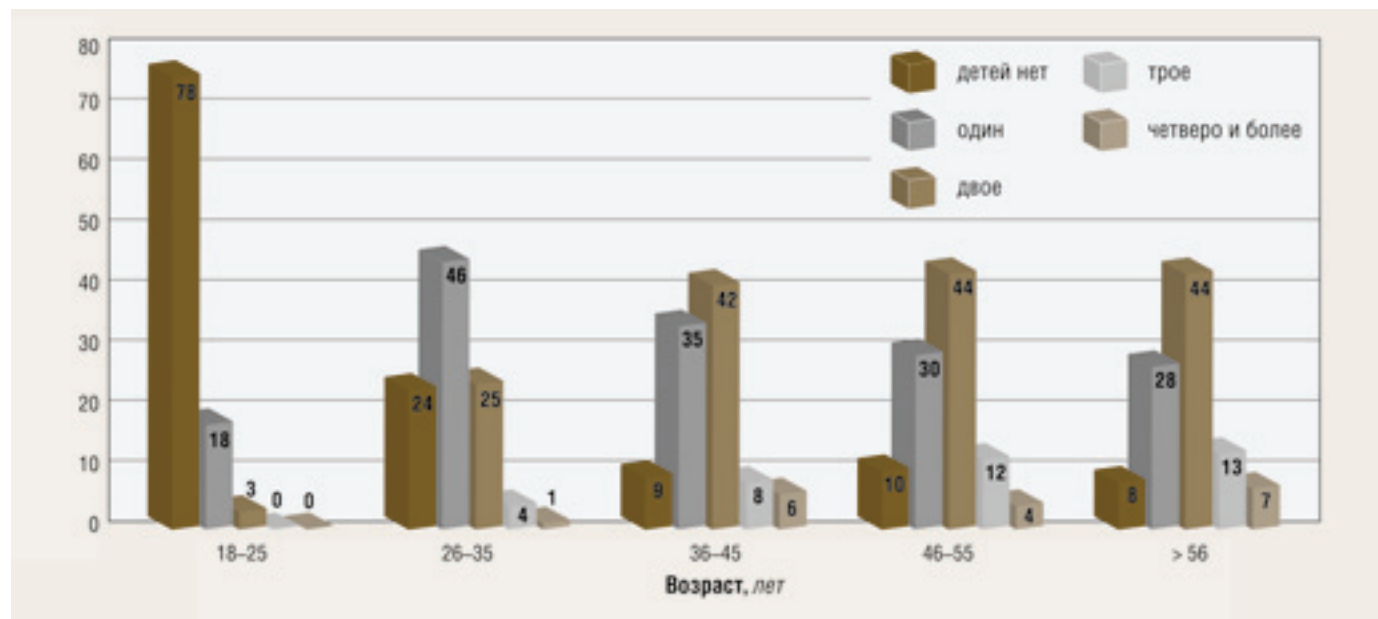

График 1. Фактическое количество детей в возрастных группах (% от групп)

² По данным переписи 2002 года, доля женщин, не родивших в течение жизни ни одного ребенка, в возрастных когортах старше 40 лет составляет 6–9%. См.: <http://perepis2002.ru>.

Табл. 1. Желаемое количество детей (при идеальных условиях) в возрастных группах

% от групп (по столбцам)

	Возраст, лет				
	18-25	26-35	36-45	46-55	>56
Сколько Вы хотели бы иметь детей, если бы у Вас были для этого идеальные условия?					
Не хотел(-а) бы иметь детей	2	3	2	9	12
Одного	14	9	9	8	6
Двоих	48	52	48	35	26
Троих	18	26	24	21	22
Четверых и более	7	7	16	15	16
Затрудняюсь ответить	11	3	2	12	17

выбравших ответы “не хотел(-а) бы иметь детей” (неоднозначность такого ответа мы обсуждали выше) и “затрудняюсь ответить” (эту позицию чаще других выбирают самые молодые и самые пожилые респонденты). Но попробуем, не останавливаясь на этих различиях, представить общую картину. Мы увидим, что ответы респондентов разных возрастных групп в целом схожи, за исключением группы 18–25-летних: они несколько чаще остальных заявляют, что предпочли бы ограничиться одним ребенком (14% по сравнению с 6–9% в других возрастных группах), и реже сообщают о желании обзавестись тремя и более детьми (25% по сравнению с 34–39%). Кроме того, можно усмотреть некоторое различие между ответами 26–35-летних и 36–45-летних: установки первых несколько смещены в сторону двухдетности, установки вторых – в сторону предпочтения четырех и более детей.

Иначе говоря, определенные возрастные различия в установках на желаемое количество детей усматриваются, но они не столь существенны, как можно было бы ожидать, если бы снижение потребности в детях действительно было выраженным поколенческим феноменом.

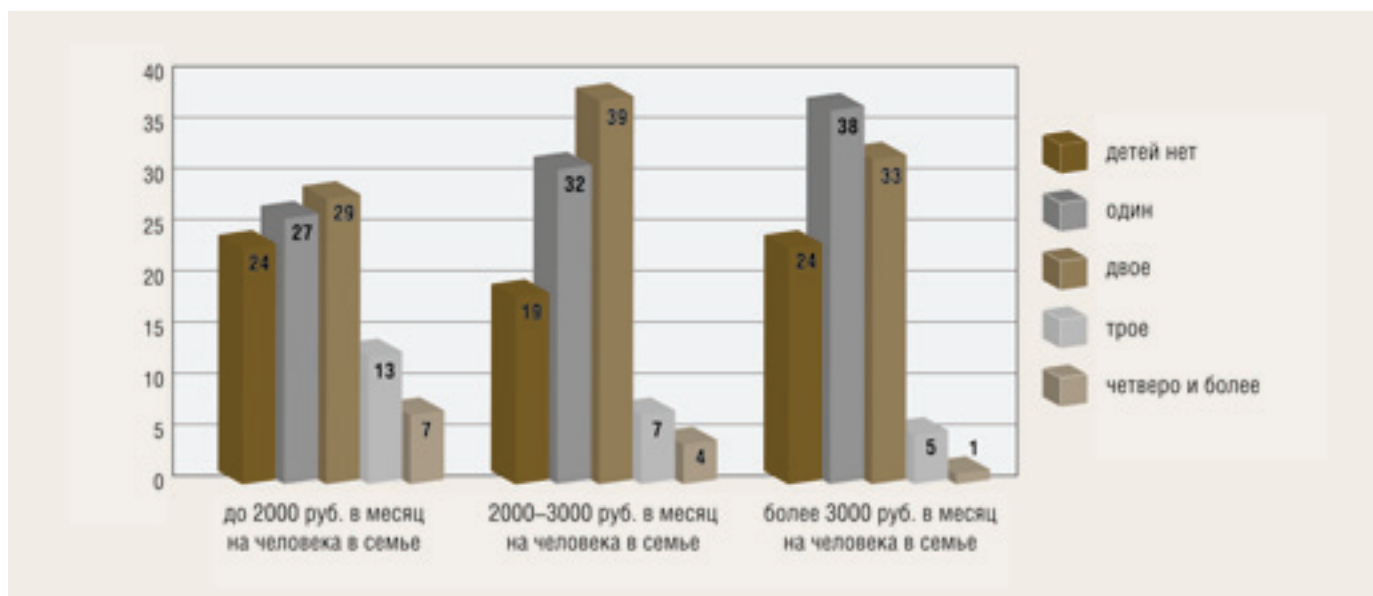

График 2. Фактическое количество детей в группах по доходам (% от групп)

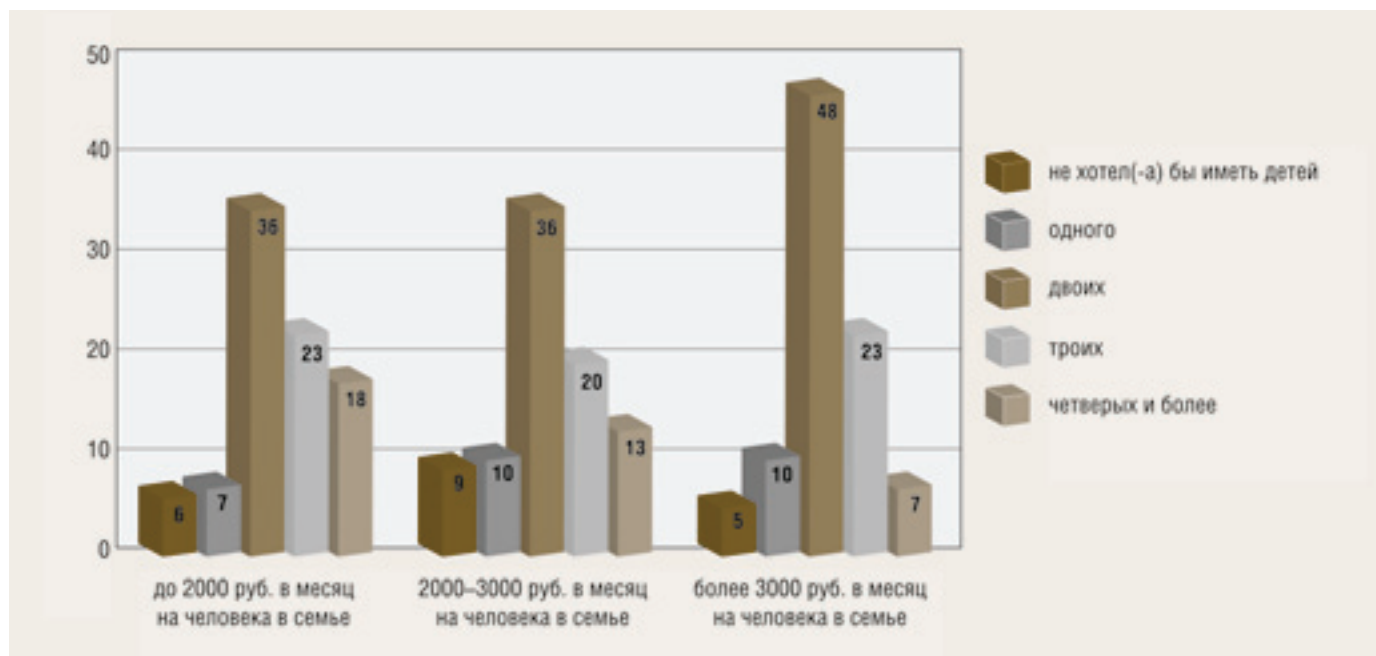

График 3. Желаемое количество детей (при идеальных условиях) в группах по доходам (% от групп)

Что касается связи между уровнем доходов и установкой на количество детей, то она действительно прослеживается – и в том, что касается фактического, и в том, что касается идеального числа детей (графики 2, 3).

Однако, на наш взгляд, обратная связь между уровнем дохода и реальным количеством детей – не более чем самоочевидная корреляция. Действительно, в семье с тремя детьми среднедушевой доход будет ниже, чем в семье с тем же совокупным уровнем заработка, но с одним ребенком или без детей.

Обратная связь между уровнем дохода и установками на количество детей также может быть простой корреляцией: ведь в семье, ориентированной на многодетность, вероятнее всего, детей уже больше (а значит, среднедушевой доход – ниже), чем в семье, ориентированной на малодетность. То есть приведенные данные не дают оснований говорить о том, что уровень дохода влияет на потребность в детях. Можно разве что сказать, что для одних важнее оказывается количество детей, а для других – уровень и качество жизни.

Чтобы проверить гипотезу о сниженной потребности в детях у людей с высоким уровнем дохода, следует, на наш взгляд, искать наличие такой связи в группах респондентов, гомогенных по количеству детей. И она обнаруживается только у тех, кто уже *родил двоих детей*: здесь люди с более высоким уровнем дохода действительно реже остальных выражают желание обзавестись еще одним или несколькими чадами (табл. 2).

Среди респондентов, *имеющих одного ребенка*, такой зависимости уже не наблюдается. А вот среди респондентов, еще *не обзаведшихся детьми*, ярко выражена даже обратная зависимость: чем выше среднедушевой уровень дохода в семье респондента, тем чаще он заявляет, что вообще-то хотел бы иметь двух и даже трех и более детей (табл. 3).

К сожалению, у нас недостаточно данных, чтобы объяснить, почему при изменении фактического количества детей в семье меняется зависимость между

Табл. 2. *Желаемое количество детей (при идеальных условиях) в группах по доходам среди имеющих двоих детей* % от групп (по столбцам)

	Доход, руб.		
	до 2000 руб.	2000–3000 руб.	более 3000 руб.
Сколько бы Вы хотели иметь детей, если бы у Вас были для этого идеальные условия? (Ответы имеющих двоих детей)			
Не хотел(-а) бы иметь детей	4	10	6
Одного	2	1	1
Двоих	38	47	59
Троих и более	45	31	27

Табл. 3. *Желаемое количество детей (при идеальных условиях) в группах по доходам среди не имеющих детей* % от групп (по столбцам)

	Доход, руб.		
	до 2000 руб.	2000–3000 руб.	более 3000 руб.
Сколько бы Вы хотели иметь детей, если бы у Вас были для этого идеальные условия? (Ответы не имеющих детей)			
Не хотел(-а) бы иметь детей	13	11	5
Одного	13	19	7
Двоих	39	37	50
Троих и более	21	23	28

уровнем дохода респондента и желаемым количеством детей. Возможно, это биографический феномен: например, по мере насыщения потребности в детях происходит некая переоценка собственной жизненной ситуации и смещение репродуктивных установок. А возможно, это феномен возрастной (три группы, выделенные по количеству детей, заметно отличаются и по возрастному составу³), и дело в том, что в разных поколениях наблюдаются различные корреляции между уровнем дохода и потребностью в детях. Проверка как первой, так и второй гипотезы требует проведения дополнительных исследований.

В любом случае, повторим, универсальной зависимости между уровнем дохода и репродуктивными установками не наблюдается. Однозначного подтверждения гипотезы о сниженной потребности в детях у людей с высокими доходами мы также не получили.

Но вернемся к желаемому и фактическому числу детей. Из простого сопоставления двух рядов данных следует, что значительная часть россиян не полностью реализуют свои (декларируемые) установки на детность. Так, среди 36–45-летних респондентов (в большинстве своем, скорее всего, уже закрывших для себя вопрос с деторождением), 24% заявляют, что хотели бы иметь троих детей, еще 16% – что хотели бы иметь четверых и более. Однако обзавелись тремя-четырьмя детьми всего 8% и 6% соответственно (*график 4*).

Всего, согласно полученным данным, 57% опрошенных в возрасте 36–45 лет заявляют, что хотели бы иметь больше детей, чем у них есть; в группе 46–54-летних эта доля составляет 43% (в более молодых группах она, естественно, суще-

³ Средний возраст бездетных респондентов составляет 30 лет, средний возраст однопородных – 44 года, средний возраст двухдетных – 51 год.

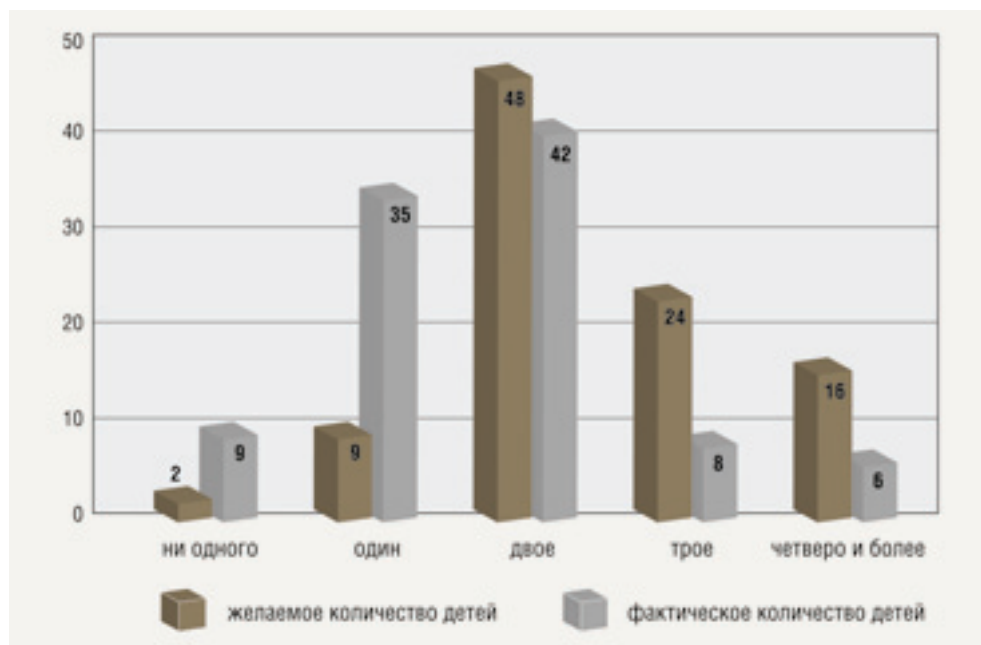

График 4. Желаемое и фактическое количество детей в возрастной группе 36–45 лет (% от группы)

ственно выше – но эти респонденты, скорее всего, еще и не закончили свою репродуктивную деятельность).

Какие же причины мешают респондентам рожать столько детей, сколько они хотели бы? Всех участников опроса в возрасте до 50 лет спросили, планируют ли они рождение ребенка в ближайшие лет пять, и тех, кто делать этого не собирается, попросили объяснить, почему (вопрос задавался в открытой форме). Посмотрим, как отвечают на него те из опрошенных, кто утверждает, что хотел бы иметь больше детей, чем есть у него сейчас, но не планирует обзавестись потомством в обозримом будущем⁴.

Респонденты старше 40 лет часто ссылаются на преклонный, по их мнению, возраст (хотя, конечно, это не единственная называвшаяся причина).

“Мне уже поздно заводить детей”; “возраст вышел”; “в моем возрасте уже с внуками нянчатся, а не с детьми”; “остарели”; “в мои годы это уже смешно” (ответы на открытый вопрос).

Респонденты моложе 25 лет, напротив, часто заявляют, что им заводить детей еще рано: не нашли спутника жизни, недоучились и не получили профессию, не обрели стабильного финансового положения.

“Мне еще рано об этом думать”; “молод еще”; “я еще не женат”; “сначала надо встать на ноги”; “сначала получу образование, работу – а потом буду планировать”; “сначала надо закончить учебу и устроиться на нормальную работу, чтобы обеспечить семью” (ответы на открытый вопрос).

А вот среди респондентов среднего возраста (26–40 лет), в принципе желающих иметь больше детей, чем у них есть сейчас, наиболее частое объяснение

⁴ Доля таких людей составила 35% от означенной возрастной группы, или 20% по выборке; для сравнения: доля желающих иметь больше детей, чем есть, и планирующих ими обзавестись в ближайшие пять лет – 29% от группы, или 16% по выборке.

отсутствия планов по обзаведению потомством – это финансово-материальные обстоятельства (на ту же причину, помимо возраста, часто ссылались и респонденты старше 40 или моложе 25 лет).

“Нет средств воспитывать”; “материальные и жилищные условия не позволяют, одного бы вырастить”, “тяжелое материальное положение”; “зачем нищету плодить?”; “трудно прокормить даже одного”; “условия жизни не позволяют”; “все платно – тяжело”, “по нашей жизни и одного трудно вырастить”; “нет квартиры, не смогу обеспечить им достойное образование, достойную жизнь”; “нет материальных возможностей растить детей, плохие жилищные условия” (ответы на открытый вопрос).

Характерно, что и респонденты с низким, и респонденты с относительно высоким уровнем среднедушевого дохода в семье в равной мере склонны объяснять отказ от рождения еще одного ребенка недостаточным материальным

благополучием – и даже говорят об этом одними и теми же словами. Ниже приведены высказывания респондентов из двух разных доходных групп, уже родивших двоих и желающих иметь троих и более детей, но пока что не планирующих их рождение (ссылки на возраст и личные обстоятельства мы опустим).

“Нет денег, не позволяют жилищные условия”; “финансовая проблема, жилье”; “нет условий, нет работы”; “денег не хватает”; “этих хоть вырастить”; “нам не потянуть финансово”; “этих не прокормишь – зарплата маленькая” (ответы на открытый вопрос респондентов с уровнем дохода меньше 2000 рублей в месяц на человека в семье).

“Нет жилья, финансовые проблемы”; “для этого нужны условия”; “финансовые возможности не позволяют”; “этих надо поднять”; “нет жилищных условий”; “очень дорого стоит поднять детей”; “полная нищета”; “нет средств” (ответы на

открытый вопрос респондентов с уровнем дохода больше 3000 рублей в месяц на человека в семье).

Остается заключить, что – по меньшей мере на уровне фасадных ценностей – большинство россиян полагают: ребенку необходимо обеспечить определенный уровень жизни, некий минимальный соцпакет. Представления же о “необходимом минимуме” у всех, естественно, разные – для кого-то это еда и одежда, для кого-то – отдельная комната, качественное медицинское обслуживание, хорошее образование, отдых за границей и т. д. Самостоятельная, экзистенциальная ценность детей (установка на обзаведение ими вне зависимости от наличных условий) как бы отходит на второй план. В этом отношении, пожалуй, можно согласиться с исследователями, толкующими об “эпохе детоцентризма”: центральным оказывается вопрос не о том, что *дети* могут дать *родителям*, а о том, что *родители* могут дать *детям*.

Конечно, за ссылками на материальные условия, позволяющие или не позволяющие рожать детей, стоят некие более глубокие ценности и установки⁵. Но их обсуждение выходит за рамки нашего небольшого материала. ■

⁵ Например, представления об идеальном количестве детей в семье и об идеальных условиях для обзаведения ими.

Большинство россиян полагают, что ребенку необходимо обеспечить определенный уровень жизни, некий минимальный соцпакет. Самостоятельная, экзистенциальная ценность детей (установка на обзаведение ими вне зависимости от наличных условий) как бы отходит на второй план

Г. Кертман

Спор о Пиночете

В советские времена репутация Аугусто Пиночета в нашей стране была вполне однозначной: чилийский диктатор воспринимался как одна из самых мрачных фигур современной истории. Впоследствии, к началу 90-х годов, возникла либеральная апология Пиночета: в заслугу ему ставилось “экономическое чудо”, обеспеченное строгим соблюдением принципов монетаризма и, соответственно, высвобождением рыночных сил, а военный переворот и массовые репрессии частично оправдывались тем, что левое правительство С. Альенде вело страну к экономическому коллапсу.

Исходя из этого, можно было предполагать, во-первых, что на нынешнем витке развития России – когда сугубо либеральные экономические взгляды, равно как и их открытые приверженцы не пользуются особой популярностью – историческая роль генерала представляется нашим согражданам преимущественно негативной, а во-вторых – что мнения о нем существенно варьируются в зависимости от возраста. Молодые россияне, лучше адаптированные к рыночным условиям и меньше склонные симпатизировать левым, чем пожилые, а к тому же – не видевшие, в отличие от последних, репортажей о штурме дворца Ла Монеда в сентябре 1973 года, не читавшие в прессе о массовых репрессиях в Чили в годы правления Пиночета, не смотревшие, наконец, советский фильм “Это сладкое слово – свобода”, должны, вроде бы, быть снисходительнее к покойному генералу, нежели люди более зрелого возраста.

Однако данные опроса¹, проведенного после смерти А. Пиночета (а об этом событии, широко освещавшемся в СМИ, знали или хотя бы что-то слышали к моменту опроса 72% россиян), опровергают эти предположения: 21% респондентов считают, что Пиночет сыграл в истории своей страны по преимуществу положительную роль, 19% – что по преимуществу отрицательную. И примерно такое распределение ответов – с мизерным перевесом позитивных суждений над негативными – воспроизводится во всех возрастных группах.

21% респондентов считают, что Пиночет сыграл в истории своей страны по преимуществу положительную роль, 19% – что по преимуществу отрицательную. Примерно такое распределение ответов воспроизводится во всех возрастных группах

¹ Общероссийский опрос населения от 16–17 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Уровень образования и доходов респондентов, кстати, также не оказывает существенного влияния на их оценки. Ощутимо варьируются они лишь в зависимости от пола опрошенных: мужчины вдвое чаще, чем женщины, считают роль Пиночета положительной (29% и 14% соответственно); признают ее отрицательной по 19% мужчин и женщин.

Большинство же участников опроса не смогли вынести определенный вердикт, причем 24% респондентов (среди молодежи – 34%) сказали, что ничего не знают о Пиночете. Понятно, что и многим из прочих респондентов, затруднившихся с ответом, практически ничего не известно о бывшем чилийском

Оценившие роль Пиночета положительно говорят, что он “обеспечил экономический рост”, “навел порядок в стране”. Некоторые видят заслугу Пиночета в том, что он был диктатором

правителе, однако некоторые, надо полагать, не решаются высказать определенное суждение потому, что баланс положительных и отрицательных результатов его правления для них неочевиден. В пользу этого предположения говорит то, что среди высказываний респондентов, оценивших историческую роль Пиночета как позитивно, так и негативно (они аргументировали свои оценки, отвечая на открытые вопросы), встречаются амбивалентные реплики, авторы которых признают деятельность генерала успешной в экономическом отношении, но осуждают его за пролитие крови соотечественников.

“Вывел страну из кризиса, но ценой непростительных человеческих жертв”; “помог поднять экономику Чили, но жертвы ему прощать нельзя”, – говорят респонденты, считающие роль Пиночета положительной. *“Несмотря на прогресс в экономике, он был диктатором и строил свою политику на костях и крови сотен людей”; “поднял страну за счет смерти миллионов людей”, –* откликаются участники опроса, считающие его роль отрицательной. Очевидно, что по крайней мере часть респондентов, интерпретирующих итоги правления Пиночета в таком ключе, затрудняются дать этим итогам однозначную оценку.

Присмотримся, однако, повнимательнее к аргументации тех, кто занял ту или иную позицию. Их доводы позволяют понять, как наши сограждане трактуют сегодня фигуру Пиночета (что само по себе любопытно), а также – что, конечно, важнее – составить представление о критериях, установках, приоритетах, которыми они руководствуются в оценках покойного чилийского правителя и, безусловно, отнюдь не только его.

Начнем с высказываний тех, кто оценил роль Пиночета **положительно**. Примерно треть из них (6% от всех опрошенных) говорят о том, что он *“поднял экономику страны”; “вывел страну из экономического кризиса”; “обеспечил экономический рост”*. В некоторых репликах генерал предстает чудотворцем, спасшим экономику Чили от гибели: *“если бы не он, то экономика страны бы рухнула”; “страна была в таких экономических обстоятельствах, что только чудо могло спасти страну – и тут появился Пиночет”; “создал экономику”*. Но вот что показательно: ни один из участников опроса даже вскользь не упомянул о либеральном механизме чилийского “экономического чуда” – результат здесь оценивается безотносительно к методу его достижения.

Причем и сам этот результат представляется некоторым не столько экономическим, сколько социальным “чудом”: Пиночет, по их мнению, *“накормил на-*

род”; “уровень жизни населения поднял”; “вытащил народ из нищеты”; “наладил там жизнь людям” (2% опрошенных).

Довольно многие (5%), не вдаваясь в детали, говорят, что Пиночет “много сделал для страны хорошего, поднял страну”: генерал, полагают они, “все наладил в Чили”; “поднял страну с колен”; “дал толчок к переменам”; “привел страну к прогрессу”; “поднял страну на высокий уровень развития”. Стоит отметить, что в некоторых репликах такого рода содержится полемика с предполагаемыми оппонентами: респонденты знают о контраргументах, которые могут быть им предъявлены, но отмечают их. Иногда – сдержанно и как бы извиняясь: “поднимал страну, всем не угодить”. Иногда – агрессивно: “поднял Чили из дерьма; пусть с жертвами – ну и что?” Иногда – с абсолютной уверенностью в правоте Пиночета и универсальности его методов: “он все правильно делал, и во всех странах делают так же, чтобы поднять страну, – только не афишируют это”.

Некоторые (3%) с одобрением отмечают, что генерал “навел порядок в стране”, явно усматривая тут пример для подражания. Одни одобрительно – и, кажется, немного мечтательно – заявляют: “была дисциплина, порядок, государство шло вперед”; “хороший правитель: строгость и порядок”; “бояться и уважать стали”. Другие обобщают, убежденно декларируя: “порядок всегда даст результаты”; “езде должна быть дисциплина”. Третьи прямо говорят о том, что желали бы “порядка”, подобного пиночетовскому, в нашей стране: “улучшил порядок, народ стал дисциплинированнее, ввел комендантский час – у нас тоже это нужно”; “нам такой диктатор нужен в стране – навести порядок”. Особо стоит отметить реплику респондента, явно экстраполирующего свой идеал порядка на Чили времен правления Пиночета: “порядок навел: воровал и другим давал”.

К группе апологетов “порядка” примыкают и те респонденты (2%), которые видят заслугу Пиночета в том, что он был диктатором. Здесь тоже обнаруживаются и констатации (“он был диктатор – было единовластие”; “держал страну в руках”; “сплотил страну диктатурой”), и декларации идеологического характера (“в каждой стране правитель должен быть жестким”; “диктатор играет положительную роль”), и прямые апелляции к отечественному опыту (“столько времени и у нас возжи – Ленин, Сталин – правили, все было нормально”).

Еще один довод в пользу Пиночета – весьма парадоксальный применительно к диктатору, упразднившему демократические процедуры, – состоит в длительности его правления. Некоторые убеждены: “раз долго правил – значит, ценили его люди” (“много лет продержался на своем посту”; “если бы было плохо, то он бы столько времени не удержался в руководителях”; “если так долго правил страной”). Этот аргумент, по-видимому, принадлежит тому же авторитарному дискурсу, что и апелляции к достигнутому в Чили “порядку” и похвалы диктатуре.

Иные доводы звучали крайне редко. Некоторые ссылались на мнения чилийцев, оплакивавших Пиночета, кто-то отмечал, что “если бы Чили пошла по пути социалистического развития, то лучше бы не стало”, кто-то про-

---

Те, кто оценивает роль Пиночета негативно, чаще всего говорят о репрессиях, о многочисленных жертвах его режима, об установленной им диктатуре

сто восторгался генералом (“лидер”; “он был выдающимся”; “он чистый и откровенный”).

Те же, кто оценивает роль Пиночета **негативно**, чаще всего говорят, естественно, о репрессиях, о многочисленных жертвах его режима (9%, половина ответивших на соответствующий открытый вопрос): “много крови пролилось при нем”; “он массово истреблял свой народ”; “расстрелы”; “террор”; “репрессии”; “массовые казни людей были в Чили”; “стадион с расстрелянными людьми”; “не могу простить смерть людей”; “душегуб он”; “убийца не может играть положительную роль”.

Многие (6%) говорят об установленной Пиночетом диктатуре, причем этот факт для них однозначно перевешивает любые возможные достижения правительства: “диктатор – он и есть диктатор, этим все сказано”; “диктатура хорошего не знает”; “отрицательно отношусь к насилию и диктатуре”; “тиран”; “деспот”; “он установил тоталитарный режим”; “он был наподобие Сталина – диктатор, который издевался над народом”.

Некоторые называли режим Пиночета фашистским (1%), говорили о социальном расслоении и бедности большинства населения в Чили (1%), о том, что “при демократии Чили бы дальше шагнула, чем при диктатуре Пиночета” (1%).

Как видим, критики Пиночета оценивают его прежде всего как палача и диктатора – точно так же, как оценивали этого исторического деятеля до попытки “реабилитации”, предпринятой на исходе перестройки. А вот в образе покойного генерала, который рисуют его почитатели, вопреки либеральной апологетике тех времен практически не просматриваются черты

приверженца экономической свободы (единомышленника – в этом вопросе – М. Тэтчер, Р. Рейгана и Е. Гайдара), спасшего свою страну от разрушительных социалистических экспериментов и высвободившего “невидимую руку рынка” из пут государственного регулирования. Сегодняшние российские поклонники Пиночета слышали о чилийском “экономическом чуде”, однако склонны приписывать его иной руке – “сильной руке” правителя, в котором они видят строгого, но справедливого “хозяина”, принесшего своей стране “порядок”, дисциплинировавшего и накормившего народ. А ностальгию по государственным деятелям такого типа сравнительно часто, как известно, испытывают пожилые россияне – поэтому и многие представители старшего, “советского” поколения позитивно отзываются о Пиночете, пересматривая, казалось, незыблемое представление об этой фигуре. Даже в рядах сторонников КПРФ, где мнение о нем, вроде бы, должно быть однозначным, доля признающих историческую роль генерала положительной лишь ненамного уступает доле считающих ее отрицательной: 24% и 29% соответственно. Наибольшей же популярностью он пользуется, как нетрудно догадаться, среди приверженцев ЛДПР: здесь о роли чилийского диктатора позитивно отзываются 36% респондентов, а негативно – 20%.

Так что частичной “реабилитацией” в постсоветской России Пиночет обязан не столько либеральной корректировке своего имиджа, сколько, напротив, неизменности этого имиджа и его соответствию столь притягательному для многих наших сограждан архетипу “сильной руки”.

Частичной “реабилитацией” в постсоветской России Пиночет обязан не столько либеральной корректировке своего имиджа, сколько, напротив, неизменности этого имиджа и его соответствию столь притягательному для многих наших сограждан архетипу “сильной руки”

Е. Гвоздева

Высший слой российского чиновничества: автопортрет

Если вам приснился какой-то чиновник, это, как правило, не сулит ничего хорошего. Давать чиновнику деньги во сне – к ущербу наяву; спорить с ним – к большим неприятностям...

Астрологический сонник (www.myastro.ru)

Современная российская бюрократия представляет собой крайне привлекательный объект для исследования. Наверное, трудно найти столь же многочисленную категорию россиян, которую наши сограждане не только не ассоциируют с “народом”, а, наоборот, активно ему противопоставляют.

Как правило, представления о чиновниках складываются у россиян из непосредственного опыта общения с ними в разных инстанциях, а также из сюжетов СМИ. При этом портрет госслужащего, формирующийся в сознании российского обывателя, мягко говоря, не изобилует положительными характеристиками. Хотя далеко не все статьи и репортажи о российских чиновниках, проходящие в газетах и на телевидении, имеют обличительную направленность, да и на местах нашим согражданам доводится сталкиваться с доброжелательными, добросовестными и бескорыстными представителями исполнительной власти, у большинства россиян чиновник ассоциируется с неизбежной бумажной волокитой, вымогательством денег и полным пренебрежением к нуждам просителя.

Примерно та же ситуация наблюдается при анализе результатов социологических исследований, посвященных российской бюрократии. Хотя в массиве любого исследования всегда присутствует определенный (как правило, небольшой) процент положительных и нейтральных высказываний о чиновниках и их деятельности, общей картины он не меняет: в массовом сознании доминирует представление, что российское чиновничество – сплошь коррупционеры, взяточники и вообще люди, озабоченные исключительно собственным благополучием¹.

Если на местном уровне с представителями исполнительной власти сталкиваться приходится едва ли не всем, то высокопоставленный чиновник, как правило, – фигура для обывателя почти недоступная. Хотя чисто теоретически каждый гражданин имеет возможность обратиться к чиновнику любого уровня

¹ См. материал С. Климовой в этом номере журнала.

через службы, занимающиеся рассмотрением обращений населения (такие существуют практически в каждой структуре исполнительной власти), в действительности этим каналом пользуются лишь единицы, а образ представителя “властной элиты” складывается у наших сограждан главным образом под влиянием СМИ.

Данная статья основана на материалах исследования российской бюрократии, проводимого группой исследователей² на базе ИЭ РАН. Исследование еще не завершено, на настоящий момент в его рамках проведено 30 глубинных интервью с представителями структур федеральной и региональной исполнительной власти, занимающих (или занимавших) управленческие позиции среднего и высшего уровня, то есть принадлежащих к категории “властной элиты”.

Эти интервью позволяют взглянуть на современную российскую бюрократию “изнутри”, рассмотреть механизмы и принципы ее функционирования – какими их видят сами чиновники, составить представление о групповой идентичности данной категории, ее нормах и ценностях.

Чиновники обычные и чиновники высокопоставленные

Опросы населения, проводимые ФОМом, свидетельствуют о том, что россияне относят к чиновникам практически всех наемных работников, обладающих хоть какими-то властными полномочиями: “...и паспортистку из ЖЭКа, и президента страны” [Шамсеева. 2004]. В то же время чиновники в представлении российских граждан не являются однородной массой. “Существует определенная разница в восприятии чиновников высшего звена федеральных органов управления и всего остального чиновничества” [Шамсеева. 2004].

Как правило, речь идет скорее об интуитивном разграничении данных категорий: исследователи, к примеру, обращают внимание на то, что респонденты по-разному оценивают работу “чиновников вообще” и “высших государственных служащих”. Так, обсуждая представителей чиновничества в целом, участники групповых дискуссий, проведенных ФОМом, высказывались в их адрес исключительно негативно. В то же время, отвечая на вопрос: “Как Вам кажется, чиновники федеральных органов управления в целом работают хорошо, удовлетворительно или плохо?”, примерно треть респондентов (35%) назвали их работу удовлетворительной, а 3% – “хорошей” [Шамсеева. 2004].

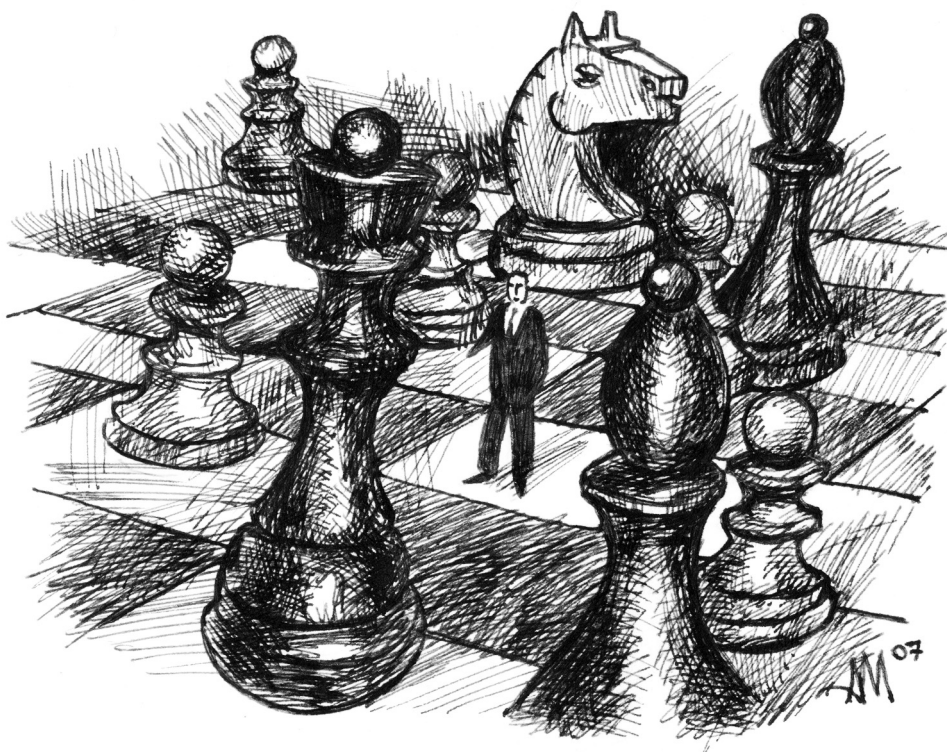
Где проходит граница между “обычными чиновниками” и “властной элитой”?

Где проходит граница между “обычными чиновниками” и “властной элитой”?

Если в представлении российских граждан деление чиновников на “обычных” и “высших” весьма условно, то сами представители исполнительной власти проводят эту границу достаточно четко. Проанализировав высказывания участников нашего исследования, можно сделать вывод, что на федеральном

² Антон Олейник (координатор проекта, ИЭ РАН и Университет “Мемориал”, Канада), Светлана Глинкина (ИЭ РАН), Евгения Гвоздева, Наталья Апарина (Кемеровский ГУ), Карин Клеман (ИС РАН), Галина Медведева (Социологический институт РАН).

Россияне относят к чиновникам практически всех наемных работников, обладающих хоть какими-то властными полномочиями

уровне она проходит примерно на рубеже должностей “начальник отдела” и “замдиректора департамента” федерального министерства³.

Без упоминания о подобной границе не обошлось обсуждение практически ни одного сюжета, но наиболее подробно респонденты описывали ее, анализируя возможности вертикальной мобильности чиновников. Подавляющее большинство опрошенных в той или иной форме высказывали мнение, что возможности карьерного роста для рядовых сотрудников заканчиваются на должности начальника отдела. Если двигаться по карьерной лестнице в рамках одной структуры исполнительной власти, то подняться выше практически невозможно: как правило, на более высокие позиции люди приходят со стороны – из других структур исполнительной власти или же вообще из бизнеса.

“Некая грань идет на уровне начальника отдела... где-то – чуть выше, где-то – чуть ниже... То есть человек со стороны, будучи никем, может дорасти до уровня заместителя начальника отдела, но выше, хоть тресни, он не пойдет. Выше – это уже личные, политические и прочие договоренности... Я при этом не исключаю, что человек может прийти в государственные структуры “со стороны”, а потом стать “чьим-то”, тогда его тоже будут тянуть. Но если он остался “ничьим”, то начальник отдела – это предел” (заместитель начальника отдела федерального агентства).

“Интервьюер: До какого уровня добираются люди, которые строят карьеру с низшей должности?”

³ К сожалению, в общем массиве полученных данных количество интервью с представителями региональной исполнительной власти пока невелико, поэтому невозможно делать заключения о том, где, по мнению респондентов, проходит граница между “вышей” и “рядовой” бюрократией на региональном и местном уровнях.

В рамках одной структуры федеральной исполнительной власти подняться выше должностей “начальник отдела” и “замдиректора департамента” министерства практически невозможно — на более высокие позиции приходят люди со стороны

Респондент: *Максимум — до начальника отдела... А вырасти, чисто теоретически, он может, конечно, до бесконечности, а практически — до замдиректора департамента, не больше... Директор департамента — это уже совсем другое* (начальник отдела федерального министерства).

“Исходя из своего опыта и из опыта других, я вывел: не имеет смысла приходить на низкие должности. Нужно сразу же... идти на должность... ну, понятно, если не директора департамента, то как минимум — начальни-

ка отдела, а лучше — замдиректора департамента...” (бывший директор департамента федерального министерства).

Подобную “кадровую непроходимость” участники интервью склонны объяснять тем, что должности, начинающиеся после данного рубежа, предполагают другой уровень ответственности и другой уровень компетенции.

“По сути дела, с этого уровня замначальника управления начинается политическое принятие решений” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

“Уровень принятия решений другой, другой уровень компетенции, уровень ответственности... качественно другой...” (заместитель руководителя федеральной службы).

“Начальник отдела становится сильно ограниченным, это заметно. Человек, будучи замначальника департамента, ку-

рирует несколько направлений — у него развивается системность мышления. Если ты слушаешь человека, то сразу можно определить: или он из той части — начальник отдела или ниже, или из другой — директор департамента и выше” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

Как следствие, человек, обладающий качествами, необходимыми на обсуждаемых высоких постах, — умением ориентироваться в политической ситуации, системным мышлением, высоким уровнем ответственности, по мнению опрошенных, не может быть выращен в своей среде и должен быть приглашен со стороны.

Рядовые чиновники ходят поодиночке, высокопоставленные — командами

По свидетельству участников интервью, понятие “команда” как феномен групповой кадровой мобильности появляется только на уровне властной элиты. Если рядовые чиновники переходят с должности на должность поодиночке, то крупный управленец ведет за собой сразу нескольких начальников более низкого уровня.

“Команда, по моим наблюдениям, — это максимум 3–4–5 человек... Ну, они начальники, вот они и перемещаются. Но, опять же, сложно взять и поменять всю команду в какой-то системе... Поэтому... ну да, команда, как та... Да, это тоже определенная замкнутость...” (начальник отдела федерального министерства).

Интервьюер: *А на каком уровне команды начинают играть какую-то роль?*

Респондент: *Когда человек в самом низу находится... в этом просто нет потребности! Ну, я бы сказал, что... ну... по-старому или по-новому?*

По-новому – на уровне директора департамента, по-старому – на уровне простого замминистра – это до фрадковской реформы” (директор департамента федерального министерства).

“А что касается самой команды, то понятно, что в первую очередь это – конечно, если брать министерские структуры... – министры, их замы и директора департаментов, начальники ключевых отделов или структурных подразделений...” (начальник отдела федерального агентства).

Появление команд на уровне высшей бюрократической элиты респонденты склонны объяснять чисто практической необходимостью: на этом уровне более важную роль начинают играть межличностное доверие и общность интересов. Примечательно, что членов подобных команд сами респонденты очень часто называют “единомышленниками”.

“Собственно, командой являются единомышленники...” (заместитель руководителя федеральной службы).

“Это же рынок очень специфический, и нужны, с одной стороны, понятно, некие квалификации, с другой стороны, нужно, чтобы человек был абсолютно проверенный, лояльный и т. д. То есть принцип команды здесь абсолютно точно применялся” (директор департамента федерального министерства).

“Да, вот такая команда у меня есть... Ну в каком смысле она у меня есть? В том смысле, что я доверяю каждому из своих заместителей” (глава муниципального образования).

При этом, как свидетельствуют высказывания участников интервью, при подборе команд зачастую принципиальное значение имеет именно лояльность сотрудника, а не его стаж, уровень компетенции и прочие профессиональные характеристики.

“Здесь вопрос долгосрочного доверия... Какой бы ни был хороший другой человек по профессиональным качествам, но если есть человек, которому ты доверяешь больше, ты можешь пожертвовать профессиональными качествами, по крайней мере частично, и меняешь их на такую долгосрочную лояльность, что этот человек тебя не сдаст и не подведет... Это же... ну, действительно, законы выживания-то волчьи, выживание в этой бюрократической системе очень непростое и можно идти только командами, а команды строятся на основе каких-то очень долгосрочных отношений...” (директор департамента федерального министерства).

Высокая степень доверия, столь необходимая для работы на высоких постах в структурах исполнительной власти, по мнению респондентов, возникает только с годами, поэтому зачастую членами одной команды становятся чиновники, которых объединяет “общее прошлое” – совместная работа либо учеба.

“Модель такая: все были в некотором равном младшем состоянии, были когда-то более или менее между собой <равны>... и когда один повышает-ся, большую часть он, конечно, тянет за собой... Это значительно облегчает ему принятие решений... Это как бы опыт предшествующей деятельности” (начальник отдела городской структуры исполнительной власти).

Понятие “команда” как феномен групповой кадровой мобильности появляется только на уровне властной элиты, когда начинают играть более важную роль межличностное доверие и общность интересов

“Командный принцип в бюрократии – рука руку тянет... Принимают на работу проверенных и близких людей, а близкие люди – это, естественно, с кем ты был близок до этого... Поэтому это очень часто географический принцип...” (директор департамента федерального министерства).

При этом многие респонденты считают подобные принципы подбора сотрудников вполне оправданными и объясняют их использование интересами дела. Так, по их мнению, работа в команде земляков или однокурсников позволяет, в частности, оптимизировать и упростить многие формально необходимые процессы согласований.

“Вот такой именно командный режим работы... ну, вот для работы это очень полезно, потому что даже все согласования проводятся... ну, вот зашел в кабинет и завизировал, не доказывая ничего и не собирая совещания...” (начальник отдела федерального министерства).

Чем привлекательна госслужба?

Несмотря на то что слово “чиновник” у подавляющего большинства населения вызывает исключительно негативные ассоциации, престижность работы на госслужбе, особенно среди молодежи, по данным различных исследований, относительно высока. Так, к примеру, согласно результатам исследования, проведенного ИС РАН, “о желании работать государственными служащими в системе управления заявляют половина опрошенных студентов... наиболее активно желают стать госслужащими самые молодые – 36,5% представителей группы до 25 лет” [Бюрократия и власть в новой России. 2005].

В чем же заключается привлекательность работы чиновника? По мнению участников нашего исследования, уровень окладов рядовых работников российской госслужбы не может являться значимым мотивирующим фактором:

“Тот уровень зарплат, который сохраняется, – он, по сути, не позволяет нормально существовать. Ты должен либо брать взятки, либо это долж-

на быть тетечка предпенсионного возраста, которой все равно, лишь бы до пенсии дотянуть... Либо это могут быть только-только закончившие выпускники, которые набираются опыта, чтобы потом, опять же, свалить” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

“Поскольку начальников в любом случае меньше, чем подчиненных, а жить на зарплату подчиненного невозможно, то большинство рано или поздно уходит” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

“Ни для кого не секрет, что, несмотря на все эти якобы повышения заработной платы, зарплата чиновника – это тьфу, полный ноль... Здесь я не беру высший состав, где зар-

плата более-менее выходит на уровень прожиточного минимума” (начальник отдела федерального агентства).

Практически все участники интервью упоминают о том, что у высших чиновников оклад значительно выше, нежели у рядового сотрудника госслужбы. При этом большинство участников интервью, отвечая на вопрос: “Почему Вы для себя выбрали государственную службу?”, подчеркивают, что заработная плата

Несмотря на то что слово “чиновник” у подавляющего большинства населения вызывает исключительно негативные ассоциации, престижность работы на госслужбе, особенно среди молодежи, относительно высока

отнодь не является для них мотивирующим фактором. Напомним, что в данном исследовании принимали участие чиновники, занимающие достаточно высокие позиции в структурах исполнительной власти.

“А чего ради мы здесь работаем? Ну не ради денег же... Вот когда я вернулся сюда на работу... я в заработной плате потерял где-то в пять раз... Как председатель правления банка я получал... ну, грубо, 5000 долларов, а сюда я пришел на 1000 долларов” (глава муниципального образования).

“Ну... тут, понятно, деньги небольшие, ну, хотя с точки зрения народонаселения Российской Федерации у меня деньги достаточно приличные.

То есть понятно, что на рынке внесударственной службы можно зарабатывать гораздо больше...” (заместитель руководителя федеральной службы).

Главным мотивом работы на госслужбе является получение **опыта и связей** – это мнение в той или иной форме высказывалось практически всеми участниками интервью.

“В тех условиях, которые у нас есть на сегодняшний день, госслужба – это лучшая школа жизни” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

“Основной приход людей – это получить опыт... причем даже не столько опыт госслужбы, сколько просто запись в трудовую книжку и получить определенный род контактов...” (начальник отдела федерального агентства).

Следует заметить, что, говоря о связях, респонденты подразумевают контакты не столько в структурах госслужбы, сколько в бизнес-сообществе.

При этом, как отмечают опрошенные, те, кто руководствуется данными мотивами, планируют проработать на госслужбе не более двух-трех лет с тем, чтобы потом уйти на более высокооплачиваемую должность в бизнес-структуры.

“Молодые обычно приходят с расчетом пару лет просидеть в министерстве, обрести связями и контактами и уйти в коммерческие структуры на хорошие деньги. Они не планируют работать здесь в долгосрочной перспективе...” (начальник отдела федерального министерства).

“Госструктуры на то и госструктуры, что они все регулируют, значит – общаются с бизнесом. Значит – у тебя возникает соответствующий круг общения... На что вообще может рассчитывать человек без опыта работы, в 20 лет закончивший вуз? Менеджером по продажам идти?.. А здесь все-таки и задачи глобальнее... круг общения здесь несоизмеримо выше... Пусть сегодня он получает 300 долларов, а не 1000, зато потом он будет получать 3000 в бизнесе” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

“Он тут набирается опыта, причем за это еще и деньги платят. Он капитализирует эти три года в себя, и естественно, что через три года его цена сильно возрастет. За три года, если он их там в своей компании отработает, он вряд ли получит ту цену, которую получит, отработав здесь” (заместитель руководителя федеральной службы).

Таким образом, по свидетельству участников данного исследования, большинство выпускников вузов, приходящих устраиваться в структуры исполнительной

Главным мотивом работы на госслужбе является получение опыта и связей – не столько в структурах госслужбы, сколько в бизнес-сообществе

власти, рассматривают госслужбу как своего рода стажировку, позволяющую приобрести опыт, контакты и квалификацию, необходимые для дальнейшего трудоустройства в коммерческих структурах.

Опрошенные нами чиновники не склонны драматизировать ситуацию и считают подобную миграцию вполне естественным процессом, учитывая размер оклада начинающих специалистов на госслужбе. При этом многие участники интервью заявляют, что не без сожаления расстаются с молодыми сотрудниками:

“Ну, я с сожалением отношусь к этому, когда это касается непосредственно меня, а у меня тоже такие ситуации были, но это совершенно нормально. Абсолютно нормально... но их тоже понять можно, потому что доход на госслужбе, тем более на начальных должностях, он крайне низок...” (глава муниципального образования).

Некоторые респонденты вообще не видят в сложившейся ситуации ничего плохого и изначально рассматривают каждого приходящего молодого специалиста как временного работника, который через несколько лет неизбежно уйдет, зато эти несколько лет отработает на благо российской госслужбы.

“Интервьюер: И нормально, что человек приходит на два-три года поработать, а потом уйти в бизнес?”

Респондент: Ну, два года – это хуже, чем три, а пять – это считается очень хорошо. Четыре – это тоже очень хорошо, и вообще, даже три – это тоже неплохо... Зависит, конечно же, от человека и от сложности работы, но тем не менее...” (начальник отдела федерального министерства).

“Ну хорошо... пускай уходит, но три года-то он поработает на нас...” (заместитель руководителя федеральной службы).

“Я считаю, что это вполне нормально – прийти на несколько лет, а потом либо закрепитесь, либо уйти... и когда к нам приходят молодые люди, мы с ними договариваемся: давайте договоримся на два года, что вы здесь в течение двух лет поработаете...” (начальник отдела федерального министерства).

Следует отметить, что подобная карьерная стратегия свойственна не только молодым сотрудникам госслужбы на стадии трудоустройства, но и тем, кто уже достиг здесь достаточно высоких постов. Так, и сами участники исследования нередко говорили, что рассматривают свою нынешнюю работу на госслужбе как своего рода “карьерное инвестирование” на будущее.

“Интервьюер: А почему Вы выбрали для себя работу на госслужбе?”

Респондент: Ну, я серьезно думал об этом... советовался... мне сказали, что надо, потому что это в принципе полезно... Ну, на будущее полезно” (начальник отдела федерального министерства).

“Нет, я не скрываю, почему я здесь... Но, откровенно говоря, я тоже инвестирую в себя на этой должности... ну, это же очевидные вещи... А вот прочие прибаамбасы, которые прилагаются к госслужбе, меня мало волнуют...” (заместитель руководителя федеральной службы).

Как следует из высказываний респондентов, возможность самоутвердиться, заявить о себе, самореализоваться также является немаловажным мотивом для работы на госслужбе. Правда, из контекста понятно, что данный фактор имеет зна-

чение преимущественно для тех, кто уже длительное время работает на госслужбе и не планирует покидать ее.

“Большинство из тех, кто пришел мне помогать, – единственным мотивом для них является некое социальное, публичное признание... А чего ради еще мы здесь работаем? Ну не ради денег же...” (глава муниципального образования).

“Люди, которые находятся на госслужбе... нельзя говорить, что они действуют только из карьерных соображений. Для них это призвание, возможность проявиться, самоутвердиться” (начальник отдела федерального министерства).

При этом все же очень многие участники интервью склонны рассматривать свою работу в структурах исполнительной власти вполне утилитарно.

“Моральное – оно как-то... после Советского Союза как-то не очень котируется... Благодарность? Ну и чего?.. Чего я с ней сделаю-то? Да ничего, в рамочку вставлю и уберу... Или не вставлю – меньше места займет” (заместитель руководителя федеральной службы).

Таким образом, анализируя высказывания респондентов, можно сделать вывод, что одним из наиболее значимых мотивов трудоустройства в органы исполнительной власти является получение опыта и связей – своего рода инвестирование в дальнейшую карьеру, весьма возможно, не связанную с госслужбой.

Как стать чиновником?

Различные социологические исследования подтверждают тот факт, что чиновничество сегодня воспринимается российскими гражданами как обособленная прослойка, заинтересованная исключительно в реализации собственных интересов. “Народ почувствовал жесткую обособленность этого слоя. Понял, что чиновники работают сами на себя, они стали замкнутым сословием” [Кастинг неприкасаемых. 2005].

Анализ проведенных нами интервью показывает, что сами чиновники не испытывают особых иллюзий по поводу открытости структур исполнительной власти и, характеризуя современную российскую бюрократию, достаточно часто используют термин “каста”.

“Это замкнутая кастовая система, где общественность играет очень малую роль. При том что внешне существует много всяких общественно-государственных органов, но в основном они носят фиктивный характер, такой декоративный” (начальник отдела федерального министерства).

“Бюрократия – это отдельная каста. У нее собственный распорядок жизни, собственные законы, собственные взаимоотношения” (начальник отдела федерального министерства).

Подобная закрытость структуры не может не влиять на механизмы кадрового отбора. В соответствии с нормативными документами, действующими в отношении работников госслужбы, порядок отбора кандидатов при приеме на работу в органы исполнительной власти достаточно жестко регламентирован и предусматривает ряд формальных процедур. Правда, как следует из высказываний участников интервью, подобными предписаниями сегодня мало кто руководствуется.

“В целом у нас давно нарушен принцип конкурсности при замещении должностей. Ну вот какой идиот сейчас устраивается в госслужбу по конкурсу? Никто” (начальник отдела федерального министерства).

В целом к формальным процедурам кадрового отбора сами чиновники относятся весьма скептически, считая их малоэффективными, и упоминают о них только как о механизме поиска сотрудников на самые низшие должности. Открытый конкурс, по свидетельству участников интервью, как правило, используется там, где размер оклада и социальный пакет не привлекают большого числа желающих.

“Тащить “своего” человека на зарплату ведущего специалиста – это бред. На ведущего специалиста у нас вообще открытый конкурс. Потому что зарплата – 8000 рублей” (заместитель начальника отдела федерального агентства).

О широком использовании неформальных методов подбора кадров, таких как приглашение сотрудников по рекомендации или по знакомству, открыто говорят практически все опрошенные. По их мнению, подобная практика является не только широко распространенной, но и вполне легитимной, эффективной и крайне полезной для самого бюрократического аппарата. Рекомендации обеспечивают приход в систему лояльного к руководству сотрудника, а также дают больше возможностей повлиять на него в случае, если последний не выполняет свои обязанности.

“Когда умный, надежный, проверенный человек за кого-то просит... то есть не с улицы пришли, а по рекомендации кого-то, – уже совсем другое отношение идет” (начальник отдела федерального агентства).

“При приеме на работу здесь как раз процедуры почти не существует. Это связано с тем, что невозможно формализовать все эти вещи: у нас дипломы и прочие бумаги не отражают адекватно ситуацию... Вторым критерием является адекватность... Еще один важнейший параметр – это лояльность. Именно здесь играют роль знакомства. Вот когда в го-

сударственные структуры берут человека, то почему используются знакомства? Потому что им важно, чтобы была хоть какая-то гарантия лояльности и хоть какая-то гарантия адекватности” (начальник отдела федерального министерства).

“Я и говорю, что это хорошо! Просто когда есть кто-то, кто рекомендует, и при этом рекомендующая сторона берет ответственность на себя – это просто замечательно!.. Потому что я всегда могу позвонить папе и сказать: папа, вот ты рекомендовал своего сына... Знаешь, твой сын тебя позорит...” (заместитель руководителя федеральной службы).

Кроме того, по свидетельству респондентов, сотрудники, пришедшие по рекомендации, зачастую оказываются более квалифицированными и компетентными.

“Понятно, что все зависит от человека, но зачастую бывают очень и очень неплохие... Из многих выходит действительно хороший толк, они быстро обучаемые, у них хорошие мозги, хорошее образование почти у всех... Я и с теми, и с другими работаю⁴... Реально, конечно, я прошу выбрать своих друзей. Вплоть до того, что говорю: ребята, мне нужны кадры – оцените и рекомендуйте” (начальник отдела федерального агентства).

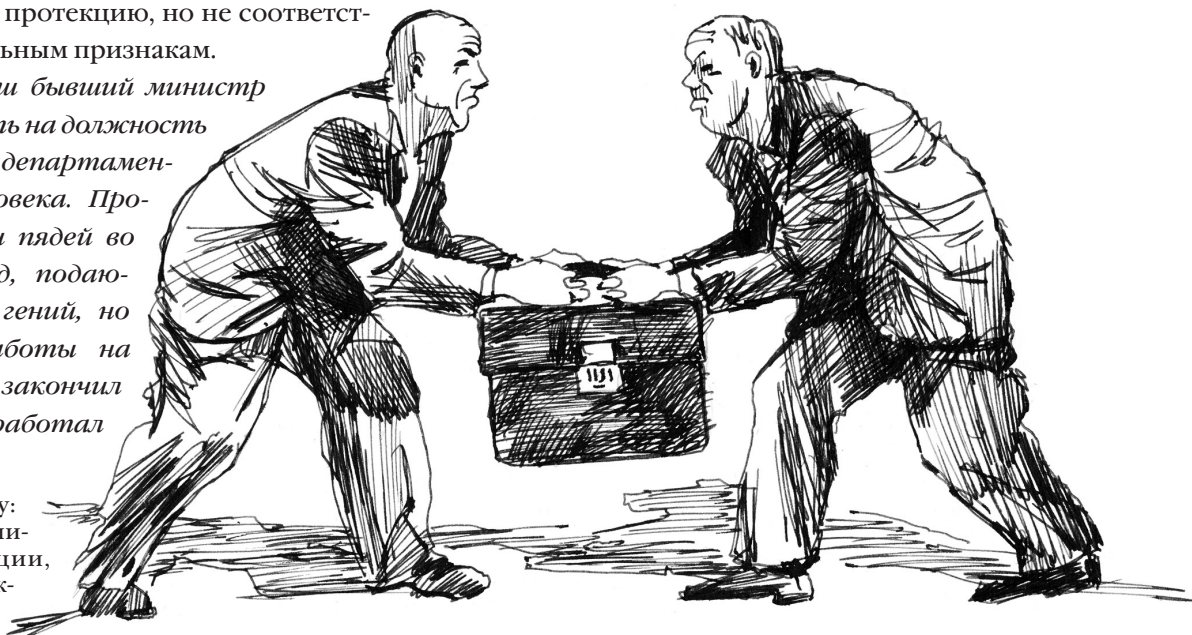
Говоря о преимуществах подобного метода кадрового отбора, практически все участники интервью уточняют: если человек, пришедший по протекции, оказывается неэффективным и некомпетентным сотрудником, ничто не мешает его уволить.

“Я отношусь к подобным просьбам сразу же так: подойдет – давайте, конечно же... Не подойдет – не обижайтесь...” (глава муниципального образования).

Разумеется, из всего сказанного выше не следует делать вывод, что неформальные механизмы приема на работу полностью замещают собой формальные: сами участники интервью приводят примеры, когда процедурные ограничения не позволяют поставить на должность кандидата, имеющего хорошие рекомендации и даже протекцию, но не соответствующего по формальным признакам.

“К примеру, наш бывший министр хотел назначить на должность руководителя департамента своего человека. Протеж был семи пядей во лбу, вундеркинд, подающий надежды гений, но без стажа работы на госслужбе. Он закончил вуз, потом работал

⁴ Имеется в виду: и с людьми, пришедшими по рекомендации, и с людьми без протекции.

в бизнесе, достиг там определенных высот, но он ни дня не работал на госслужбе, и наша кадровая служба встала на дыбы, и министр, несмотря на то что он был министром, так и не смог с этим ничего сделать” (начальник отдела федерального министерства).

Но подобные случаи, по мнению опрошенных, – это скорее исключение из правил, нежели распространенная практика:

“Есть все-таки некие сдерживающие факторы... Но, опять же, тут все очень относительно, потому что когда в правительстве директором де-

партаментов национальных проектов становится 26-летний юноша... тогда, в общем, становится понятно, что невозможного на этом свете нет ничего – было бы желание...” (начальник отдела федерального министерства).

В целом, как свидетельствуют высказывания респондентов, широко распространенное представление о полной замкнутости бюрократической касты не вполне соответствует действительности: несмотря на высокую популярность неформальных методов отбора кадров в органы исполнительной власти, до определенного уровня сохраняется возможность прихода

Несмотря на высокую популярность неформальных методов отбора кадров в органы исполнительной власти, до определенного уровня сохраняется возможность прихода в ее структуры людей со стороны

в ее структуры людей со стороны, то есть по официальному конкурсу, без протекций и рекомендаций. А на низовые должности подавляющее большинство кандидатов вообще приходят именно таким образом. Возможно и карьерное продвижение этих сотрудников – но лишь до известного предела: на определенном рубеже⁵ возникает своего рода стеклянный потолок, отделяющий высшую бюрократическую управленческую элиту от простых чиновников.

На уровне высших чиновников действуют уже иные механизмы подбора и мобильности кадров, здесь количество управленцев, пришедших “из низов” министерства и прошедших последовательно все ступеньки карьерной лестницы в рамках госструктуры, весьма незначительно. Именно на этом уровне бюрократия и становится в полной мере замкнутой кастой.

Чиновники и коррупция

Мнение, что “все чиновники поголовно берут деньги”, издавна пользовалось популярностью в России. “Взяточник” и “коррупционер” – два, наверное, самых популярных определения, которыми награждают сотрудников исполнительной власти наши сограждане.

Сами чиновники, признавая широкое распространение различных механизмов взимания средств с просителя в структурах исполнительной власти, все же склонны более оптимистично оценивать ситуацию.

СМИ сгущают краски

По словам участников интервью, большой вклад в популяризацию образа чиновника-взяточника вносит пресса, которая вообще с большей охотой пишет о фактах негативных, нежели о позитивных.

⁵ Как уже говорилось ранее, высказывания респондентов свидетельствуют о том, что данный барьер в федеральных органах исполнительной власти пролегает на уровне “начальник отдела – замначальника департамента”.

“У нас отношение к чиновникам всегда – как к казнокрадам. А то, что реально есть очень много порядочных людей, интересных и в человеческом плане, и в профессиональном, – у нас об этом никогда не пишут. В прессе всегда идет зарабатывание очков на информации типа “кого-то поймали”, “кого-то раскрыли”, “кого-то за руку схватили” и т. д.” (начальник отдела федерального агентства).

“Что формируется в сознании обывателя?.. Этот образ рисует пресса: чиновник – это взяточник...” (заместитель начальника отдела федерального министерства).

Некоторые респонденты также высказывают мнение, что взятка – явление, характерное преимущественно для чиновничества низового уровня, непосредственно контактирующего с гражданами.

“Но на чем зиждется взятка? Когда человеку нужно что-то, допустим, в регистрационной палате или в паспортном столе – то есть там, где идет непосредственный контакт чиновника с населением...” (заместитель начальника отдела федерального министерства).

“Это ж не взятки, это благодарность!”

Кроме того, многие респонденты склонны несколько иначе рассматривать сам процесс дачи взятки: в нем, по их мнению, сотрудники исполнительной власти выступают пассивной стороной – именно просители (неважно, будь то рядовые граждане или коммерческие организации) сами предлагают чиновникам подарки и различные суммы денег.

“Взяток как таковых в их криминальном понимании в министерстве не дают и не берут. Взятка – это когда человек приходит решить какие-то вопросы, а ему называют сумму и говорят: хочешь – плати, не хочешь – не плати... А здесь – это же не взятки в классическом понимании, это благодарность” (начальник отдела федерального министерства).

“Если кажется, что этому чиновнику почему-то хочется вам помочь, можно этому посодействовать – хотя уровень взятки при этом может состоять в коробочке конфет. Это, в принципе, не взятка. Это просто проявление некоторого внимания” (начальник отдела городской структуры исполнительной власти).

“Тут абсолютно неравные стороны с точки зрения всего договорного процесса. То есть чиновник есть центр, к которому приходят. Не чиновник приходит и предлагает: а вот давайте скоррумпируемся...” (руководитель департамента федерального министерства).

Примечателен тот факт, что никто из участников интервью, обсуждая тему коррупции, не упомянул о низком уровне зарплаты госслужащих – а именно этим, по данным различных исследований (см., например [Чиновники федеральных органов управления]), россияне склонны объяснять и даже в какой-то мере оправдывать высокий уровень взяточничества в чиновничьей среде.

Чистить ряды лучше без огласки

Согласно результатам исследований, проводимых ФОМом, наиболее эффективным методом борьбы с коррупцией в чиновничьих рядах, по мнению

Взятка – явление, характерное преимущественно для чиновничества низового уровня, непосредственно контактирующего с гражданами

российских граждан, должно являться ужесточение уголовного наказания для чиновников, берущих взятки. Многие меры, предлагаемые респондентами, весьма радикальны: от традиционного тюремного заключения до отрубания рук и даже смертной казни. Подобные наказания в сочетании с тотальным контролем, как считают участники опросов, будут весьма эффективно стимулировать чиновников выполнять свои функции в соответствии с законодательством [Шамсеева. 2004].

Сами чиновники придерживаются несколько иной точки зрения: признавая необходимость борьбы с коррупцией, они в то же время считают, что выносить на публичное рассмотрение факты подобных правонарушений вовсе не обязательно. По их мнению, судебное разбирательство – процесс достаточно трудоемкий и хлопотный, а огласка факта поимки за руку чиновника-взяточника лишь наносит ущерб репутации органов исполнительной власти. К нечистым на руку сотрудникам руководство применяет санкции иного рода – и опрошенные считают их более адекватными и действенными: например, увольнение с “волчьим билетом” создает меньше проблем для руководства и является не менее серьезным наказанием для незадачливого мздоимца.

“Дела за взятку очень плохо в суде проходят – очень тяжелая доказательная база. Очень низкая вероятность, что все доведется до суда, а уголовное дело все равно вызывает негативный шум, который не очень хорошо влияет на структуру... Все, кому надо, узнают все равно, и вовсе не обязательно, чтобы в интернете было размещено объявление о том, что чиновник за 300 долларов взятки был уволен” (заместитель руководителя федеральной службы).

Привлечение органов внутренних дел и возбуждение уголовного дела рассматривается опрошенными как крайняя мера, когда другие методы не действуют.

“...Мы говорим о нечистоплотности человека, который просто сам за какое-то вознаграждение небольшое что-то со-

бирается сделать... Ну а я сам – я не использую эту информацию ни в ту, ни в другую сторону... Я с самого начала делаю попытку вывести человека из системы, но уж если не получается, то разработка тогда идет до самого конца, и этот самый конец – он, как правило, связан с моментом ареста...” (глава муниципального образования).

Признавая необходимость борьбы с коррупцией, чиновники считают, что выносить на публичное рассмотрение факты подобных правонарушений вовсе не обязательно

Чего боится чиновник?

Степень лояльности к руководству – один из основных факторов, учитываемых при приеме чиновника на работу, – играет решающую роль и в дальнейшей его деятельности. Отвечая на вопрос: *“Чего (или кого) вообще стоит бояться чиновнику?”*, участники интервью называют два основных фактора страха: потерю рабочего места и конфликт с начальством.

“Конфликта интересов... с другими чиновниками... Человек становится неудобным для руководства. Если он полностью разделяет интересы руководства, он будет удобным всегда...” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

“Наши? Российский? Гнева вышестоящих лиц. Субординация очень строгая: ты должен устраивать своего начальника, он – своего” (руководитель департамента федерального министерства).

При этом, как показывает анализ высказываний респондентов, потеря рабочего места сама по себе не является значимой угрозой для российского чиновника: лишившись по тем или иным причинам работы, он практически всегда может с помощью своих коллег вновь найти ее себе в структурах исполнительной власти. А вот конфликт с руководством способен навсегда закрыть для чиновника двери на российскую госслужбу.

“...Это смотря как ты уходишь. Если со скандалом – никто помогать не будет. Будут хорошо относиться, почувствовать, но помогать – нет... Вообще, если человек ушел со скандалом, если его вытерли... то в структуры, связанные с госслужбой, он устроиться не сможет” (начальник отдела федерального министерства).

“Если <человека> просто увольняют, то ему, как правило, сразу что-то и предлагают... А так... если он кому-то мешает, то на него можно много чего повесить и даже усадить в тюрьму” (заместитель начальника отдела федеральной службы).

Два основных фактора страха для чиновника – потеря рабочего места и конфликт с начальством

“А законы что? Их же люди пишут...”

Чиновник как лицо, находящееся на службе у государства, обязан соблюдать закон – в той или иной форме это мнение было высказано большинством участников интервью, отвечавших на прямой вопрос: является ли закон ограничивающим фактором в работе чиновника?

Правда, дальнейшее обсуждение данного сюжета показывает, что в большинстве случаев чиновников беспокоит преимущественно формальная сторона вопроса:

“Закон? Ну, принимая решение, я должен хотя бы формально его соблюдать... Не Закон с большой буквы, Конституцию там... а должностные предписания, которыми я должен руководствоваться. Каждую бумагу я должен оформить, описать определенным образом, и никак иначе... Грамотно составленный документ вызывает меньше вопросов” (заместитель начальника отдела федерального министерства).

“Ну, бояться, наверное, слишком явного нарушения законодательства... Ну... нарушать закон слишком явно – нельзя” (начальник отдела федерального министерства).

“Есть очень небольшой круг жестких правил, который, в принципе, отслеживается, соблюдается методами исполнительной дисциплины. Это прежде всего сроки ответа на соответствующие бумаги. Отсюда србатывается знаменитое правило: напиши все что угодно, но ответ в срок. Напиши глупость – пусть вернут, но в срок должно быть сделано” (начальник отдела структуры исполнительной власти города).

В целом, как свидетельствуют приведенные цитаты, говоря о законах, которые нужно соблюдать неукоснительно, чиновники имеют в виду скорее не ключевые законодательные акты, действующие на территории Российской Федерации, а положения внутреннего регламента госслужбы.

Кроме того, соблюдать закон оказывается не слишком сложно еще и потому, что, по мнению многих респондентов, чиновники сегодня имеют возможность влиять на формирование законодательной базы:

“А законы что? Их же люди пишут. Вы можете, например, посадить своих разработчиков, а так как других официальных идей нет, будут пользоваться вашими разработками” (руководитель департамента федерального министерства).

“У нас каждая новая волна чиновников фактически полностью перепишивает всю законодательную базу” (начальник отдела федерального агентства).

Чиновники и бизнес

Еще одной немаловажной характеристикой современной российской бюрократии являются ее отношения с бизнес-сообществом.

Согласно результатам многих опросов, для большинства российских граждан факт взаимопроникновения структур высшего чиновничества и бизнес-структур вполне очевиден. В рамках проведенных нами интервью сами чиновники достаточно часто упоминают об этом, обсуждая вопросы кадровых перестановок в органах госслужбы: по их мнению, своеобразный обмен кадрами между коммерческими и государственными структурами – достаточно широко распространенное явление сегодня.

“Я через эти контакты <на госслужбе> устроилась в бизнес, а потом опять через эти же самые контакты вернулась на госслужбу. Ну, не те же самые, но круг один” (начальник отдела федерального министерства).

“Раньше если бизнес был сам по себе, а чиновник – сам по себе, то теперь это некий сплав. Единая большая группа влияния. Ну и, в частности, что касается персонального состава, то зачастую чиновники приходят из бизнеса и, наоборот, уходят в бизнес потом” (начальник отдела федерального министерства).

“Респондент: Конечно же, бывает, и из бизнеса приходят... Человек там поработал, заработал денег... он уже достиг определенного там потолка,

у него есть, как говорят, определенная “финансовая подушка” – он идет, работает здесь, работает год-два-три, у него новые идеи появляются, опыт обогащается, и он потом вполне может уходить... Или отсюда тоже, конечно же, уходят в бизнес. В основном такой отток идет...

Интервьюер: Отток – туда?

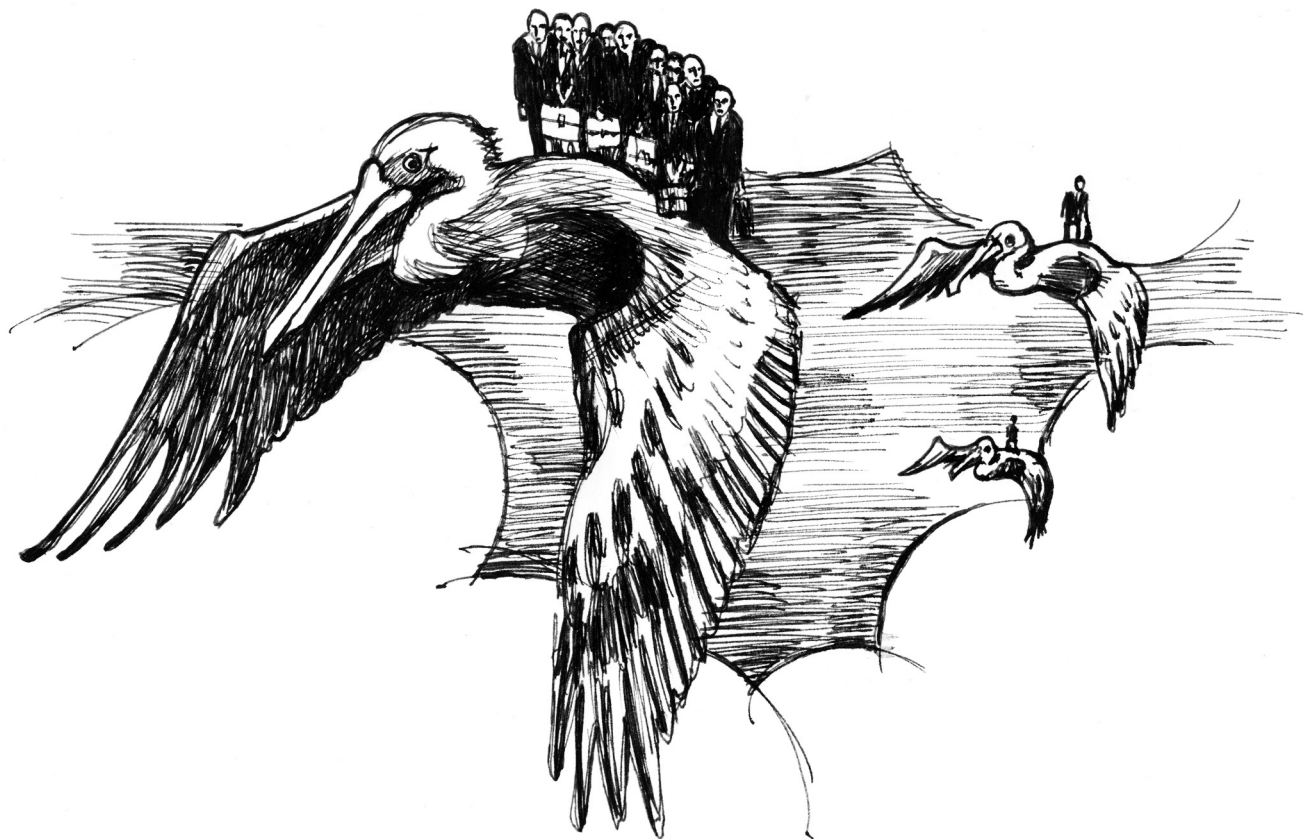
Респондент: Ну да, и если это не принимает каких-то экстраемальных размеров, то это вполне нормально, приемлемо...” (начальник отдела федерального министерства).

Что же касается баланса сил в партнерстве государственных и коммерческих структур, то сами чиновники убеждены в том, что правила игры на этом поле задают именно они:

“Когда в бизнесе – вы дойная корова, когда вы в государстве или в государственном бизнесе – вы тот, кто доит, и тот, кто режет, и тот, кто определяет: доить или резать...” (бывший советник члена правительства РФ).

Говоря о неукоснительном соблюдении законов, чиновники имеют в виду скорее не ключевые законодательные акты, действующие на территории РФ, а положения внутреннего регламента госслужбы

“Тут позиция одна: чиновник живет при законе. Вы можете быть миллиардером России, но чиновника вы не перепрыгнете. Сохранилась эта кастовость: я – чиновник, тебе нужна бумажка...” (начальник отдела федерального министерства).

***

Итак, как следует из проведенных интервью, общественный стереотип восприятия отечественной бюрократии как закрытой касты, изолированной от остального общества, наделенной большими властными полномочиями, развивающейся по своим законам и подконтрольной фактически только себе самой, по многим позициям совпадает с представлениями властной элиты о российском чиновничестве.

Но несмотря на внешнее совпадение представлений, их ценностная окраска у российских граждан и у представителей бюрократической элиты весьма различна. Если рядовые граждане осуждают закрытость и изолированность российского чиновничества от “народных масс”, считают такое положение дел неправильным, то для представителей исполнительной власти это вполне нормальное явление, которое многие из них склонны объяснять практической необходимостью.

В такой ситуации единственным источником контроля и санкций для российского чиновника становится вышестоящее начальство, в то время как общественное мнение и интересы граждан реального значения практически не имеют.

“Механизм создан так, что чиновник не может понять, что такое интересы общества... Это, конечно, здорово, если он о нем думает, но с его обя-

занностями это никак не соотносится. От чиновника не требуется думать. От него требуется обслуживать интересы корпорации. Могу честно признаться: во время моей работы в аппарате мои карьерные перспективы мне были важнее, чем интересы общества” (бывший начальник отдела федерального министерства). ■

Литература

Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад ИС РАН. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в РФ. Москва, 2005.

Гимпельсон В. Е., Магун В. С. На службе государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // Вестник общественного мнения. 2006. № 12.

Жабрев А. А. Современный российский чиновник (наброски к социологическому портрету) // Социологические исследования. 1996. № 11.

Жертвоприношение общества государству // ВЦИОМ. Политический журнал. 2006, 22 нояб.

Кастинг неприкасаемых. Коллективный портрет российских управленцев: взгляд извне и изнутри. Интервью с М. Горшковым // Новая газета. 2005. № 86, 17 нояб.

Шамсеева Э. Чиновничество: неразрешимая проблема? // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 17, 29 апр. <http://bd.fom.ru/>

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– Куда и к кому Вы обращались за помощью, чтобы защитить свои интересы и отстоять свои права?
– К врачам.

***

– Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите выражение “Академия наук”?
– Дума умов.

***

– А в Вашей повседневной жизни что Вас больше всего расстраивает, огорчает, нервирует?
– По вечерам страшно ходить по улицам: везде старушки, которые во все вмешиваются.

– Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово “Япония”?
– Острова, на которые узкий глаз положен.

***

– В каких ситуациях, по Вашему мнению, допустимо употреблять нецензурные выражения?
– Бычка загонишь – не слушается, нервы нарушены, сматеришься – слушается.

***

– В каком случае, из-за чего лично Вы могли бы принять участие в какой-либо акции протеста?
– Если бы позвали, то пошел бы хоть на что.

– Попробуйте описать, что значит “дружить”? Какое содержание Вы вкладываете в это слово?
– Чтоб не скучно было, дружу со вторым подъездом.

***

– На Ваш взгляд, что такое мужская дружба? Каковы ее отличительные черты?
– Они также помогают друг другу, но при этом пьют.

(Из опросов ФОМа)

С. Климова

Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона*

“Чиновники”**

Бюрократия цветет большим букетом.

Из интервью участника исследования

Этой публикацией завершается цикл аналитических отчетов, подготовленных по материалам панельных опросов, которые были проведены ФОМом в 2000–2001 годах. Предваряя публикуемый отчет, отметим одну характерную особенность материалов этого исследования, посвященного теме чиновничества: высказывания респондентов изобиловали прямыми и скрытыми цитатами из классиков русской литературы XIX века, чего в иных случаях не наблюдалось. Это симптоматично. Похоже, несмотря на то что внешние приметы чиновника (компьютер, сотовый телефон и т. д.) сегодня иные, чем в прежние времена, стереотипы восприятия этого социального персонажа, а во многом и представления о его роли в обществе смогли пережить потрясения XX века и дойти до наших дней, мало изменившись по существу.

Образ чиновника в представлениях россиян

Надменный взгляд, огромный живот, сотовый телефон.

Из интервью участника исследования

Ассоциации со словом “чиновник” – это стереотипные представления людей о социальной роли чиновника. Стереотипы, как правило, содержат очень жесткую оценку – либо сугубо положительную, либо сугубо отрицательную. Это свойство стереотипа позволяет увидеть в полярных образах некоторое социальное противоречие. В нашем случае это противоречие между социальным предна-

* Завершение цикла публикаций. См.: Социальная реальность. 2006. №№ 7–12.

** Панельный опрос от 23–30 мая 2001 года (27 городов России, 810 респондентов).

значением чиновника и реальной деятельностью людей, находящихся на данных социальных позициях в данное время.

Первые ассоциации – это статус чиновника, который связан прежде всего с государственной службой. Чиновник занимается управлением, он хорошо одет и сидит в кабинете.

“Чиновники – государственные служащие, стоящие у власти, выполняющие распоряжения правительства, следящие за выполнением конституционных правил”.

“Чиновник в моем понимании – это исполнитель законов власти. Чиновники есть крупные, а есть мелкие”.

“Слово «чиновник» вызывает ассоциации с управлением страной. Это управление страной, городом, в общем, вся наша власть. Чиновники, работающие в Москве, решают вопросы по управлению всей страной, не только Москвы. А чиновники в городах решают вопросы по управлению в своих городах, на местах”.

“Человек, занимающий высокий пост, образованный. Хорошо одетый, сидящий в хорошем кабинете”.

Описания образа чиновника, содержащие позитивные оценки, встречаются редко. В таких ответах чиновник предстает как человек, радеющий об интересах государства и народа, образованный, вежливый и работающий.

“Когда я слышу «чиновник», мне сразу представляется: это человек, который работает как представитель народа на государственной службе”.

“Чиновник – это человек, четко выполняющий свои обязанности, редко идущий на компромиссы”.

“При слове «чиновник» у меня встает образ человека, занятого государственными делами, очень занятого, практически не имеющего свободного времени, то есть полностью отдающего себя работе”.

“Чиновник – это человек думающий, солидный, интеллигентно одетый”.

“Это грамотный, богатый, вполне образованный человек. В первую очередь – образованный”.

Большинство ответов содержат негативные ассоциации со словом “чиновник”. Иногда респонденты не дают этому слою людей конкретных негативных характеристик, а выражают общее отрицательное отношение к ним.

“Ой, даже говорить про них грех. Я думаю, что в Думе и кто выше, кроме президента, все – чиновники”.

“Меня коробит при упоминании слова «чиновник»”.

“От слова «чиновник» меня тошнит, самые неприятные ассоциации”.

“Что-то вредное хочется сказать, что-то непотребное просится на язык”.

“Мне неприятно даже думать об этом, меня это слово и огорчает, и просто расстраивает”.

В представлениях многих участников панельного опроса чиновник выглядит как “человек другого мира” – непонятного, неодушевленного и жестокого.

“Бездушный человек, которому нет дела до людей, томлящихся в очереди, так как они ему мешают работать, раздражают, не дают решать важные государственные дела”.

Описания образа чиновника, содержащие позитивные оценки, встречаются редко. В таких ответах чиновник предстает как человек, радеющий об интересах государства и народа, образованный, вежливый и работающий

“Человек с каменным лицом, в нарукавниках. Он без чувств, без жалости, к нему все ходят, что-то просят, а он всем отказывает”.

“Вроде бы человек, но человеческих слов не понимает, слова отскакивают от него, как горох от стенки. Бывает, очень вежливый, но без души, как бы неживой”.

Образ “винтика” государственной машины, работающей для непостижимых “простому человеку” целей, дополняется личностными характеристиками, соответствующими этой роли чиновника: высокомерием, отчужденностью от людских забот, равнодушием, а то и хамством.

“Длинная очередь. Абсолютно равнодушный человек, робость, душевная глухота, лень – в общем, все негативные эмоции”.

“Ассоциация с каким-то препятствием. Что куда-то надо идти кланяться, унижаться и видеть перед собой холодные, замороженные глаза”.

“Мелкий чиновник – это вечно недовольная баба, общаться с которой нет никакого желания. Крупный чиновник – это самодовольный, самовлюбленный барин, он может помиловать, но этого не дожидетесь”.

“В основном чиновники – это люди, которые не думают о народе, а думают только о себе. Хотя по должности им положено все наоборот”.

“У меня возникает образ высокомерного наглого человека. Он чувствует свое превосходство и на посетителя смотрит сверху вниз. Разговаривает грубо, хамовато, создается впечатление, что ему на все наплевать”.

Чиновник, в соответствии со стереотипным образом, как правило, ничего не делает. Его работа – это иллюзия деятельности. Но если чиновнику все-таки случается “решить вопрос”, он сделает это плохо, медленно и неквалифицированно, хотя и возьмет “дополнительное вознаграждение” за выполнение своих прямых обязанностей.

“В основном они – волокитчики, никогда сразу не решают вопросы, кладут под сукно”.

“Возникает образ волокитчика и вымогателя”.

“Чиновники сидят в кабинете, «трудятся». Реальность не видят – бумаги, одни бумаги”.

“Жирный, толстый господин сидит в каком-нибудь кабинете. Около него много людей. Все говорят, толпятся, что-то делают, но непонятно – что”.

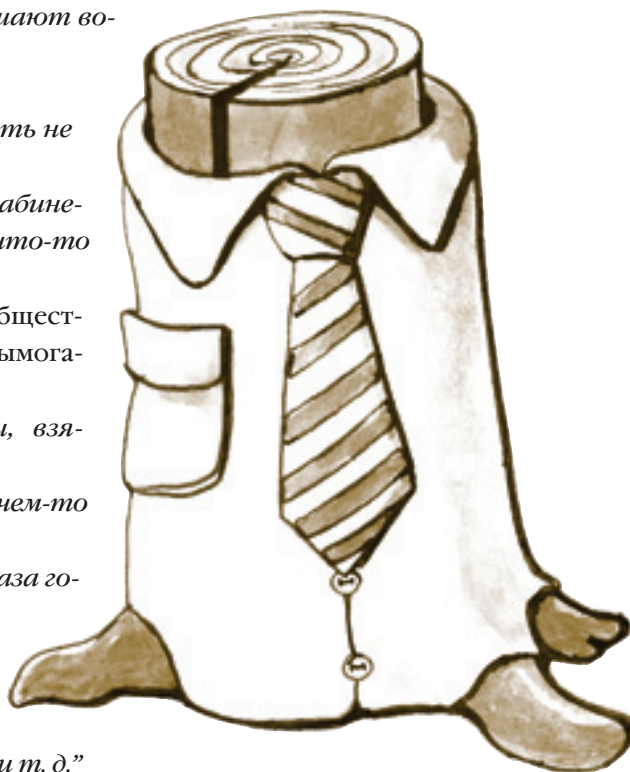
Самым раздражающим, неприемлемым, с точки зрения общественной морали, являются казнокрадство, взяточничество, вымогательство чиновников.

“Самые отвратительные казнокрады, мздоимцы, взяточники”.

“Ассоциация, что надо готовить кошелек, если тебя за чем-то вызывают”.

“Образ грубого, безразличного человека, у которого глаза горят только тогда, когда ему что-нибудь посулишь”.

“Ассоциация одна – это коррупция, основанная на зависимости от чиновников большого числа людей, которым необходимо получить от них необходимые разрешения, справки, утверждения, визирование и т. д.”

Иногда чиновники выглядят в глазах респондентов просто “интервентами”, заинтересованными только в том, чтобы ограбить подвластное им население.

“Чиновники как будто сговорились все: притесняют народ, унижают, ведут себя с людьми вызывающе, несправедливо”.

“Что хорошего от этих чиновников можно ожидать, кроме разрухи, разбазаривания нашего богатства, того, что людям принадлежит? Живут за наш счет, по 12 тысяч в месяц получают”.

“Чиновник – значит бюрократ, который кладет к себе в карман все то, что зарабатывает простой народ”.

В ответах довольно много образных описаний чиновников. Часто они похожи (что говорит об устойчивости и распространенности стереотипа) и напоминают образы “буржуя” из большевистских агиток, с поправкой на сегодняшний день: вместо цилиндра – сотовый телефон.

“Толстый, обожравшийся человек в дорогом костюме, не желающий ни с кем разговаривать и ни на кого не обращающий внимания”.

“Образ – фетровая шляпа, серый плащ или пальто, небольшой животик и непременно портфель”.

“Это надменные люди, с кольцами, крестами на груди. Толстое, сытое, самодовольное – что-то в этом роде”.

“С пузом, с толстым кошельком и сотовым телефоном”.

Большое число литературных ассоциаций показывает, что образы чиновников в произведениях Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Чехова во многом определяют формирование стереотипов восприятия сегодняшних чиновников.

“Большой, толстый кот с усами сидит, ест сметану, или как у Гоголя в «На хуторе близ Диканьки»: сидит, а галушки сами ему в рот запрыгивают”.

“Со времен Гоголя ассоциация с чем-то паразитическим, кровососущим, никчемным. Ни в одном произведении не встретишь ничего положительного со словом «чиновник»”.

“Всегда уместна поговорка: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»”.

“Чиновник у меня ассоциируется с персонажами Гоголя: «Мертвые души» – Чичиков, «Ревизор» – люди, пресмыкающиеся перед властью, с верноподданническими настроениями, заискивающие перед начальством, мошенники”.

“Герой Огурицова, «Карнавальная ночь» и т. п. Пыжится, из себя важность строит, а дело другие делают!”

Трудно сказать, почему столь живучи образы чиновников из русской классики: то ли потому, что органично вписываются в сегодняшнюю реальность, то ли потому, что стали своего рода “матрицей”, примером для сравнения.

Функции чиновников

Это государевы люди.

Из интервью участника исследования

Хотя слово “чиновник” вызывает у большинства участников опроса крайне негативные ассоциации, вместе с тем лишь немногие утверждали, что чиновники не нужны вообще и что эта социально-профессиональная группа должна быть упразднена.

*“Я не знаю, для чего они вообще нужны... Пользы от них не вижу никакой”.
“Любой чиновник никогда ничего не делает. Я к ним отношусь презрительно. Никчемную роль они не должны выполнять, их должны заменять машины”.*

Но чаще опрошенные склоняются к мысли, что чиновники все-таки нужны обществу. Эти ответы можно разделить на две большие группы. Одни респонденты трактуют роль чиновников в авторитарно-патриархальном ключе: по их мнению, те должны, с одной стороны, следить за людьми, руководить ими, а с другой – опекать “простых граждан”, заботиться о них. Другие (эту позицию условно можно назвать либерально-демократической) полагают, что рядовой гражданин выше, чем чиновник; последний должен служить людям, защищать государственные интересы, быть связующим звеном между законом, высшей властью и народом.

Вот как представляют себе функцию чиновников те респонденты, которые видят их в роли “пастырей”.

Во-первых, чиновники должны бдительно контролировать поведение граждан.

“Они должны быть вроде милиции – следить за нами”.

“Они должны руководить всеми нами. В обществе чиновники выполняют роль надсмотрщиков”.

“Править нами. Без чиновников у нас жизни не будет, труба будет, беспредел”.

“Они же командуют нами – без них никак нельзя”.

“Он должен руководить массой, присматривать, есть ли польза для государства”.

Во-вторых, чиновник – “поводырь по жизни”. Он наставляет, разъясняет, учит “простого человека”, как следует поступать.

“Чиновники должны направлять народ. Они должны учить нас”.

И в-третьих, чиновник должен заботиться о народе.

“Мы их выбираем, чтобы легче было жить нам, чтобы было к кому обратиться за помощью, когда что-то надо”.

“Чиновники должны выполнять функции государства – помогать бедным людям”.

“Они должны обеспечивать нормальную жизнь простым людям, пенсионерам, малоимущим”.

“Они должны так настроить нашу жизнь, чтобы нам она понравилась”.

В этот же комплекс входят и представления о роли чиновников в экономике.

“Чиновник поставлен государством, чтобы наблюдать за ростом производства и обеспечивать народ трудом”.

“Они должны обеспечивать сырьем, работой предприятия и сельское хозяйство. Следить, чтобы не было перебоев в работе, обеспечивать рабочей силой”.

“Либерально-демократические” воззрения на роль чиновников в обществе включают, во-первых, мысль, что их функция – обеспечивать универсальный порядок в обществе: единое понимание и исполнение законов, воли государства.

“Они являются связующим звеном между законодательной властью и народом”.

Хотя слово “чиновник” вызывает у большинства участников опроса крайне негативные ассоциации, лишь немногие утверждали, что чиновники не нужны вообще и что эта социально-профессиональная группа должна быть упразднена

*“Посредством чиновников осуществляется контакт людей с законами”.
“Это посредники между государством и народом. Чиновники должны следить, чтобы жизнь в обществе протекала по тем законам, которые приняты в этом обществе”.*

“У чиновника большие функции: через них проходят все постановления, законы. Они – как проводники всех этих документов в жизнь”.

“Чиновник – это посредник. Его задача – урегулировать проблемы между личностью и государством”.

Во-вторых, чиновники должны защищать государственные интересы.

“Они не должны вмешиваться в личную жизнь людей, но и в то же время – исполнять свои государственные функции”.

“Каждый из чиновников играет свою роль, но в целом – это государственная машина”.

В-третьих, чиновники – слуги не только государства, но и народа.

“Недавно услышала фразу: «Чиновник – не барин, должен служить народу». По-моему, этим все сказано”.

“Чиновники должны быть слугами, а стали кастой, весьма сильной”.

Примечательно, что в ответах представителей обеих позиций (и “авторитарно-патриархальной”, и “либерально-демократической”) довольно часто упоминается, что чиновники должны разъяснять людям законы и нормы. Эти требования обусловлены уже не столько ценностными установками респондентов, сколько их печальным опытом взаимодействия с государственной машиной, которая работает по непостижимым для рядового гражданина правилам, и, что самое главное, чиновники не только не разъясняют эти правила, но хранят их как сословную тайну и пресекают любые попытки проникнуть в нее.

“Главной целью их работы должна быть помощь людям, чтобы хождение за всякими бумажками не превращалось в хождение по мукам”.

“Должны объяснять, куда идти и что делать”.

“Делать то, что не может делать простой человек по незнанию”.

“Чтобы не создавать сложности клиенту – это главная их роль”.

Идеальный чиновник

Не крадет, работает на Родину.

Из интервью участника исследования

Многие участники панельного опроса в ответах на вопрос о функциях чиновников подчеркивали, что нужны хорошие чиновники, а не такие, как сейчас. Для того чтобы выяснить, какого чиновника респонденты готовы признать хорошим, был задан вопрос, каким, по их мнению, он должен быть. Полученные ответы можно разделить на две большие группы: одни респонденты акцентируют внимание на функциях чиновников, говоря, что они должны делать, а другие уделяют больше внимания качествам чиновников, описывают, какими они должны быть. Впрочем, довольно много ответов, где упоминаются и функции, и качества.

Иногда наши собеседники перечисляли задачи, решение которых, по их мнению, входит в обязанность чиновников – подчеркивая, что эти задачи не

выполняются, а иногда отмечали, что чиновники сами должны находить и решать проблемы.

“Благоустройство города, соцзащита, больницы, поликлиники привести в порядок, транспорт чтобы ладам ходил. Снег чтобы убрали, а то у нас всегда это – стихийное бедствие. Площи обустроить – скоро лето. Работы-то – край непочатый, а работы чиновников и не видно”.

“Ищет, находит проблемы и решает их. Заботится в первую очередь не о себе, а о делах государственных, стремится помочь людям, чем может”.

Довольно часто респонденты говорят о необходимости лучшей организации работы чиновников. И здесь многие подчеркивают, что чиновники должны разговаривать с людьми, разъяснять им порядок решения их вопроса.

“Организовать свою работу так, чтобы не было очередей”.

“Чтобы пришел в рабочее время и попал к нему. Вопросы решать быстро”.

“Идеальный чиновник умеет ориентироваться в море законов и выбирать нужный для выполнения просьбы людей. Довести эти законы понятно до людей, должен отвечать на любой вопрос людей, которые к нему приходят”.

“Должен быть для людей легко доступен, чтобы до него можно было добраться”.

Естественно, для того чтобы выполнять свою работу на должном уровне, чиновник должен быть профессионалом, образованным человеком.

“Идеальный чиновник – это грамотный, эрудированный гражданин, в совершенстве знающий порученный участок работы”.

“Отлично знает свою работу. Образован, с хорошей эрудицией, знает иностранные языки”.

“Это общительный, интеллигентный, умный человек”.

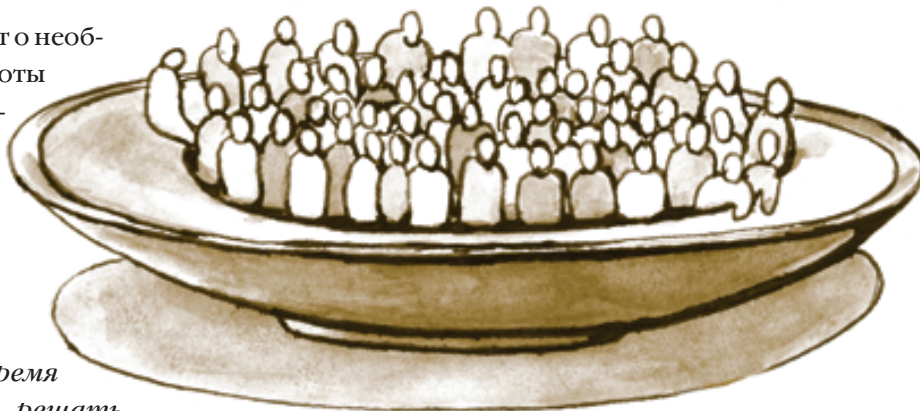
Но профессионализма мало. Для того чтобы быть советчиком, консультантом, не раздражаться от обилия “глупых вопросов”, чиновник, по мнению участников панельного опроса, должен быть человеком доброжелательным, любезным, готовым помочь.

“Идеальный чиновник внимательно слушает. Чем сможет – поможет или подскажет, куда лучше обратиться, телефон даст...”

“Аккуратно одетый, с приветливой, доброй улыбкой, доброжелательно настроенный, компетентный в своем вопросе, не спешащий, не жалеющий своего времени”.

“Это такой человек, к которому придешь, а он спокойно слушает и поможет без волокиты и мотания нервов”.

“Не должен хамить, даже если посетитель его раздражает”.

Респонденты говорят и о том, что советы и рекомендации чиновника должны быть ответственными. Имеется в виду, что совет, полученный от чиновника после многочасового стояния в очереди, не должен опровергаться в следующем кабинете, что полученные бумаги не должны теряться, что чиновник должен работать “по правилам”.

“Ответственный за принятые им решения”.

“Умеет выслушать, понять и быстро предпринять нужные действия, а не заниматься отписками”.

Самым раздражающим, неприемлемым, с точки зрения общественной морали, являются казнокрадство, взяточничество, вымогательство чиновников

Но чаще всего респонденты, конечно, говорят о честности и законопослушности как непереносимом качестве “идеального” чиновника.

“Идеальный чиновник не берет взятку, честно выполняет свои прямые обязанности, думает не только о собственном интересе, но и о государственном”.

“Идеальный чиновник – это кристальный человек, который не поддается разным соблазнам (взятки и нарушения). Они твердо стоят на позициях закона, Конституции

России. Он не боится компроматов, так как безупречен и честен и стоит выше этого”.

“Честный, порядочный, не очень толстый”.

Иногда респонденты говорили о том, что “честного чиновника” быть не может – потому что такой человек, по их мнению, оказался бы “вне системы”.

“Честного чиновника – «белую ворону» – никто не будет держать в своей среде. По крайней мере, сейчас в России”.

Поэтому нужен не “идеальный чиновник”, а “идеальная система”.

“Идеальных людей не бывает. Но можно сделать систему организации их работы близкой к идеалу, когда в рамках этой системы люди невольно будут действовать приближенно к идеалу”.

Чиновники нынешней России

Бульжники на пути прогресса.

Из интервью участника исследования

Вопрос о качествах нынешних российских чиновников звучал так: *“Что собой представляют чиновники в нынешней России? Опишите, пожалуйста, современного российского чиновника. Что для него наиболее характерно? Чем он отличается от «идеального» чиновника?”*

Многие участники панельного опроса в своих ответах подчеркивали, что нынешний чиновник *“не отличается от идеального – он полная противоположность ему”.*

“Современный российский чиновник отличается от идеального практически во всем, кроме внешнего вида”.

“Полная противоположность идеальному. Для нынешнего чиновника характерны безответственность, нежелание выполнять элементарные нормы поведения, неуважение к людям”.

Данные респондентами характеристики “идеального” и “реального” чиновника действительно практически зеркальны. Если “идеальный” чиновник, в пред-

ставлениях респондентов, – компетентный, грамотный специалист, помогающий людям решать их вопросы, то “реальный” – некомпетентный, не знающий законов, неэффективный работник.

“Наши чиновники не всегда сами знают законы, инструкции, поэтому и посылают человека из одного кабинета в другой”.

“Многие просто совсем не имеют образования, нужного для своего дела, и поэтому совсем бестолковые”.

“Идеальный” – активный и инициативный, “реальный” – ленивый, косный, не заинтересованный в успехе порученного ему дела.

“Современному чиновнику не нужны перемены, они ему невыгодны, он обожает, когда есть зависимые от него люди”.

“Современный чиновник от идеального отличается потрясающим равнодушием к своему делу и к делу обращающихся к нему людей”.

“Идеальный” – доброжелателен и участлив, “реальный” – высокомерен, равнодушен, груб.

“Заносчивые, невоспитанные, такие хамоватые и невнимательные к людским заботам. Те, кого я знаю, с кем сталкивался, – это совершенно невоспитанные, грубые, наглые люди”.

“Даже женщины, а их очень много в разных органах власти, ходят и ухоженные, и приодетые, но грубые, невнимательные и наглые”.

“Считает себя выше других. И если обратишься к нему, он показывает, что его дела важнее, а до тебя ему дела нет”.

“Реальный” чиновник, в отличие от “идеального”, как полагают респонденты, не отвечает за свои советы и обещания. Также широко распространено убеждение, что чиновники скрывают от простых людей полезную для них информацию. Разочаровывают граждан и невыполненные обещания.

“От людей нужны льготы и дотации скрывают”.

“По-моему, характерная черта современных чиновников – это шлейф невыполненных обещаний”.

“Много обещают, но ничего не делают. Приходится много ходить попусту”.

Но больше всего сетований, конечно, на взяточничество “реальных” чиновников.

“Глаза бегающие, руки загибающие; ноги, наостренные на Запад”.

“Работу выполняет тяп-ляп, на всех смотрит свысока, так и ждет, кто бы ему подмазал”.

“Налоговая инспекция ходит по базару с сумками”.

“Сегодня они строят дома, охрана, нянечки, домработницы, иномарки. С каких доходов? Да это от наших взяток. Простые люди платят за любую бумажку, которую замучаешься выбивать, и от безысходности отдашь последние”.

Для многих не секрет, что нынешние чиновники успешно совмещают выполнение своих функций с предпринимательской деятельностью.

“У них есть предприятия, которые числятся на родственниках и получают государственные заказы”.

“Им запрещено заниматься коммерческой деятельностью, но они занимаются ею через подставных лиц”.

Несмотря на все злоупотребления, чиновники остаются безнаказанными.

“Против любого чиновника возбуждают уголовное дело, а он тут же заявляет, что его – за политику. Презумпцию невиновности превратили в отмычку, воровской инструмент!”

Встречаются, однако, ответы, в которых утверждается, что чиновники, как и все люди, – разные. Есть плохие, есть хорошие.

“Есть разные чиновники – и те, кто думает только о том, чтобы набить собственный карман, и те, кто заботится о государственных интересах”.

“Взять Путина – он высший чиновник. Он хочет, чтобы Россия была на хорошем уровне”.

“Хорошие знают свое дело, работают с душой. А плохие только занимают это место”.

“Чиновники, как и все люди: одни – очень надменные и недружелюбные, таких большинство. Но есть нормальные, добросовестные работники – я таких встречала”.

Близки к этим ответы, в которых утверждается, что дело не в конкретных людях, занимающих те или иные посты, а в самой системе, которая воспроизводит определенный тип чиновника – бюрократа и взяточника – и уничтожает “белых ворон”.

“Редко кто имеет благие помыслы. Если и заведется такой, так его сразу и съедят, потому что не вписывается в эту структуру”.

“«Белую ворону» в своей среде чиновники держать не будут. Или выгонят с «волчьим билетом», или, еще хуже, посадят, а иногда и физически уничтожат”.

Нынешние и советские чиновники

Там довлела партия, а теперь – рубль.

Из интервью участника исследования

Мы спрашивали респондентов о том, отличаются ли нынешние чиновники от тех, которые были при советской власти.

Среди опрошенных доминирует мнение, что нравы чиновников с советских времен не изменились. Многие из них даже остались на своих местах. Они так же высокомерны, некомпетентны, коррумпированы.

“Царские чиновники плавно перешли в советских, а те так же плавно в нынешних – демократических. Стиль тот же: волокита, высокомерие, взятки, и ни у кого никакой ответственности”.

“Единственное отличие – советские чиновники больше боялись показывать свое истинное лицо, а остальное – то же самое. Презрение к собственному народу, нежелание работать на народ”.

“Просто ничем. Большинство из них осталось на своих местах, ничего не поменялось. В них не стало ничего ни лучше, ни хуже”.

“Ничем не отличаются. Сейчас у чиновников есть компьютеры, а раньше они вручную бумажки заполняли, вот и все”.

Окончание см. на стр. 67 →

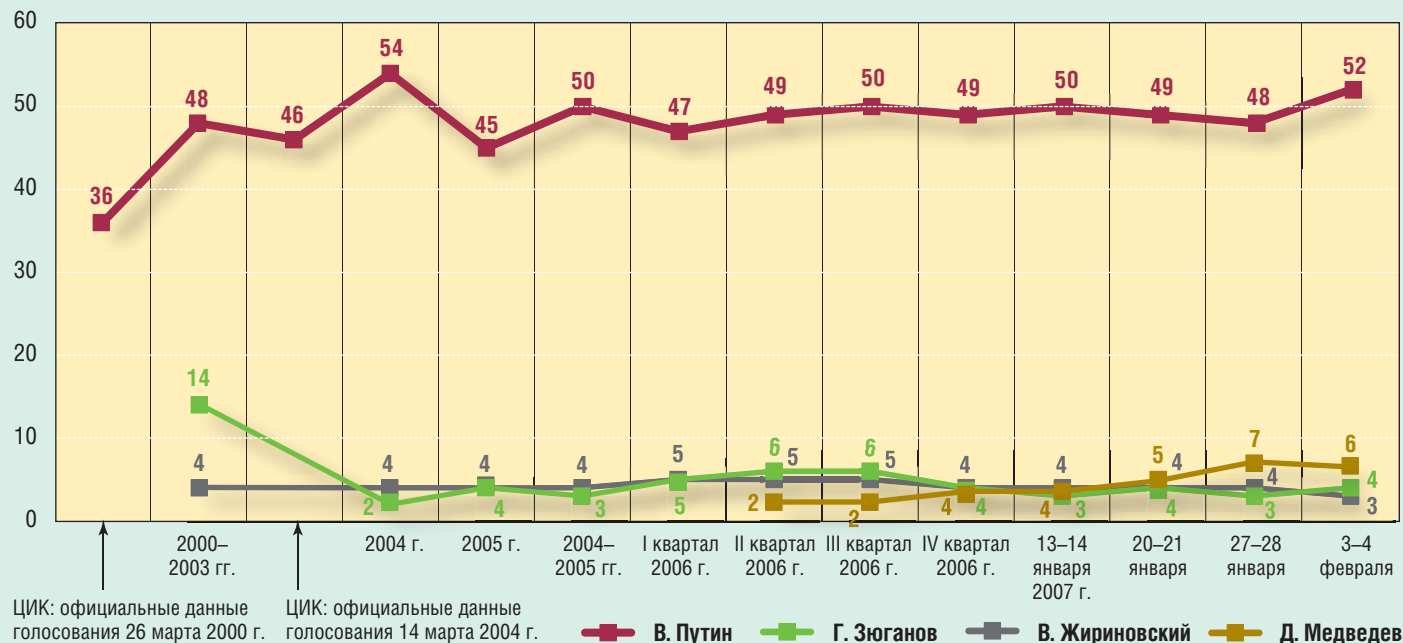
Среди опрошенных доминирует мнение, что нравы чиновников с советских времен не изменились. Многие из них даже остались на своих местах; они так же высокомерны, некомпетентны, коррумпированы

Электоральные рейтинги

Данные в % от населения

Политики

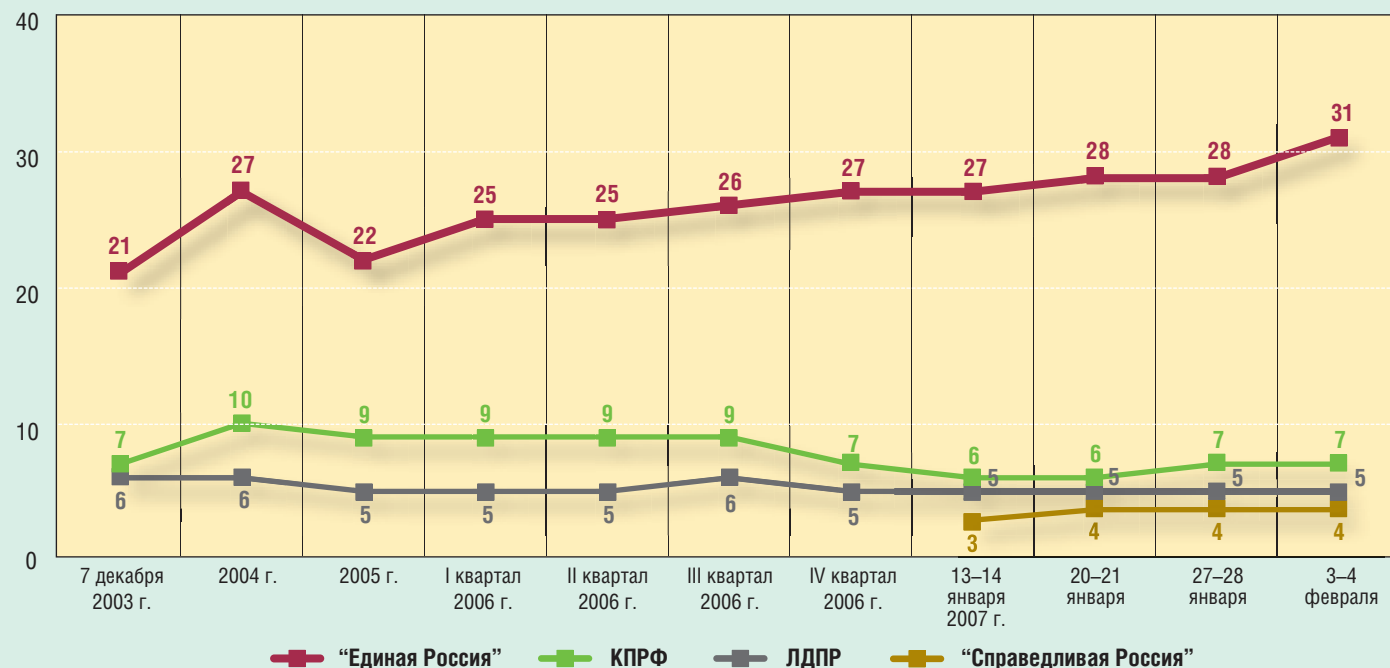
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоится выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали?* (Карточка, один ответ)

* Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали?** (Карточка, один ответ)

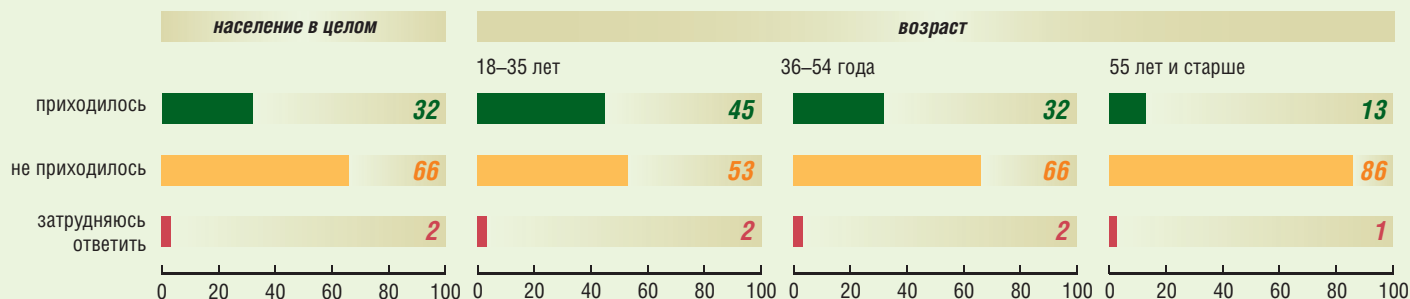

** Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%

Доллар в России

Данные в % от населения

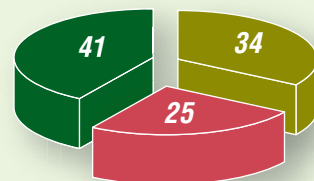
Скажите, пожалуйста, Вам когда-либо приходилось или никогда не приходилось в повседневной жизни иметь дело с наличными долларами?

Какая валюта — рубли, доллары или евро — вызывает у Вас сегодня больше доверия?

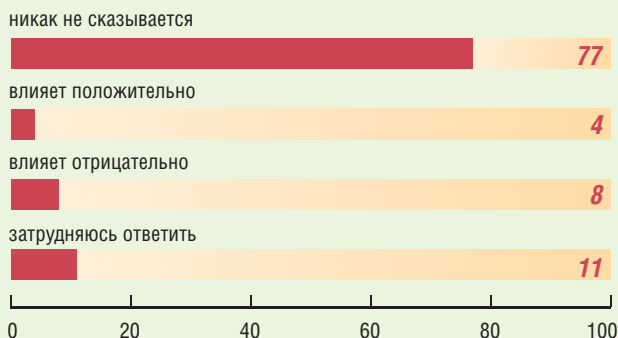
Одни считают, что снижение курса доллара ведет к ослаблению позиций США в мире. Другие считают, что снижение курса доллара не ведет к ослаблению позиций США в мире. Какое мнение — первое или второе — Вам ближе?

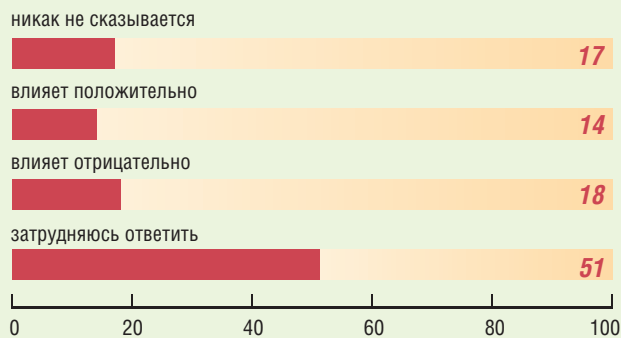
Скажите, пожалуйста, Вы следите или не следите за курсом доллара?

Скажите, пожалуйста, снижение курса доллара как-то сказывается или никак не сказывается на Вас лично, на Вашем материальном положении? И если сказывается, то снижение курса доллара влияет на Ваше материальное положение в целом положительно или отрицательно?

Как Вы думаете, на российской экономике снижение курса доллара как-то сказывается или никак не сказывается? И если сказывается, то снижение курса доллара влияет на российскую экономику в целом положительно или отрицательно?

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 23–24 декабря 2006 года. Выборка: 1500 человек

Подарки желанные и нежеланные

Данные в % от населения

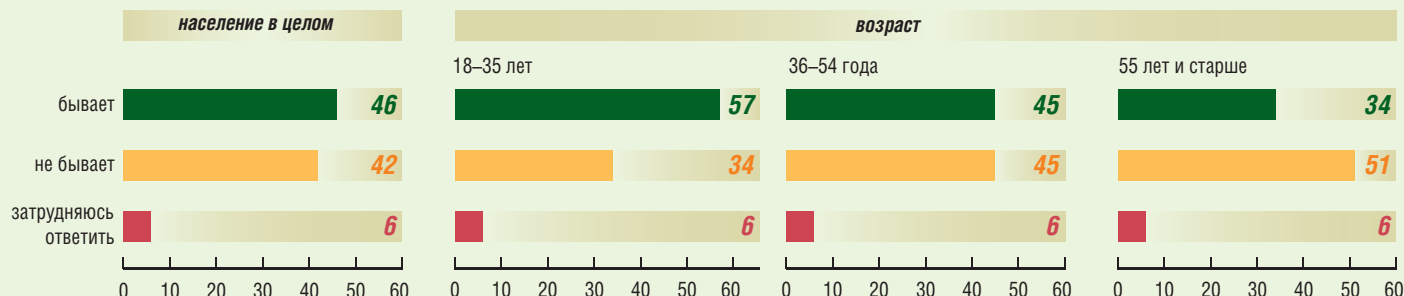
Скажите, пожалуйста, кому Вы обычно дарите подарки?
(Карточка, любое число ответов)

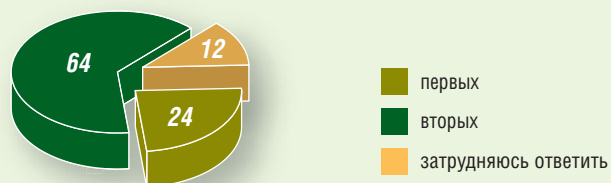
Скажите, пожалуйста, в каких случаях, по каким поводам Вы обычно дарите подарки? (Карточка, любое число ответов)

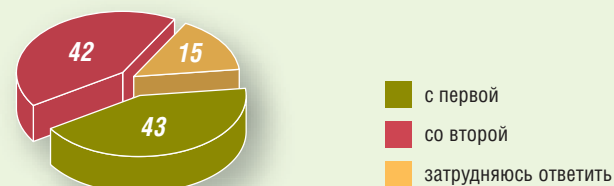
Скажите, пожалуйста, а бывает так, что Вы делаете подарки не по случаю праздников или каких-то важных жизненных событий, а просто так, без всякого повода?

Иногда подарки делаются в денежной форме. Одни считают, что вручать человеку в качестве подарка какую-то денежную сумму в принципе нежелательно. Другие не видят в этом ничего плохого. Вам лично ближе позиция первых или вторых?

По мнению одних людей, подарок должен быть сюрпризом — то есть получатель подарка не должен знать заранее, что именно ему подарят. По мнению других людей, лучше заранее выяснить, что именно хочет получить человек, и подарить ему это. С какой точкой зрения — с первой или второй — Вы согласны?

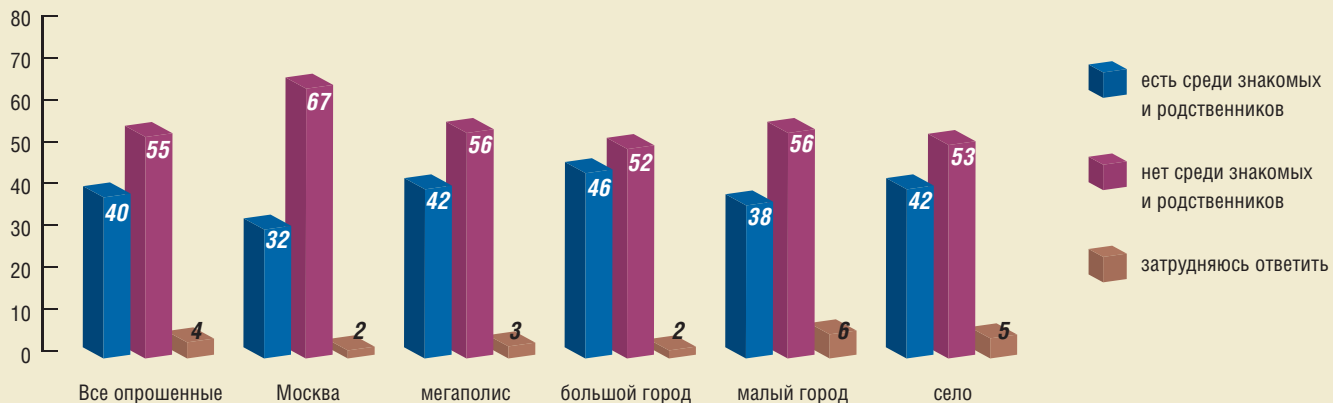

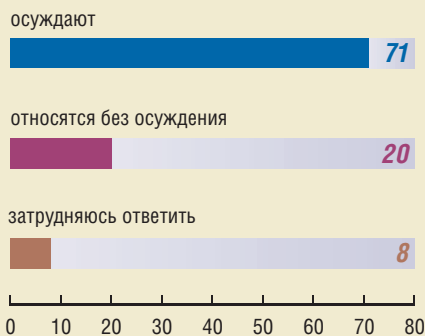
Алкоголизм: распространенность и отношение

Данные в % от населения

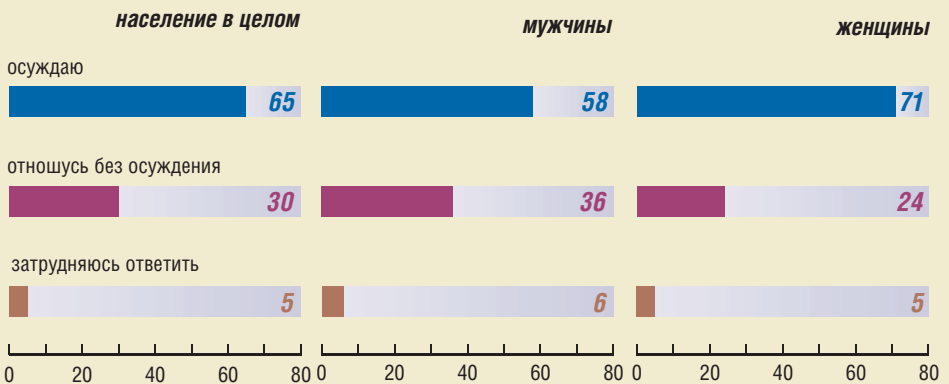
Среди Ваших знакомых, родственников есть алкоголики или алкоголиков нет?

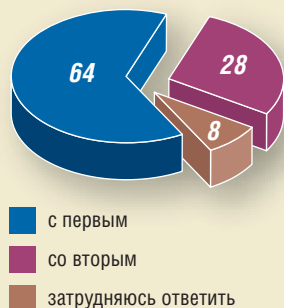
Как Вы думаете, большинство людей в России осуждают алкоголиков или относятся к ним без осуждения?

А Вы лично осуждаете алкоголиков или относитесь к ним без осуждения?

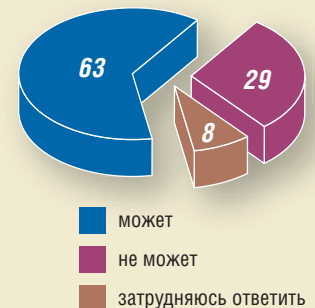
Одни считают алкоголизм болезнью, заболеванием. Другие не считают алкоголизм болезнью, заболеванием. С каким мнением Вы скорее согласны — с первым или вторым?

Как Вы считаете, в принципе алкоголизм — это излечимая или неизлечимая болезнь? (Ответы заявивших, что они считают алкоголизм болезнью)

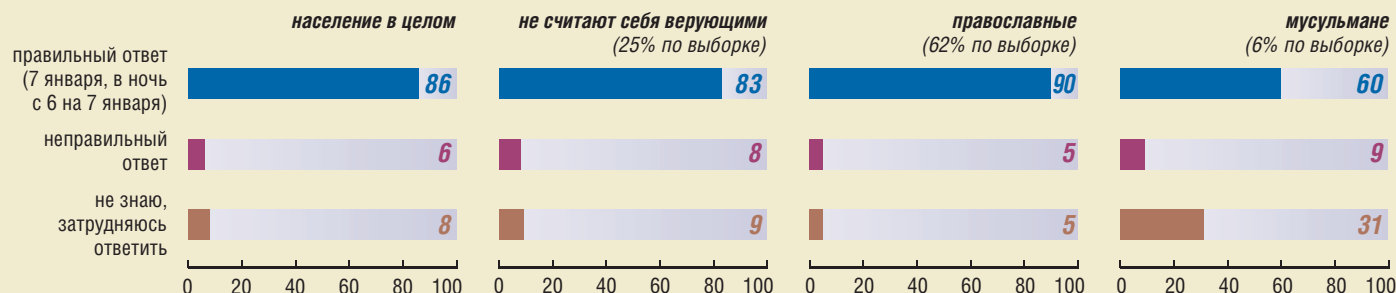
На Ваш взгляд, может или не может алкоголик при желании сам, без посторонней помощи бросить пить, избавиться от алкоголизма?

Рождество в России: смыслы, эмоции, традиции

Данные в % от населения

Рождество Христово — большой религиозный праздник. Скажите, пожалуйста, когда отмечается православное Рождество?

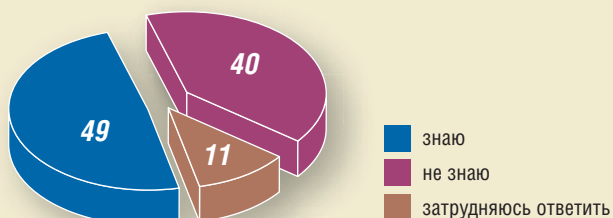

А как Вы лично отмечали православное Рождество (7 января)?
(Карточка, любое число ответов)

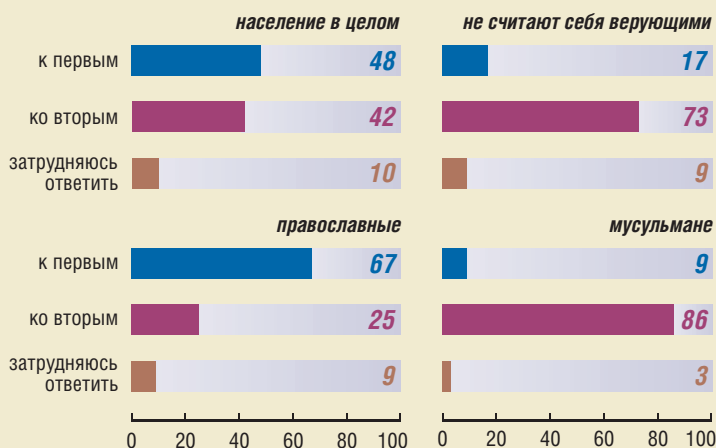

Опрос 13–14 января 2007 г.

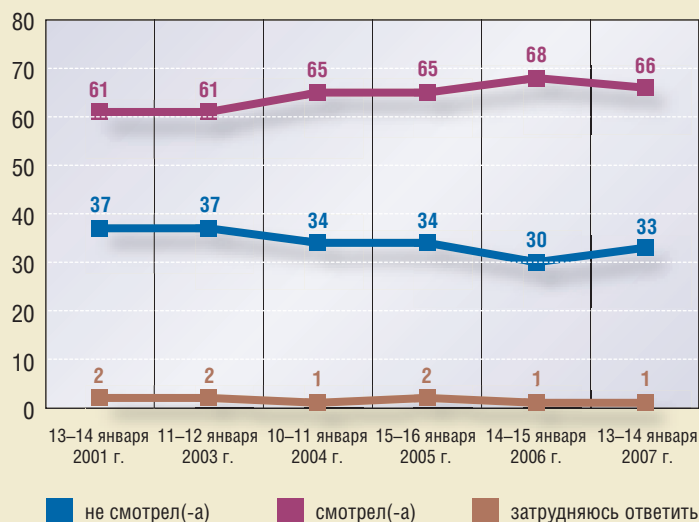
С каждым праздником связаны те или иные обычаи, обряды. Например, на Пасху пекут куличи, а 8 марта женщинам дарят цветы. Скажите, пожалуйста, Вы знаете или не знаете какие-либо обычаи, обряды, связанные с празднованием Рождества?

Для некоторых людей Рождество Христово — важный, значимый праздник, вызывающий особые чувства и переживания. У других людей праздник Рождества Христова не вызывает особых чувств и переживаний. Скажите, пожалуйста, Вы себя относите скорее к первым или ко вторым?

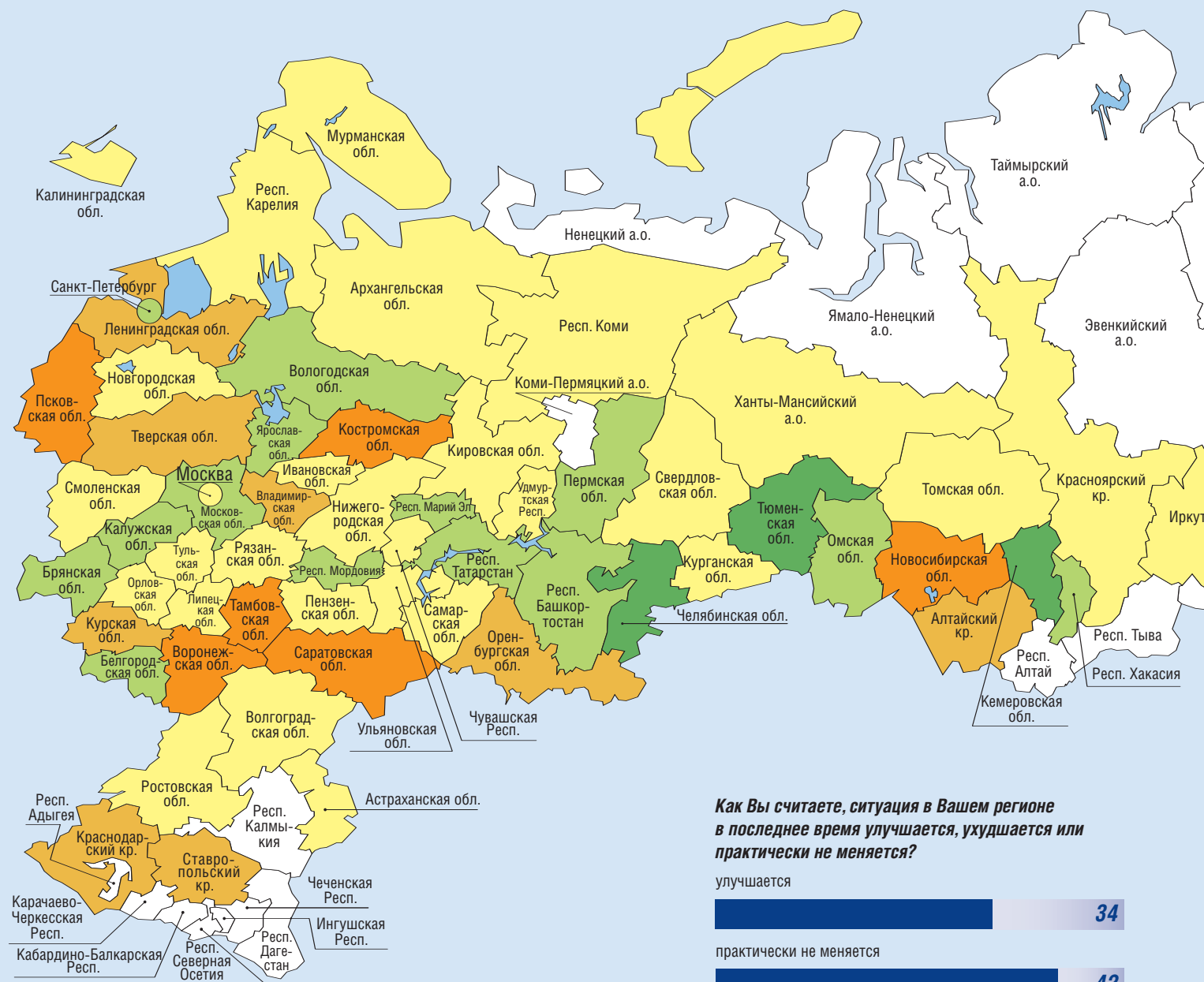

Вы смотрели или не смотрели трансляцию церковной рождественской службы по телевизору?

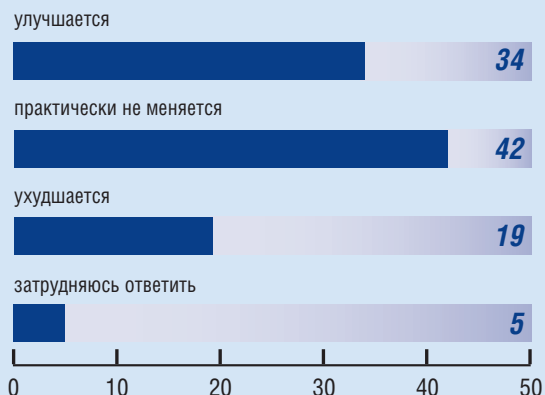
Оценки динамики ситуации в регионе

Ситуация ухудшается

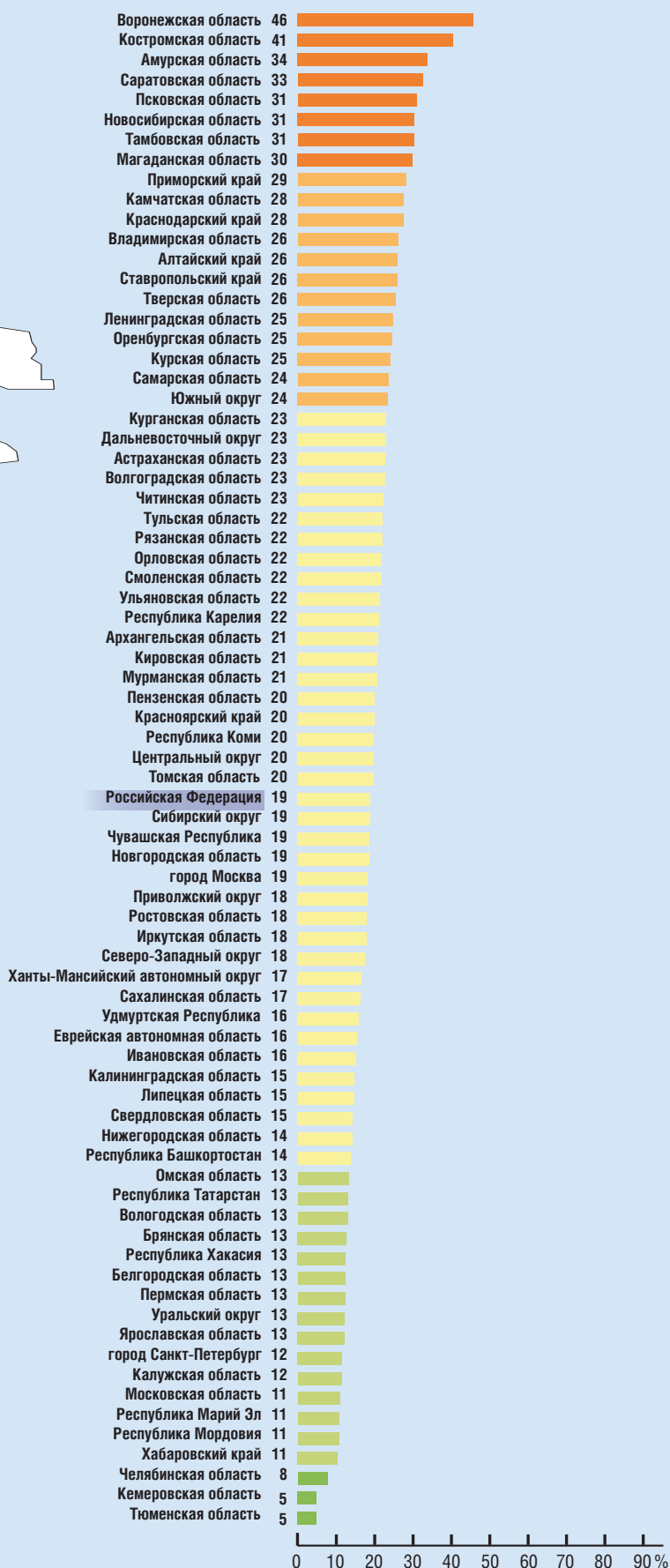
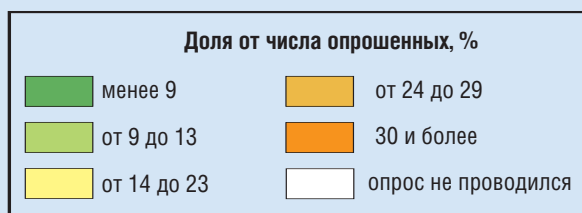
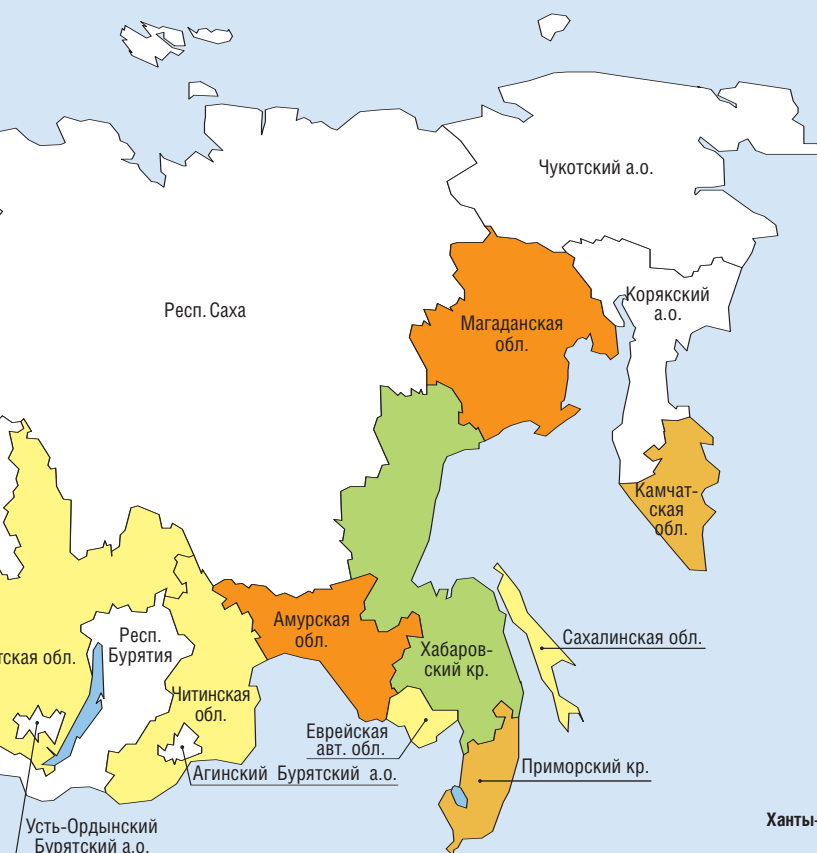

Данные общероссийского опроса населения от 30 октября — 15 ноября 2006 года, проведенного по репрезентативной выборке в 1930 населенных пунктах 68 субъектов РФ — областей, краев и республик всех экономических зон России.

Как Вы считаете, ситуация в Вашем регионе в последнее время улучшается, ухудшается или практически не меняется?

Объем выборки — 34 000 респондентов 18 лет и старше

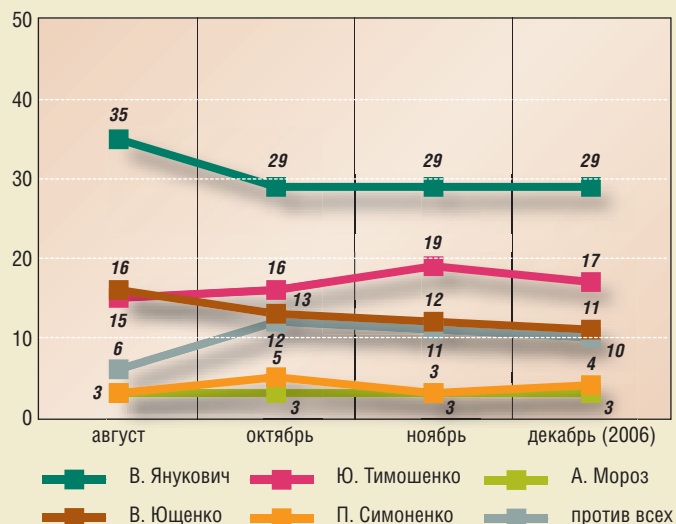

ФОМ-Украина: рейтинги политиков и партий, оценки ситуации и ожидания жителей Украины

Данные в % от населения Украины

Рейтинги политиков*

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из них Вы бы проголосовали? (Карточка, один ответ)

* Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 3%

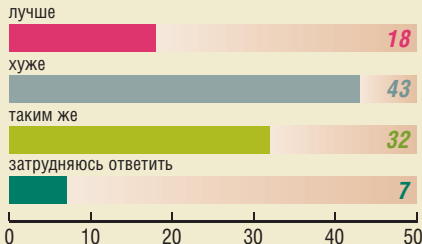
Рейтинги партий**

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы в Верховную Раду. Скажите, пожалуйста, за какую партию Вы проголосовали бы в этом случае? (Карточка, один ответ)

** Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 3%

Каким был уходящий 2006 год для Украины — лучше, хуже или таким же, как прошедший 2005 год?

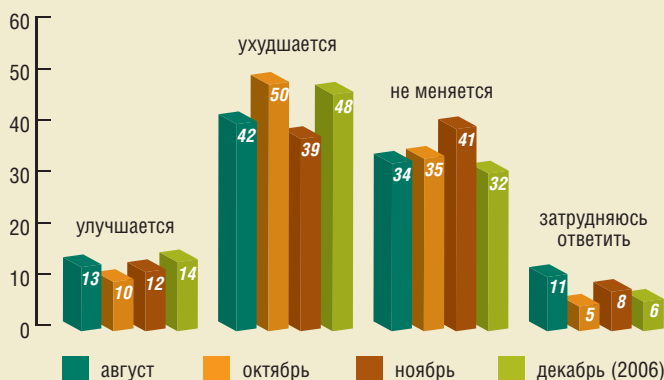
Как Вы считаете, кто из украинских политиков имеет сегодня больше влияния на ситуацию в государстве: президент В. Ющенко, премьер-министр В. Янукович или глава Верховной Рады А. Мороз?

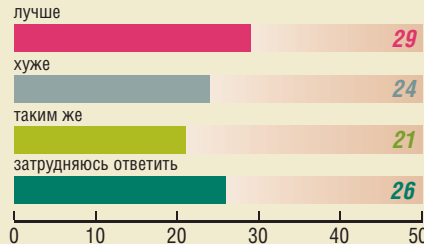
По Вашему мнению, существует или не существует конфликт между президентом Украины Виктором Ющенко и премьер-министром Украины Виктором Януковичем?

Как Вы оцениваете экономическую ситуацию в Украине: по Вашему мнению, она улучшается, ухудшается или не меняется?

А как Вы думаете, наступающий 2007 год будет для Украины в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий 2006 год?

→ Окончание статьи.

Иногда респонденты отмечают, что все дело в нравственных качествах человека, занимающего тот или иной пост. Чиновники, которые были честными раньше, остались честными и сейчас, а нечестные почувствовали себя вольготнее.

“Честные как работали для общества, так и работают. А нечестные окружили себя более высокой и непробиваемой стеной, выставя напоказ свое благосостояние – престижные автомобили, огромные особняки и т. д.”

Часть участников опроса полагают, что раньше чиновники были лучше, а сейчас стали хуже. Практически во всех высказываниях такого рода присутствует мысль, что в советские времена чиновники боялись наказаний за плохую работу и злоупотребления, на них можно было пожаловаться в партийные органы. Сейчас же нет структур, которые принимают и рассматривают жалобы на неправомерные действия чиновников. Именно поэтому, как считают наши информанты, рядовые граждане чувствуют себя незащищенными перед произволом чиновников.

“В советское время – лучшие, был жесткий контроль”.

“Современные чиновники более наглые. Раньше райком, обком партии мог исправить ошибку чиновника, даже не посмотрев на нарушение инструкции, а сейчас даже обращение в суд не дает никакой гарантии справедливого разрешения вопроса”.

“На чиновников советских времен можно было найти управу, пожаловаться в партком, райком. А нынешние, по-моему, не подвластны никому”.

“Советские чиновники не задавались своими должностями, мало зарабатывали, но мало кто брал взятки – за это строго наказывали. Они были старательные и внимательные, культурные. Сейчас чиновники – как враги народа, к ним не подступиться. Ведут себя высокомерно и грубо”.

“Может, они и крали, но боялись осуждения. Если что-то выходило наружу, то им это не спускалось с рук. И наказывали, и с постов снимали. Сейчас никого не снимают. Все дозволено. Лучшие ничего не стало. Вору вору еще больше, и все по закону”.

Бесконтрольность и безнаказанность, по мнению этих респондентов, привели к тому, что нынешние чиновники стали более корыстными, ленивыми, циничными. Они не боятся потерять свое место, потому что за время пребывания “в должности” успели сколотить капитал, создать собственные фирмы, зарегистрированные на подставных лиц.

“Сегодняшние чиновники чувствуют вседозволенность. А если что-то будет не так, он откупится или уйдет в бизнес, который на всякий случай уже создал на свое имя или на имя того или иного родственника”.

“Они себя считают кастой неприкасаемой за счет денег, которые они наворовали у народа, у государства. Лучшие ничего не стало. Стали они хуже, наглее”.

“Нынешние – гораздо наглее и беззащитней. Человек в современной России гораздо незащищеннее, чем в советской России, как ни трубят о демократии. Стало гораздо хуже, так как местные власти толкуют законы как хотят”.

Есть среди участников панельного опроса и те, кто убежден, что советские чиновники были хуже нынешних. Аргументы в обоснование этой позиции: преж-

ние чиновники были высокомерными и грубыми, необразованными. Нынешние же образованы, деятельны, их легче критиковать в прессе, они свободнее от диктата “генеральной линии партии”. Но и эта часть респондентов признают, что нынешние масштабы взяток советским чиновникам “и не снились”.

“Чиновники советских времен были совершенно несамостоятельны, не могли, да и не умели сами принимать какие-либо решения без указания партии и правительства. Ну а современные чиновники намного образованнее и самостоятельнее в принятии решений. Но чиновникам советских времен и не снились привилегии и взятки нынешних”.

“Возможно, дела сейчас стали делать быстрее. Нет такой бюрократии. Раньше пока тысячи бумажек не подпишешь, ничего не сделаешь”.

“И тогда брали взятки, но меньше, чем сейчас. Это – хуже. А лучшие то, что чиновники стали все же демократичнее и более открыты для прессы и налогоплательщиков”.

“Сейчас больше стало порядочных чиновников. Раньше чиновник был более наглый, имел больше власти над людьми”.

Чиновники в центре и на местах

Звенья одной цепи на шее народа.

Из интервью участника исследования

По мнению одних респондентов, чиновники в центре и на местах ничем не различаются. Другие же участники опроса усматривают между ними различия. Первые говорят о том, что у чиновников всех уровней общая социальная роль, что и от высших, и от низших чиновников зависит жизнь страны.

“Общее у них в том, что в их руках судьба народа. От их профессиональности, честности и порядочности зависит, как будет развиваться, жить наша Россия”.

Но чиновники всех уровней, по мнению многих участников панельного опроса, эту свою социальную роль исполняют из рук вон плохо. И это тоже не зависит от того, на какой ступеньке властной иерархии они находятся. Многие респонденты утверждают, что общим для чиновников всех уровней являются воровство и взяточничество.

“Общего – воруют все и пользуются своим положением. Воруют по-разному: один в Греции строит, другой – в Крыму, а кто-то – в Швейцарии”.

“Ничем. Что тот – грабитель, что этот – грабитель. В центре, может, больше защиты, чем в области”.

“Ничем не отличаются. Одни берут поменьше, другие – побольше”.

Распространено убеждение, что и те, и другие чиновники одинаково разоряют страну, народ, стремятся нагрabить как можно больше и сбежать за границу.

“Что те, что другие хотят обанкротить наши заводы и скупить по дешевке. О том, что с Россией, со следующими поколениями будет, – не думают. Им бы урвать сейчас, нагрabить, разорить, и, нахапав, съехать со всеми родственниками за границу. В России-то жить будет невозможно”.

“Общие черты: 1 – жадность; 2 – неприкрытая ненависть к своим гражданам; 3 – античеловечные законы, которые они издают”.

Что в центре, что на местах чиновники, полагают респонденты, работают только для себя, живут красивой жизнью за государственный счет.

“И местные чиновники, и чиновники в центральной власти работают на себя, на свой карман. Отличаются они только масштабом дел, которые ворочают”.

“Есть в них общее – что все они много пользуются за государственный счет. Машину нанять (привезти, увезти) нам надо за свой счет, а чиновников привезут. Праздники отмечают на широкую ногу. Откуда деньги берутся? Мы если сложимся, то стол бедный получается. А там – ломится. Очевидцы отмечают это”.

“Общее – это стремление к власти. Им чужды страдания и нужды народа. Решения они принимают, только думая о собственной выгоде. У них психология такая: главное – покой, сытость, деньги и ни за что не отвечать”.

Поскольку чиновники думают только о собственной выгоде, они, естественно, одинаково равнодушны к людям и к делу.

“Общее то, что все вопросы на их уровнях в основном решают не думая, без боли в сердце, черство”.

“Разницы, я считаю, никакой. Такие же бездушные, недобросовестные и там, и там”.

“Различаются высотой положения. Остальное – общее. Чем выше они поднимаются, тем равнодушнее становятся”.

На всех этажах власти чиновники одинаково лживы, не выполняют своих обещаний.

“И те, и другие врут одинаково”.

“Похожи тем, что только обещают и ничего не делают. Валят один на другого”.

“Обманывают народ, обещают золотые горы, а как только получают власть, тут же забывают про свои обещания”.

Те респонденты, которые замечают различия между центральными и местными чиновниками, чаще всего говорят о разных масштабах злоупотреблений. Здесь, правда, мнения расходятся: одни говорят, что больше воруют чиновники центральной власти, а другие – что местной.

“В центральной власти чиновники решают государственные дела и берут взятки по-крупному, а местные, конечно, масштабом помельче”.

“Местные чиновники стремятся пробиться в центр, в Москву. Но зато на местах легче воровать. Те, которые в Москве, более на публике, более прозрачны”.

Реже различия между чиновниками центральной и местной власти описываются в нейтральном ключе – как различия масштабов деятельности, функций и т. п.

“Чиновники в местной и центральной власти отличаются своими полномочиями в принятии решений. Если первые, естественно, принимают решения на региональном уровне, то вторые вершат судьбы страны”.

“Местные чиновники только житейскими, местными вопросами занимаются. А в верхах решают вопросы государственные”.

Лишь небольшая доля ответов содержит позитивные оценки чиновников низшего либо высшего ранга.

Те респонденты, кто считает, что местные чиновники лучше центральных, чаще всего говорят, что первые уделяют внимание нуждам простых людей, непосредственно участвуют в решении их проблем, тогда как вторые отчуждены от народа.

“У местной власти хоть какая-то связь с народом, а к центральной не доберешься совсем”.

“Местные чиновники к народу поближе, они знакомы с нашими нуждами. Чиновники же в верхах не знают наших проблем, а некоторые – и не хотят знать”.

Реже встречается противоположная точка зрения, согласно которой представители центральных властей, наоборот, больше обеспокоены нуждами населения, проблемами простых людей.

“Центральные чиновники – это более молодой контингент, как правило, люди 35–40 лет, они проявляют гибкость мышления. Это действительно политики, которые работают на нужды народа, больше внимания обращают на народ”.

Опыт общения с чиновниками

Прав – плати, и не прав – плати.

Из интервью участника исследования

Для того чтобы проверить, насколько влияет на формирование представлений респондентов по данной теме их личный опыт, мы задали вопрос, приходилось ли им иметь дело с чиновниками, и если приходилось, то какие остались впечатления.

Те, кто не имел опыта общения с чиновниками, расценивают это как большую удачу, счастливое уклонение от напасти.

“Да, вроде бы, Бог миловал. Мне не пришлось пока с ними сталкиваться”.

“К счастью, нет, я пытаюсь избегать общения с ними, и пока у меня лично это получается”.

“Я стараюсь обойти их. Все равно толку не будет, и надежды нет на них”.

Те, кто не имел опыта общения с чиновниками, расценивают это как большую удачу, счастливое уклонение от напасти

Но таких счастливицев немного. Большинству так или иначе приходится сталкиваться с чиновниками в связи с многочисленными бытовыми проблемами: это прописка-выписка, обращения в собес, ЖЭК, милицию, суд и др.

Большинство респондентов рассказывают о негативных впечатлениях от своих встреч с чиновниками. Участники панельного опроса охотно делятся историями о контактах со служащими государственных учреждений, подтверждая конкретными примерами свои высказывания о пороках отечественного чиновничества. Эти негативные впечатления, как правило, вызваны типичным набором обстоятельств.

Вместо помощи посетители получали отписки, обещания, оставшиеся невыполненными.

“В 1998 году нас затопили – составили акт. Так вот этот акт там до сих пор и лежит без толку”.

“Сначала они не в курсе, потом обещают, потом уходят. И все”.

“В ЖЭУ обращаюсь каждый год по поводу крыши. Но как протекало, так и протекает”.

“Два года назад нас обокрали, приехала милиция, сняла отпечатки пальцев и успокоилась на этом, сказали нам: «Ищите сами», – и уехали”.

“Ходила в отдел социального обеспечения. Детские не платят, потому что в Госбанке нет лицевого счета. Завели лицевой счет, но денег все равно не платят”.

Многим респондентам распределение обязанностей в системе государственного управления непонятно и страшно своей иррациональностью. Очень много жалоб на то, что приходится ходить из кабинета в кабинет по замкнутому кругу, и при этом нет человека, который бы толково и неспешно объяснил, как правильно действовать.

“Хочется вопрос решить грамотно, а нет такой продуманной консультационной службы нигде, вот и ходишь за каждой запятой”.

“Жилье я получил, а вот ордер получить не могу. Никто не объяснит толком, что надо делать. Одни чиновники посылают к другим, не объясняют, зачем нужна та или иная справка, поэтому впечатления от общения с ними остались ужасными”.

“Ходила за получением детских пособий в собес. Выстояла очередь – два часа с лишним. Оказалось, что не хватает какой-то одной справки. По хорошему нигде ничего не объясняют”.

“В собес не объяснили, что писать в справке, из-за какого-то слова снова пошла, затем еще какого-то слова не хватило. В итоге за справкой два раза ходила на предприятие, три раза – в собес”.

Это хождение по замкнутому бюрократическому кругу сопровождается хамством и грубостью чиновников.

“Стою в ЖЭУ под дверью, никто внимания не обращает, а у меня ноги болят. Даже не извинились, что у меня не было по их вине льгот как у ветерана. Сплошное равнодушие и наглость”.

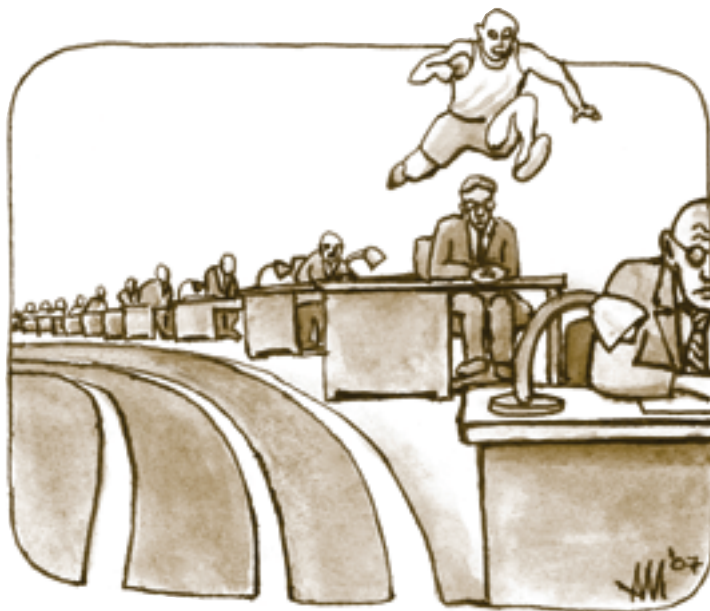
“Приходилось при обмене паспортов. Впоследствии выяснилось, что все это можно было сделать за один день. А мы потратили больше месяца. С нами разговаривали с крайне пренебрежительным видом и оскорбительным тоном, кричали на нас. Дескать, ходите тут, мешаете. С первых минут воспринимают нас как личных врагов”.

“В пенсионном отделе никогда не получаешь достоверную, четкую информацию. Все говорят быстро, скороговоркой, с раздражением. Ничего толком не поняв, выходишь, а когда обращаешься вновь, то опять натываешься на раздражение”.

Изнурительные очереди, по словам респондентов, – характерная черта “присутственных мест”.

“Очереди безумные. Можно было все сделать в одном месте, так как информация находится в компьютере. И это все мог сделать один человек”.

“Стоял в очередях и видел, как меня ненавидят за то, что я требую то, за чем пришел, и что она мне обязана выдать...”

И конечно, участники панельного опроса говорят о неизбежных чиновничьих поборах, о взятках, которые часто вымогаются даже не намеками, а в открытую.

“Приходилось. Сказали, сколько что будет стоить. В противном случае это будет более дорогой ценой. Впечатления стандартные. Что ожидал, то и получил”.

“В отделе сертификации чиновник вообще нормальным языком разговаривать не умеет, на вопросы не отвечает, только после взятки стал ко мне внимательнее. Впечатления самые скверные, желание бросить занятие частным предпринимательством”.

“Да, приходилось обратиться в бюро инвентаризации за справкой. Там ничего не изменилось за последние 20 лет. Те же злые взяточники, те же очереди”.

“Я была подготовлена хорошо, неслась этому чиновнику взятку. Он меня внимательно выслушал и сделал так, как мне было нужно. До этого я обращалась тоже, но так как я не заплатила, то и вопрос не решился”.

Но самые сильные чувства у опрошенных вызывают работники милиции.

“Если и ментов считать чиновниками, то подлее людей просто нет: вымогатели, лжецы и прохиндеи”.

“Я вот не знаю, можно ли милиционера, сотрудника ГАИ назвать чиновником или нет. Ну, о ментах одинаковые у всех впечатления: наглые, злые, хитрые люди в форме”.

“Разрешение на торговлю кончилось 20 мая, один день был просрочен. Участковый забрал меня. Делал различные намеки, чтобы заплатила, но я не стала со своей мизерной зарплаты платить. Через день (у меня уже было разрешение) подходит, проверил – опять забирает в участок и начал бить тут же. Хорошо, собрались зеваки, это его остановило”.

Наиболее великодушные респонденты склонны извинять чиновников, сетуя на плохие, непродуманные правила, которые придумали законодатели или чиновники же, но более высокого ранга.

“Те, кто должностью пониже, и сочувствовали, и помогали чем могли. Оформлял пенсию. 20 лет назад были одни порядки и законы по труду, а теперь требуют другие бумажки. А как их можно получить, если раньше их не было?! Поэтому трудно чего-то добиться и доказать чиновнику. Но если бы

были особые разъяснения к закону о труде, о пенсиях, то и унижаться не надо было бы”.

Но вот взгляд с другой стороны.

“Сама некоторое время работала секретарем. Иногда так доставали, что потом весь день не могла спокойно разговаривать”.

Встречаются, однако, и положительные отзывы о визитах в “присутственные места” – это примерно десятая часть от всех ответов. Положительный результат прихода к чиновникам подчас удивляет опрошенных и воспринимается ими скорее как исключение из правил.

“Да, мне приходилось в последнее время иметь дело с федеральным судьей. Впечатление у меня осталось положительное – все мне было разъяснено досконально”.

Положительный результат прихода к чиновникам подчас удивляет опрошенных и воспринимается ими скорее как исключение из правил

“Я долго болел, и мне нужно было лекарство. Я – инвалид войны, и необходимо было пойти в Горздрав. Жена пошла к Иванову Михаилу Васильевичу, и он самолично обзвонил аптеки, нашел, в какой оно есть, и нам бесплатно его выдали, хотя оно дорогое. Дай Бог ему здоровья, очень хотелось бы, чтобы все чиновники были ему подобными”.

“Что касается лично меня, то куда бы я ни обращался, с какими бы чиновниками ни имел дело, везде нахожу взаимопонимание. Поэтому у меня остались самые хорошие впечатления”.

“В собес только ходила. Осталось на удивление приятное впечатление. Там чиновники обходительные, вежливые, терпеливые”.

“Я недавно была на приеме в районной управе “Чертаново Северное” – без записи, меня тут же приняли. Я рассказала о своих нуждах, просила материальную помощь (задолженность по квартплате). Выслушали очень внимательно и обещали помочь. Через две недели я получила помощь. Осталось очень хорошее впечатление”.

Как улучшить работу чиновников

На сдельщину их: не сделал для народа – лату соси.

Из интервью участника исследования

Что нужно сделать, чтобы чиновники в России стали работать лучше, приносили больше пользы? Часть респондентов, отвечая на этот вопрос, воспроизводят стереотипы советского времени: наказывать, контролировать, устраивать “чистки”, брать в чиновники из рабочей среды.

Примечательно, что рекомендации по ужесточению контроля часто обращены к государству, то есть к тем же чиновникам. Фактически бюрократической системе страны предлагается “вытаскивать себя за волосы”. Иногда, правда, это обстоятельство смущает респондентов, и они предлагают создание негосударственных “комиссий” по типу партийных структур прошлого.

“Нужно, чтобы правительство более внимательно следило за деятельностью чиновников, наказывало их, пресекало взяточничество”.

“За ними должен быть контроль. Должна быть специальная структура. Как раньше – можно было в райком пожаловаться”.

“Надо смотреть: если кто-то не делает свою работу, то его нужно предупредить, а если он не исправляется, то нужно его уволить, тогда другой будет бояться и станет помогать людям, а не себе самому”.

Близки к этой группе ответов предложения ужесточить наказания за взятки.

“Чиновника-взяточника надо наказывать вдвое строже”.

“Ужесточить наказания, особенно за взятки. Классическая в свое время страна взяточников Китай сейчас потихоньку из этого вылезает из-за жестокости наказаний за взятки. Ну, может быть, не расстреливать, но конфисковать все до нуля и заносить в «черный список» – не допускать к делам”.

Советы устраивать “чистки”, рекрутировать чиновников из рабочей среды отсылают к прошлому опыту России.

“Исполнять указ Петра Первого: чиновников назначать каждый год новых, чтобы они боялись, чтобы у них ответственность была. «Чистка» нужна: они народу служить должны, а не собственным интересам”.

“На овощную базу, на картошку – большие загружать их физическим трудом. А то засиделись – одно место уже, наверное, болит. Пусть на заводе поработают для начала учениками. Тогда к своей работе будут относиться с уважением и к людям тоже”.

“Чиновников надо брать из рабочей среды, их должен коллектив избирать в чиновники. Надо, чтобы чиновник был честным человеком, с трудовой биографией, на которой нет пятен”.

Рекомендации по ужесточению контроля часто обращены к государству, то есть к тем же чиновникам. Фактически бюрократической системе страны предлагается “вытаскивать себя за волосы”

Другая группа респондентов (с некоторой долей условности ее можно назвать “либерально-демократической”) осознают всю сложность проблемы и предлагают иногда целые программы оптимизации работы чиновников:

“1. Институты подготовки квалифицированных чиновничьих кадров. 2. Конкурсный (тестовый) отбор абитуриентов для последующего поступления в подобные вузы. 3. Жесткое декларирование доходов существующих чиновников. 4. Конкурсный отбор кандидатов – на любую чиновничью должность (гласный). 5. Материальное стимулирование.

6. Законы, четко регламентирующие данный вид деятельности. 7. Жесткий контроль государственных органов. 8. Жесткий контроль всевозможных общественных организаций”.

О том, что квалификация нынешних чиновников оставляет желать лучшего, респонденты упоминали в ходе всего интервью. Предлагается не только повышать профессиональный уровень госслужащих, но и учить их манерам, культуре общения.

“Чтобы они четко знали законы, с которыми они работают, чтобы доходчиво могли объяснить человеку тот или иной закон”.

“Чтобы были такие учебные заведения, где будущих чиновников учили себя вести и говорить, а не материться”.

“Повышать их интеллектуальный и нравственный уровень, вводя обязательные курсы по получению определенных знаний, манер поведения, психологии человека”.

Близки к этим рекомендации “растить” чиновников или отбирать их по критерию умения работать с людьми.

“Надо воспитывать молодежь, которая будет впоследствии этими чиновниками. Кадры чиновников надо готовить, растить, отбирать из числа наиболее подготовленных, честных”.

“Подбирать на эти должности людей, которые обладают человеческими качествами для работы с людьми. Может, тест какой-то проводить или специальную подготовку”.

“Готовить чиновников: они должны не только уметь выполнять свои обязанности, но и психологически работать с людьми”.

Упоминается также о целесообразности конкурсного отбора чиновников.

“На эти должности (особенно высокие) должен быть конкурс. Ведь в стране столько честных, талантливых людей, но они почему-то в тени”.

Но какими бы идеальными ни были люди, подготовленные для работы в управленческом аппарате, вновь отмечали наши собеседники, эта безличная и жесткая машина перемалывает их, выбрасывая неподходящих.

“Если в их ряды и попадают честные, то долго они свои места не занимают”.

“Если и были честные, то их затягивает – не хотят, а меняются в худшую сторону”.

Поэтому, на взгляд респондентов, необходимы системные изменения. Во-первых, нужны четкие, согласованные законы, правила, по которым работают чиновники в центре и на местах, и эти правила должны быть доступны, известны людям.

“Должен быть принцип: можно все, что не запрещено законом. Следует запретить местным властям вносить дополнения или изменения (ограничения) в распоряжения, акты из центра”.

“Пересмотреть многие законы, упростить бы многое, чтобы чиновники бы лишних бумаг не собирали”.

“Надо сделать действия этого аппарата прозрачными и понятными”.

Кто-то из участников опроса вообще подозревает, что существует “тотальный сговор” чиновников всех уровней по сокрытию прав, законов и правил от рядовых граждан.

“Надо, чтобы люди знали законы, права. Боговедение передают по ТВ, а законоведение – нет такой информации. Что, уж не специально ли людям их не разъясняют, не учат их законам?”

Иногда говорилось о необходимости создать – “сверху” либо “снизу” – независимые структуры, контролирующие деятельность чиновников, которые заменили бы в этом прежние парткомы, а также о том, что у людей должна быть возможность обжаловать действия чиновников любых уровней в суде.

“Над ними должны быть независимые контролирующие органы”.

“Создать влиятельные общественные организации, куда любой человек мог бы за помощью обратиться. Создать противовес какой-то”.

“Раньше были «народные контроли». Может быть, есть смысл их возобновить?”

“Чтобы можно было обжаловать в суде любые действия властей”.

“Чтобы судьи не зависели от высокопоставленных чиновников. И следственные органы, и прокурор тоже”.

Некоторые респонденты полагают, что корень зла – в низкой социальной активности граждан, и нужно прежде всего “воспитывать общество”. Чиновники распустились потому, что люди сами позволяют им это: дают взятки, не жалуются, не обращаются в суд и т. п.

“Нужно правильно воспитать наше общество, чтобы мы сами первыми не предлагали взятки”.

“В какой-то степени это зависит от тех, кто обращается к чиновникам по делам. О нарушениях надо сразу докладывать”.

Что касается такой меры воздействия на чиновников, как заработная плата, то здесь единого мнения нет. Одни респонденты считают, что госслужащие не будут брать взятки, если им повысить зарплату.

“У них должна быть достойная зарплата, чтобы чиновник не смотрел в глаза посетителю и не ждал взятки”.

Некоторые респонденты полагают, что корень зла – в низкой социальной активности граждан, и нужно прежде всего “воспитывать общество”. Чиновники распустились потому, что люди сами позволяют им это: дают взятки, не жалуются, не обращаются в суд и т. п.

Другие убеждены, что аппетиты чиновников таковы, что им все будет мало, и надо, наоборот, снизить зарплату, убрать льготы, чтобы они жили “как все”.

“Забрать надо у них все льготы и привилегии, чтоб они были бы такими же гражданами, как все, чтоб на собственной шкуре поняли, как народу живется”.

“Их надо так содержать, чтобы они жили как простые люди. Тогда они будут нас понимать”.

Промежуточный вариант – предложение перевести чиновников “на сдельщину”: нужно регламентировать работу госслужащих и платить им в зависимости от того, насколько успешно выполнены обещания, решены проблемы посетителей. Предлагается завести что-то вроде “книги жалоб”.

“Если они получают большие деньги, ничего не делая, они так и будут придушиваться. Надо, чтобы им платили деньги по их делам”.

“Зарплату им платить надо от их хороших дел для народа, тогда у них стимул появится работать не для себя”.

* * *

Итак, судя по данным опроса, слово “чиновник” для очень многих наших сограждан звучит как бранное. “Реальный” сегодняшний чиновник представляется им бездушным, жадным, безынициативным, коррумпированным, полуграмотным субъектом. Это полная противоположность чиновнику “идеальному”, который, в глазах респондентов, должен быть небезразличным к гражданам, честным, активным, образованным.

Литературные образы чиновников, конечно, повлияли на формирование образа современного госслужащего, но его негативизация – результат прежде всего повседневного опыта наших сограждан. Судя по нашим данным, этот опыт чаще оказывается негативным, чем позитивным. Примечательно, что респонденты, успешно решившие свои проблемы в собесе, домоуправлении или в городской администрации, удивляются этому обстоятельству, считая его исключением, а не правилом.

Для большинства опрошенных чиновники – это реальная (а не номинальная) группа. У этой группы свои, корпоративные и противоречащие народным, интересы; свой стиль жизни (безделье на работе, многочисленные льготы, роскошные праздники за государственный счет и т. д.); она закрыта и пополняется только за счет “своих”.

Человек воспринимает чиновника, к которому он пришел со своим вопросом, как члена клана – сильного и враждебно против него настроенного. Значит, бороться с данным конкретным чиновником – это бороться со всем кланом. Поэтому так часты сетования, что некуда пожаловаться на самоуправство чиновников. Покорность произволу конкретного, даже мелкого чиновника проистекает из тех же представлений: “они все заодно”; “сила солому ломит”.

Из таких представлений вытекает еще одно следствие. Приспосабливаясь к социальным практикам, которые полагаются несправедливыми и незаконными, люди делают эти практики, во-первых, системными (т. е. распространяемыми на

отношения между социальными группами), и во-вторых, непрозрачными. Непрозрачность и системность означают устойчивость, невосприимчивость складывающихся неписаных правил к попыткам реформирования.

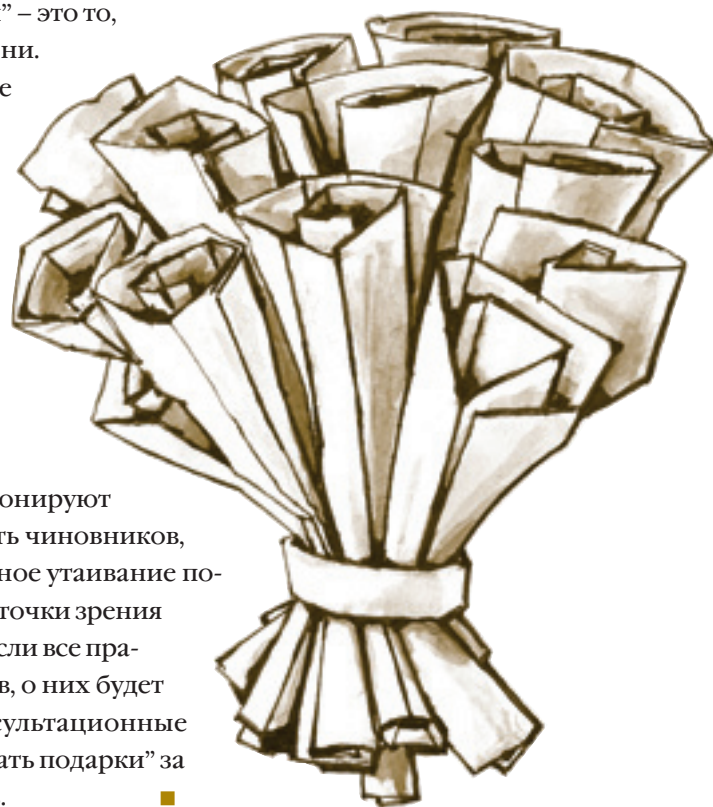
Вынужденное участие граждан в несправедливых и незаконных социальных практиках приводит, кроме того, к отчуждению, отказу от сотрудничества с властями в тех случаях, когда такое сотрудничество оказывается востребованным. Бесправие “маленького человека” перед явной несправедливостью чиновников возрождает мечты о “сильной власти”, способной “навести порядок”. Показательно, что сформировался миф о “строгих и справедливых” людях из партийных органов, которым можно было пожаловаться в советские времена.

Особенно ненавистой группой чиновников являются работники милиции. Они выглядят просто inferнальными злодеями. Часто можно прочесть, что лучше иметь дело с преступниками, рэкетирами, чем с милицией. И понятно почему. “Несправедность” бандита – это несправедность частного лица, на которое в конечном счете можно найти управу в той же милиции. Управу на милиционера не найдешь нигде – он представитель Враждебной Системы. Кроме того, социальная роль бандита однозначна, в этой роли нет скрытых, латентных функций. Не то с чиновниками. Заявленные функции у них одни (защита порядка, закона), а латентные – другие (самосохранение и расширение привилегий).

Интервью высветили хотя и недостаточно артикулированную, но серьезную проблему сегодняшней России – проблему монополии на власть. Жизненный опыт подсказывает “человеку с улицы”, что на практике никакого “разделения властей” нет. “Ручная Дума”, “ручные СМИ”, “ручные суды” – это то, что он видит не только на экране телевизора, но и в жизни.

А люди, монопольно распоряжающиеся властью, еще больше, чем любые другие монополисты, склонны получать ренту со своего монопольного положения. И временность этой ренты не облегчает, а усугубляет положение. Недаром появилась “народная примета”: лучше старый начальник, чем новый, который еще “не наворовался”. Теоретически человек может пожаловаться на произвол чиновника судье, журналисту, депутату. Но в повседневности уделом несправедливо обиженного остаются бессильные жалобы.

Непрозрачность законов и правил, по которым функционируют госструктуры, иногда воспринимается как неграмотность чиновников, неумение организовать работу, а иногда – как сознательное утаивание полезной информации от народа. Аргументы в пользу этой точки зрения выглядят убедительными. Информация – это капитал. И если все правила будут расписаны на стендах, изданы в виде буклетов, о них будет сообщаться в местной прессе, будут специальные консультационные приемные и пр., то тогда “тупой” проситель не будет “делать подарки” за консультации или за помощь в оформлении документов. ■

W
P
C
P

Д. Володихин

Требуется осечка...

Ближайшее будущее России в литературной фантастике

Эта статья представляет собой сводку картин будущего в повестях и романах, вышедших за последние лет 8–10. Когда я стал писать ее, меня попросили обосновать: зачем социологическому журналу обращаться к фантастике? В ответе содержится подвох. С одной стороны, художественный текст становится популярным только тогда, когда в писательском голосе, голосе одиночки, начинают звучать тысячи иных голосов, иными словами, когда автор произведения выражает чаяния множества современников и соотечественников. С другой стороны, некоторые писатели-фантасты включены в сообщество политтехнологов; не знаю, случалось ли кому-нибудь из них написать роман на заказ, проекты подобного рода мне известны; попытки откорректировать общественное сознание с помощью романа, содержащего футурсценарий и подгруженного характерными технологиями воздействия на умы, встречается сплошь и рядом¹. И порой невозможно сказать, какое начало в книге преобладает: социологическое или политтехнологическое. Впрочем, если идеи некоего “корректора умов” полу-

чили популярность, значит, они тоже стали фактором влияния, интересующим социолога...

Так что речь пойдет не обо всех фантастических романах, выходящих в России, – ведь только “свежих” ежегодно появляется по 400! – а лишь о сколько-нибудь заметных, повлиявших на публику.

Возрождение футурологической фантастики

На мой взгляд, конец 90-х обозначил перелом в настроениях наших фантастов. Если в первой половине – середине 90-х главная магистраль фантастической литературы дышала западничеством и либерализмом, “освобождением от СССР” и относительно редко появлялись книги, уходящие в сторону от этой линии², то в 1998–2000 годах появился принципиально иной мотив: “Нам нужно что-то другое”. Иными словами, начался поиск альтернативы. И, соответственно, возродился интерес к созданию новых образов будущего³. Собственно, с середины XX столетия

¹ Но во всех случаях, о которых мне известно, они не являются “служебным заданием”. Просто осведомленные специалисты стремятся сделать “свой ход”, оказать воздействие на ситуацию в стране, минуя высшие эшелоны структуры, в которых они работают.

² “Анастасия” А. Бушкова, “Гравилет «Цесаревич»” В. Рыбакова, “Времена негодяев” Э. Геворкяна.

³ С тех пор разные организации собирали фантастов для участия в конференциях футурологического характера: издательство “Аванта+”, ЛФГ “Бастион”, Институт национальной стратегии, группа С. Переслегина – Н. Ютанова, выступавшая в течение многих лет в качестве организатора конвента с условным названием “Странник”.

футурологическая фантастика в большинстве случаев была включена в “войну сценариев”: просоветские сценарии против проамериканских, более левые против менее левых, катастрофические против оптимистических и т. д. Утверждение определенного образа будущего в головах читателей мыслилось как часть большой идеологии. В начале 90-х Россия декларативно отказалась от какой бы то ни было общей идеологической системы⁴. По ТВ шли молодежные передачи, где бодрые шоумены выкрикивали: “Передовые технологии вместо идеологии!” Тем уникальнее ситуация в нашей фантастике последнего десятилетия: она активно выдает описания будущего, отталкиваясь от... несформулированной идеологической базы и при отсутствии поддержки со стороны государства или же влиятельных общественных организаций.

Названный перелом нельзя связывать со сменой президента – он начался раньше и был инициирован сразу несколькими факторами: банковским кризисом 98-го, тяжкими обстоятельствами

ша”, “переобустроить Россию”. В идейном смысле мощным катализатором возрождения фантастической литературы, содержащей моделирование будущего, стало столкновение российского общества с идеями глобализации. С того момента как они перестали быть частью конспирологической “черной дыры” и прошли “популяризацию”, российская фантастика с необыкновенной энергией принялась формулировать “наш ответ”.

Настоящее и будущее

Современная Россия и даже – если брать шире – нынешний русскоязычный мир редко заявляет о себе на страницах современной отечественной фантастики. Фантастов мало интересует настоящее. Очень редко в их текстах появляется хоть что-то, напоминающее “портрет своего времени”. В лучшем случае там обнаруживаются “кусочки мозаики”. Отчасти такова особенность фантастической литературы в целом: для нее нормально чаще рисовать будущее, чем современность.

С другой стороны, в отличие от советского периода⁵ и даже от конца 80-х, когда находились литераторы, благословлявшие “время перемен”, фантаст постдефолтного времени смотрит на окружающую действительность либо как на серую, скучную, хищную среду, где у умного человека сравнительно немного возможностей реализоваться (Евгений Прошкин), либо как на “повседневный кошмар”. Так, Михаил Тырин и Ярослав Веров создали два очень разных “гимна провинции”: “Синдикат «Громовержец»” и “Господин Чичиков” – но картина жизни в обоих романах очень неприглядная. В первом – мир, где жить еще можно: грубость нравов, уголовщина, нищета, кулачные бои на пустырях – некрасиво, небогато, но по большому счету показана всего лишь концентрация недостатков советской эпохи при отсутствии ее достоинств (город-прототип – Калуга). Во втором романе предьявляется коллективный портрет региональной “элиты”, писанный одной

С середины XX столетия футурологическая фантастика в большинстве случаев была включена в “войну сценариев”: просоветские сценарии против проамериканских, более левые против менее левых, катастрофические против оптимистических и т. д.

чеченской войны, и в частности Хасавюртом, а также неубывающей нищетой на фоне быстрого обогащения относительно незначительной части общества. Не знаю, что тут сыграло главную роль, кажется, 98-й год. Страна наполнилась яростью. И государственный патриотизм путинских времен всего лишь закрепил уже существующую жажду “поменять декорации”, “добиться реван-

⁴ На деле в начале–середине 90-х либеральное западничество роль преобладающей идеологии играло и уступило ее впоследствии государственному патриотизму. Но ни то, ни другое не сумело “захватить умы”, завлечь “общим делом”, стать ведущей силой общества.

⁵ Тогда ведь существовала целая плеяда фантастов, вполне примиренных с действительностью и даже смотревших на нее как на плацдарм для “светлого будущего”.

краской – черной (город-прототип – Донецк). Ситуация и впрямь гоголевская: галерея, где каждый экспонат является нравственным уродом и преступником, готовым прыгнуть хоть бесу в пасть ради власти и денег. Как в “Мертвых душах” нет ни единого “положительного” героя, так и в “Господине Чичикове” они начисто отсутствуют.

Андрей Столяров – пожалуй, единственный, кто всерьез “коллекционирует” приметы современности. При этом со времен повести “Монахи под луной”, написанной в советские годы, он довольно редко глобально критиковал действительность. Бездуховность – да, стяжательство – да, криминал на расстоянии вытянутой руки – да; 90-е годы представлены Столяровым как выгребная яма. Однако в последних романах (“Жаворонок” и “Не знает заката”) он, скорее, ищет выход из создавшейся ситуации, а заодно и набрасывает штрихи к панораме нашего времени. Вот суетливая, корыстная, неглубокая Москва, а вот ее всегдашний оппонент – мистический город вечности, мудрый Санкт-Петербург. Зафиксированная дихотомия двух столиц – очевидный факт общественного сознания, да и нарастающая нелюбовь российского населения к столице – тоже, к сожалению, факт. Вот выборы в регионах: даже в лучшем своем варианте они отдаются тухлятиной. Вот деятельность мелкого политехнолога и его соприкосновение с властью. Высший административный эшелон охвачен деятельностью хаотической, малоосмысленной, беспорядочной...

Общий вывод: внизу скверно – наверху мерзко. Надо что-то менять. В отечественной литературе целые десятилетия истории СССР, да и Российской империи, называли “безвременьем”. Но в данном случае ни о каком безвременье говорить не приходится. На мой взгляд, в текстах современных фантастов скрыто иное, довольно устойчивое ощущение: наше время представляется преддверием серьезных социально-политических метаморфоз. По незначительным деталям я мог бы эту рассеянную информацию собрать и представить в особой статье. Здесь же имеет смысл передать общее ощущение: лавине не хватает еще десятка снежинок, чтобы сорваться; все сидят и ждут, каким будет мир после того, как она по нам прокатится.

Куда идем?

Общественное и политическое состояние России и мира на ближайшие 10–100 лет представлено в современной российской фантастике в виде “картинок”, которые рисовались именно с этой целью: создать у читателя устойчивый образ определенного будущего. Случайные “проговорки” представляют собой, конечно, заманчивый материал, но чаще всего они являются частью фабульной конструкции, а потому при ближайшем рассмотрении оказываются неинформативными.

Россия и мир

Прежде всего: судьба всего мира мало интересует наших фантастов – главным образом постольку, поскольку она становится продолжением судьбы России. Наша фантастика смотрит на грядущее

не с высоты орбитальных станций, а с территории страны, с Земли.

В советское время относительно близкое будущее мыслилось как переход от системы множества государств к единому человечеству. И наиболее известные утопические “проекты” в фанта-

образом, если Россия придет к варианту, например, “Самодержавие, православие, народность”, непохоже, чтобы добавка “на веки веков и по всему миру” нашла много сторонников. От одного из современных общественных деятелей-радикалов я слышал фразу: “Все здоровые люди понимают, что в конце останется один, самый сильный”. Но, по всей видимости, русское коллективное бессознательное предполагает иную возможность – место найдется всем, кроме самого сильного и агрессивного.

В нашей фантастике обсуждаются главным образом два варианта глобализации:

- объединение мира под эгидой Запада⁶;
- реорганизация мира под эгидой ТНК.

Систему аргументов в пользу евроамериканской глобализации (вариант 1) привел в романе “Тело угрозы” Владимир Михайлов. И даже намекнул: за этим процессом стоит международная мафия; ее действия следует воспринимать в положительном ключе, поскольку они направлены на достижение благой цели. Ольга Славникова в романе “2017” пишет о том, что человечество задержалось на пороге нового мироустройства. В ближайшие десятилетия наша реальность рухнет, и ей на смену придет реальность глобализации, сопровождаемая, во-первых, виртуализацией общественной жизни, заменой реальности “картинками”, и, во-вторых, столь существенным техническим скачком, что значительная часть населения просто не способна даже представить себе его масштаб. И не то чтобы Славникова являлась сторонницей глобальной метаморфозы, нет, просто писательница демонстрирует уверенность в неизбежном ее наступлении.

Наиболее оригинальный и фундаментальный роман (чуть не сказал “труд”!), связанный с проблемами глобализации и антиглобализма, принадлежит перу Кирилла Бенедиктова. Это знаменитая “Война за «Асгард»”, собравшая целый каскад литературных премий. Московский писатель слил воедино глобализационный проект и “консервативную революцию”. Получилось следующее. На Земле к середине XXI века установилось главенство объединенной евроамерикан-

В текстах современных фантастов скрыто довольно устойчивое ощущение: наше время представляется преддверием серьезных социально-политических метаморфоз

стике (в том числе И.А. Ефремова и братьев Стругацких) предполагали существование объединенной Земли. Если даже речь не шла об этом прямо, все равно чувствовалось по нюансам: человечество преодолело наличие границ, разных языков, разных экономик и...

...И 91-й год.

В настоящее время мотив единого человечества встречается значительно реже, чем в 80-х. На порядок реже. Напротив, мотив “Россия – отдельно. Россия – другое!” выражен намного более явно, чем во времена СССР.

Глобализационные проекты

Очень немного нашлось в нашей фантастике сторонников глобализации по-брюссельски или по-вашигтонски как единственного в настоящий момент “распиаренного” проекта объединения Земли.

Если бы в России кто-то сформулировал и распропагандировал собственный глобализационный проект, моментально появилась бы целая ветвь романов в духе “Русская Земля”. И не так уж это трудно при современном состоянии умов и СМИ. Но возможно, все дело в какой-то принципиальной и очень глубокой установке “общественного подсознания”: *нельзя* навязывать свои ценности другим. Иными словами: “У нас есть свое. Мы его вам не навязываем. У вас есть свое. И катитесь с этим своим к себе”. Таким

⁶ Причем геополитические понятия “Запад” и “Север” то сливаются, то обретают самостоятельное значение.

ской цивилизации. Прочие – например, те же арабы или латино – находятся по отношению к ней в более или менее зависимом положении. А внутри объединенного Запада победил сверхконсервативный проект, ставка сделана на чистоту белой расы и ценности, принесенные в Америку переселенцами, прибывшими на корабле “Мэйфлауэр”... На планете, пережившей демографический взрыв, на всех явно не хватит нормальной пищи, плодородной земли, чистого воздуха, а главное – питьевой воды. Южные народы, “сыны Муспелль”, больше не являются объектом накладки гуманитарной помощи. Их место – резервации, и грядет “окончательное решение” вопроса, иными словами, очищение Земли от “неполноценных” этносов; ведь они, с точки зрения белого Запада, только жрут, плодятся и гадают. Место России – ровно посередине между сверхбогатым Западом и Югом, обреченным на истребление. Но Россия – уже не Восток. Она представляет собой нечто вроде буфера или придатка к победившей цивилизации. На ее территории сохраняется минимальная независимость, политическая и культурная, и даже появляются кое-какие социальные новинки. Правда, это приобретения не для слабонервных: новое издание крепостного права и свирепый технифицированный терроризм. Надежды на возвышение нет никакой, но незначительная возможность влиять на дела мирового уровня (хотя бы и через деятельность террористов) сохраняется.

Вадим Панов в романе “Московский клуб” и Илья Новак в “Демо-сфере” показали другой вариант будущего, выросшего из глобализационных проектов. В обоих случаях решающую роль играют крупные корпорации. Собственно, глобализируется экономика. У Панова помимо “анклавов” (мегаполисов, полностью контролируемых корпорациями) продолжают существовать “традиционные” государства. У Новака государств уже фактически нет.

В остром публицистическом тексте Константина Крылова (он же писатель-фантаст Михаил Харитонов) “Новый мировой порядок. Словарь” функции государств сведены к минимуму, реальная власть – у тех же транснациональных корпораций. Есть целый ряд произведений менее из-

вестных авторов, так или иначе “вводящих” в мир будущего всевластие крупных корпораций, фактически выстроивших глобальное сообщество в соответствии со своими интересами. Таким образом, этот вариант представлен несколько шире предыдущего, где ядром глобализационного проекта является Запад. Панов видит в таком варианте развития событий шанс для России, а потому относится к нему положительно. Новак подчеркнуто нейтрален, не выражает авторской позиции эксплицитно. Однако в его романе новое мироустройство приводит к катастрофе и гибели человечества.

Дальше всего пошла глобализация в повести Геннадия Прашкевича “Золотой миллиард”. Тут уж нет никаких государств, нет народов и нет корпораций, а есть лишь культурный, высокоразвитый Экополис – и огромная голодная периферия, которую ему приходится кормить и которой ему следует опасаться. Текст страшный, очень откровенный и подводящий читателя все к той же мысли: когда-нибудь с периферией покончат, приняв... “окончательное решение”. Повесть по своим идеям тяготеет к космизму советских времен,

---

В настоящее время мотив единого человечества встречается значительно реже, чем в 80-х. Напротив, мотив “Россия – отдельно. Россия – другое!” выражен намного более явно, чем в советские времена

а по отношению к двум основным вариантам стоит на особицу. Прашкевич не занимается объяснением механизмов общественной трансформации, его интересует результат.

Имперские проекты

Но в огромном большинстве случаев речь идет не о присоединении России к глобализационному проекту, не о каком-нибудь “слиянии”, а, напротив, о возвращении ею статуса великой державы. Речь идет о государстве, которое сохранит/расширит границы современной России, обзаведется мощными вооруженными силами, модернизирует

экономику и технику, обеспечит социальную стабильность, решит национальный вопрос в пользу юридического и фактического равенства этносов при стратегическом главенстве русской культуры. Материальное процветание нигде в качестве важного аспекта грядущего великодержавства не декларируется, хотя и подразумевается. Важнее – достойная жизнь, ликвидация нищеты, ненадежной экономической структуры, засилья криминалитета, атомизации общества.

Чаще всего между словами “великая держава”, “сверхдержава” и “Империя” ставится знак равенства. Ярко выраженных сторонников имперства – более чем достаточно⁷. В некоторых текстах наше государство XXI–XXII веков так и называют: “Российская империя”. Основным “строительным материалом” для образа новой Империи стали реалии и эстетика, во-первых, СССР, и, во-вторых, дореволюционной России XIX – начала XX столетий. Реже в ход идет китайская фактура. Очень важный мотив: добрая половина фантастов-имперцев открывают перед Россией двери в космос, и тогда Империя перерастает в космическую ойкумену.

Впрочем, хватает и критиков имперской фантастики⁸. Надо подчеркнуть: именно критиков,

а не позитивных глобалистов, художников либерально-демократического будущего. Любопытно, что эта критика ведется с более или менее национально-культурных позиций; насколько в публицистике “националисты крови” противостоят Империи, настолько в художественной литературе они незаметны, их голоса не слышно. Но это – пока. Судя по темпам нарастания их численности, в ближайшие годы просто *не могут не появиться* романы, транслирующие ультранационалистическую точку зрения.

Россия – отдельно!

В подавляющем большинстве случаев имперство и великодержавность предполагают признание России самостоятельной цивилизацией. В имперской фантастике это проговаривается не всегда, и даже если присутствует, то выражается порой косвенно. Иными словами, в позитивном смысле “инакость”, “отдельность” предьявляется без особого напора, зато в отрицательном – очень жестко. Здесь концепт “мы – сами по себе” переходит в более агрессивный: “ну-ка, попробуй тронь!” Речь не идет о принципиальном изоляционизме. Да, мотив изоляционизма есть, но довольно умеренный. Скорее, можно говорить об устойчивом ощущении самодостаточности. Неоднократно российскую имперскую фантастику обвиняли в антиамериканизме. Но основной ее пафос – отнюдь не слепая ненависть к США (хотя в романах фантастов-имперцев нередко встречаются негативные пассажи об американском обществе). Нет, принципиальная основа литературного имперства – антиглобализм. За концептом великодержавности стоит идея государства-чаши. Вкратце ее можно изложить следующим образом: если мы иначе себя ведем, если у нас иная культура, иная вера, иное общественное устройство, если мы не желаем подчиняться, то должны защищать свою инакость. Во множестве случаев прямо говорится о возможности вооруженного столкновения

⁷ Роман Злотников, Эдуард Геворкян, Павел Крусанов, Андрей Столяров, Вячеслав Рыбаков, Александр Зорич, Дмитрий Володихин, Максим Жуков, Наталья Иртенина, Владимир Серебряков и Алексей Уланов. В менее явной форме великодержавное будущее прочат стране Александр Громов и Елена Хаецкая. Расцвет имперской идеи в литературе с разной степенью приязни констатировали видные мейнстримовцы: Ольга Славникова, Владимир Бондаренко.

⁸ В их числе Борис Стругацкий, Святослав Логинов, Алан Кубатиев, Андрей Плеханов и Василий Щепетнев.

с другими цивилизационными мирами – а для этого нужна политическая, экономическая и военная мощь. Вино инакости наливается в чашу с прочными стенками... Именно такова квинтэссенция имперской идеи в нашей фантастической литературе.

Если завтра война, если завтра в поход...

На сегодня существует совсем немного текстов, где Россия-Империя, Россия-цивилизация ведет активную экспансию на чужих территориях. И мотив экспансии воспринимается большинством читателей и критиков как нечто неестественное. В романе Максима Жукова “Оборона тупика” один из главных героев осуществляет военные операции в Европе, а второй отговаривает его от таких действий, считая, что неприятностей от них будет больше, чем преимуществ, – и оказывается прав.

Зато всякого рода попытки насильственного поглощения России глобализированным Западом, интервенции на ее территорию, установление “миротворцами” нового порядка предсказаны неоднократно.

В нынешней фантастике мотив “придут американцы и все устроят” отсутствует начисто.

Возникла довольно обширная литература, наполненная духом сопротивления предполагаемым оккупантам: США, Евросоюзу, НАТО. С ними на территории нашей страны ведется вооруженная борьба во всех мыслимых и немыслимых формах: ядерная война (скрытое табу на нее снял Олег Кулагин в романе “Московский лабиринт”), магическое сопротивление, городская герилья...⁹ Наиболее распространенный сценарий – появление бойцов-одиночек и/или возникновение партизанских отрядов, ведущих с интервентами бескомпромиссную войну на уничтожение.

Квинтэссенция идеи “вооруженного сопротивления” представлена в рассказе Ника Перумо-

ва “Выпарь железо из крови”. В этот же бранч входит роман Виктора Бурцева “Пленных не брать”. Именно его перу¹⁰ принадлежит наиболее мрачная картина разорения России “эффективными менеджерами”, посаженными извне. Положение страны усугубляется несчастливими обстоятель-

Всякого рода попытки насильственного поглощения России глобализированным Западом, интервенции на ее территорию, установление “миротворцами” нового порядка предсказаны неоднократно

ствами войн с “санитарным кордоном” вокруг России: в романе упомянуты боевые действия с Украиной и Грузией, причем тактическое ядерное оружие было применено против России по приказу из Киева.

Форма правления

Монархия или республика ожидает нас в будущем?

У фантастов на этот счет нет единства. “Монархический сектор” довольно значителен. Столь разные люди, как Вячеслав Рыбаков, Владимир Михайлов, Владимир Васильев¹¹ и Роман Злотников, хотели бы видеть во главе России государя, то есть единоличного легитимного правителя. В ряде случаев признается возможной насильственная монархия. Предлагается два основных пути возрождения монархического правления: нечто вроде референдума или же прямо венчание на царство персоны, ранее избранной в президенты.

Другой вариант – диктатура, сохраняющая внешние элементы демократии. У Льва Вершинина прописан вариант единоличной диктатуры, а у Максима Жукова – коллективной.

⁹ К подобного рода “сопротивленцам” можно отнести Юрия Никитина, Дмитрия Янковского, Михаила Харитонов, того же Олега Кулагина, Эдуарда Геворкяна, Андрея Столярова, Шамиля Идиатуллина.

¹⁰ Точнее, их перу – поскольку под псевдонимом “Виктор Бурцев” работает творческий дуэт, состоящий из Ю. Бурносова и В. Косенкова.

¹¹ В. Васильев никогда в компанию патриотов не входил, но в одной из его повестей фигурирует царь Николай III.

Встречаются отрывочные картины демократического республиканского устройства (см. главку “Что отторгается?”). Собственно, никто не рвется уничтожить республиканское правление, словно какое-то великое зло, вовсе нет. Тот же Михайлов в романах “Вариант И” и “Тело угрозы”, вышедших с разницей в несколько лет, предложил читателям введение монархии, а затем – версию классической президентской республики.

Александр Громов и Владимир Васильев в романе “Антарктида online” показали совершенно экзотическую республику инженеров, анархическое правление “технарей”.

Но, похоже, все это варианты одной общей идеи: и монархия, и республика, и анархоэкзотика, а диктатура подавно – всегда *авторитарны*. Надо подчеркнуть, нет в российской фантастике разных идей по поводу формы правления. Авторитаризм абсолютно превосходит все остальное, а конкретные его версии выглядят как “все та же рождественская елка”, только шариков и мишур на ней может быть побольше или поменьше. Конечно решение принимает *один* человек, и к нему сходятся все главные административные нити. Тут нет ничего общего с “жаждой тирании”, “тоской по Большому Брату”, “ностальгическим сталинизмом” и т. п. Не о тоталитаризме идет речь, а именно об авторитаризме. Возможно, такова важная составляющая национального “кол-

---

Нет в российской фантастике разных идей по поводу формы правления – авторитаризм абсолютно превосходит все остальное

лективного бессознательного”: в большей степени доверять “хозяину”, вставшему во главе “дела”, чем совету, коллегии, парламенту – иными словами, коллективу. Ведь у семи нянек дитя без глазу. До сих пор ни одна живая душа в российской фантастике не сложила сагу о достоинствах коллективного принятия стратегических решений. Вот и весь сказ.

Конфессиональный фактор

На будущее России в целом ряде романов оказывают мощное воздействие разного рода конфессиональные сообщества.

Юрий Никитин и особенно Владимир Михайлов (роман “Вариант И”) отдают исключительно важную или даже главенствующую роль исламу.

Михаил Харитонов в повести “Лапсанг сущонг” показал возможность превращения России в “сферу влияния” индуизма и индийской цивилизации.

Время от времени выскакивает, как чертик из шкатулки, неоязычество (например, у Ника Перумова и авторов круга Юрия Никитина).

Но сколько-нибудь развернутых вариантов конфессиональной картины российского будущего – только два. Один – *конфуцианский*, второй – *православный*.

Питерские авторы расписали “китайскую модель”. Широко известен цикл Хольма ван Зайчика¹² “Плохих людей нет”. Альтернативная версия русской истории приводит к тому, что современная Россия наполняется конфуцианством. Стратегическое господство конфуцианской культуры сопровождается смешением этносов и религий по всей великой евразийской державе – Ордуси. Новая империя подчеркнута наднациональна. Отношение автора к русско-китайскому альянсу – самое положительное. Собственно, правящая элита Ордуси и сидит в Пекине... Произведения ван Зайчика обрели большую известность по одной причине: впервые на суд читателей была вынесена продуманная и прописанная в деталях альтернатива движению России в сторону Запада.

Андрей Столяров в рассказе “Мы, народ” принципиально иначе транслирует китайскую тему. Он настолько жестко ставит вопросы о заселении заброшенных русских земель китайскими переселенцами и о выдавливании православия импортным конфессиональным элементом, что из статуса текста-предупреждения рассказ отдрейфовывает к статусу текста-констатации. Думается, поторопился человек.

¹² Вячеслав Рыбаков плюс Игорь Алимов.

До главенства православия наши фантасты додумались далеко не сразу. Ислам и конфуцианство как возможные варианты российской конфессиональной основы, стрегня, сверхценности были названы раньше православия. Однако в последние 4–5 лет “православная версия” стала преобладающей, и ее поддерживали множество авторов¹³, рассматривающих конфессиональные проблемы.

Открывая последнюю книгу тетралогии Романа Злотникова о космическом будущем землян¹⁴, “Бешеный медведь”, видишь церковь, выстроенную по соседству с космодромом, верующего губернатора и верующего банкира... Православие представлено у Злотникова как самоочевидная ценность. Совершенно так же общество пронизано христианством у Натальи Иртениной в романе “Белый крест”. Церковь в обоих случаях (да и во многих других) не играет какой-либо особой, отличной от современной, роли в социальном разделении функций. До православной теократии никто пока не додумался, хотя некоторые ее элементы есть у той же Иртениной.

Фантасты, представляющие православие первостепенно важным фактором будущего устройства социума, придают ему одно существенное отличие от современного статуса: это *конфессия большинства*, и ее влияние на все неоспоримо, прежде всего – по той причине, что само общество православно. Значительно реже сталкиваешься с вариантом, при котором значимым является законодательно закрепленное первенство православия. В ряде случаев видно прямое воздействие Церкви на государственные дела или же влияние косвенное – через соблюдение нравственных норм, установленных христианской этикой. Во всех случаях наличие агностицизма, иноверия или инославия рядом с православием допускается, хотя в наиболее радикальных вариантах видно: это временно терпимое состояние дел, и “внутреннее миссионерство” должно его понемногу

выправлять. В принципе, никто не ведет разговор о расколе между Церковью и государством; но наличие конфликтов возможно. Более того, норма “Основ социальной концепции РПЦ”, допускающая в некоторых ситуациях гражданское неповиновение верующих, нашла сторонников и среди

До главенства православия наши фантасты додумались не сразу. Ислам и конфуцианство как возможные варианты российской конфессиональной основы были названы раньше православия

писателей-фантастов: если правитель футурсоциума, кто-то из чиновников, силовиков и т. п. поступает безбожно, Церковь в лице верховного архиерея или даже простой христианин должны и смеют поправить зарвавшегося.

Что отторгается

Некоторые выводы можно сделать на основе отсутствия определенных черт политического строя в фантастических текстах.

В минусе: демократия, парламентаризм...

Так вот, наши фантасты не могут представить себе демократическую парламентскую республику и систему необходимых для этого выборов как нечто, присущее будущему, – причем не видят такого сценария не только в России, но и в мире. В отдельных случаях¹⁵ по некоторым деталям видно: вроде бы государственное устройство единой Земли (вариант – России) тяготеет к чему-то расплывчато демократическому (и у того же Николаева это вызывает явное раздражение: хаос, беспорядочность правительства и неадекватная сила внеправительственных структур). Но все то,

¹³ В ее пользу высказались Владимир Серебряков и Алексей Уланов (роман “Из России с любовью”), Александр Зорич (космическая трилогия, особенно роман “Время – московское”), Дмитрий Жуков (роман “Оборона тупика”), Наталья Иртенина (“альтернативная Россия” в романе “Белый крест”), Елена Чудинова (роман “Мечеть Парижской Богоматери”), Дмитрий Володихин (целый ряд текстов) и особенно Роман Злотников.

¹⁴ Серия основана Р. Злотниковым совместно с ныне покойным А. Николаевым.

¹⁵ Романы А. Николаева “Точка отсчета”, Михаила Тырина “Желтая линия” и “Отраженная угроза”, некоторые произведения Льва Вершинина.

что относится к сфере существования политических партий, выборного процесса, функционирования парламента, находится на далекой периферии, более того, до настоящего времени ни разу не было представлено в нашей фантастике как действующая система. Михаил Тырин и Лев Вершинин, написав несколькими мазками демократическую будущность, немедленно разносят ее в пух и прах. У Вершинина если что-то и действует в таком государстве, то исключительно силовые структуры. У Тырина сама атмосфера подобного политического устройства пронизана безнравственностью, надо всем нависает давящая мощь системы, ощущение “офисной регламентации”, характерной для крупных фирм, банков и т. п. Впрочем, если бы критика системы предвзялась презентацией системы, еще можно было бы сказать: наша фантастика видит, *как это может быть*, но отрицает перспективность подобного варианта. Но нет, в фантастических текстах происходит разнос ряда характерных черт государственной демократической практики, узанных Россией в годы “рыночных реформ”. Период примерно с конца 80-х до середины 90-х родимыми пятнами разбросан по наиболее критическим и негативным зарисовкам будущего; некоторые лица и реалии – узнаваемы, намеки аб-

“шоковой” не только для экономики, но и для общественного сознания. А на негативный опыт того времени наложился опыт более свежий: картины работы в крупных корпорациях также видны в текстах наших фантастов, и работают они главным образом в роли компромата на либерализм.

...а также весь либеральный путь развития

Вполне ощутимым признаком подобного инстинктивного отторжения стало появление либерпанка – литературного направления, конституировавшегося в первые годы нашего столетия. Что это такое?

“Либерпанк – антиутопия, построенная на описании гипертрофированного Запада и западного образа жизни... Либерпанк описывает общество, где либеральные ценности И В САМОМ ДЕЛЕ почитаются, а всякие отступления от них (даже системные) переживаются примерно как “родимые пятна капитализма” при советской власти: то есть признаются чем-то весьма прискорбным, хотя и неизбежным”¹⁶. Это мир “угнетающей свободы”. Жизнь человека регулируется (притом довольно жестко) с помощью экономических и юридических механизмов, не оставляя ни малейшего пятнышка для маневра. Мир глобализован – а значит, унифицирован. Поэтому бежать некуда, выбора нет, любая борьба за модификацию существующего строя крайне рискованна и – в большинстве случаев – заранее обречена. Такова обстановка целого ряда рассказов и повестей Михаила Харитонов, романа Олега Дивова “Лучший экипаж Солнечной”, а также романа К. Бенедиктова “Война за «Асгард»” и “феминной” дилогии Александра Громова¹⁷.

Либерпанк содержит важное предупреждение: нельзя унифицировать человечество; даже объединять его под эгидой какого-нибудь мирового правительства – и то рискованно: оно потеряет жизненную силу, поблекнет, выцветет. Но это в глобальном смысле, а если спуститься “пониже”, то станет ясно: либерпанк четко проговаривает коллективный подсознательный (а отчасти и вполне сознательный) страх перед рождением

Наши фантасты не могут представить себе демократическую парламентскую республику и систему необходимых для этого выборов как нечто, присущее будущему, – причем не видят такого сценария не только в России, но и в мире

солютно прозрачны. Никакой системы никто не хочет строить даже в воображении. Похоже, парламентская демократия отвергается на уровне инстинкта: нет не только стремления утвердить демократическое общество и уверовать в благие цели демократии – но даже желания узнать, что это такое. Похоже, терапия начала 90-х оказалась

¹⁶ Макаров В. Либерпанк – новое направление в фантастике // Реконкиста. Новая почва. М., 2005. С. 7.

¹⁷ Последние два пункта в этом списке стоят несколько в стороне от либерпанковского “харджора”.

сверхтоталитарного строя на основе эволюционного развития либерально-демократической среды. Беда не в каком-то особенном концлагерном “гнете” – этого мотива в текстах наших фантастов просто нет; ужас в другом: каждый, кто не принадлежит к абсолютной верхушке, шлифуется до полной потери индивидуальности, оригинальности. Например, так: у нас полная свобода мысли, и тот, кто это отрицает, будет раздавлен. Нельзя сходить с “желтой линии”, как это показано в одноименном романе Михаила Тырина. Некоторые педагогические новшества представлены в романе Вячеслава Рыбакова “На будущий год в Москве” в качестве средства для создания этого самого “общества болванок”. Общий мотив: как бы не реализовалось замаятинское предсказание о бесовских энергичных дуболомах, только другим способом...

При всем том авторов либерпанковских текстов слабо интересует “проектная реконструкция”, то есть подробное описание общества, которое они разносят; важнее обличение общественной практики, с которой сталкивается индивид на работе, в семье, в творчестве, – на самом нижнем, персональном уровне. В рамках либерпанка ответ на вопрос “как устроено?” имеет вспомогательное значение, а главным является ответ на вопрос “почему это плохо?”¹⁸

Либерпанк по сути своей – более продуманный и осознанный уровень отторжения либерально-демократических ценностей. Это уже не инстинкт, а *система основных возражений* определенному сценарию развития. И тяготеет он не к реакции истерического неприятия, а – чисто ассоциативно – к обвинениям капиталистическому развитию Европы, выдвинутым поздним Герценом и Леонтьевым.

На фоне отторжения либерально-демократического устройства мира и, в частности, России включается религиозное чувство. На втором плане создатели подобного “либерпанковского”

пространства видят дьявола – как истинного хозяина нового мироустройства; в полный рост он не высовывается, но рожки иной раз кажет. Автор этих строк пытался показать подобное присутствие в романе “Убить миротворца”. Сам-то new order нередко выглядит как совершенно нечеловеческий, не для людей он устанавливается.

Показательна в этом отношении диалогия Юлии Вознесенской “Путь Кассандры” – это одновременно и сакральная фантастика, выполненная в православной мистической традиции, и либерпанк – жестокий, страшный, правдивый. Либерпанк-универсум абсолютно соединяется у Вознесенской с царством антихриста. Таким образом, если в начале 90-х с нечистой силой многие

¹⁸ По мнению одного из основателей либерпанка, В. Макарова, к классическим произведениям названного направления можно отнести такие произведения: Константин Крылов, “Новый Мировой Порядок. Словарь”; Кирилл Бенедиктов, роман “Война за «Асгард»”; Вячеслав Рыбаков, роман “На будущий год в Москве”; Олег Дивов, роман “Лучший экипаж Солнечной”; Дмитрий Володихин, роман “Убить миротворца”, рассказы “Сюрприз для небогатых людей”, “Тут, на глубине”; Арсений Миронов, роман “Тупик гуманизма”; Михаил Харитонов, роман “Успех”, рассказы “Маленькая жизнь Стюарта Кельвина Забужко”, сборник “Моргенштерн” в целом; Михаил Тырин, роман “Желтая линия”; Олег Кулагин, роман “Московский лабиринт”.

фантасты связывали советский режим (одна мушья Ильича так накуролесила в фантастических текстах!), то в наше время связь с потусторонней темью инкриминируется демократии и либерализму. А в качестве посредника выступают разного рода оккультные инициатические организа-

и другие хотели бы перемен. Тексты фантастов дают целый спектр ответов на вопрос, как добиться желаемого.

Тихие методы

Сторонников “тихих”, то есть социальных методов работы, направленных на массовую трансформацию общественного сознания путем долгого и тяжелого труда, в нашей фантастике немного.

Возможность повлиять на ситуацию в стране путем победы на выборах всерьез обсуждает один Андрей Столяров (роман “Жаворонок”). Он дает подробное описание региональных выборов и подводит читателя к выводу: одна безнадежная пакость эти выборы. Борьба компроматов, соревнование ораторов и пиаровских возможностей, в итоге не приводящее к желаемому результату: к лучшему ничего не меняется. В том же романе предложен более радикальный способ действий: поднять массовое общественное движение, запалить народ, привести дело к порогу гражданской войны и... опять не работает.

С. Витицкий (Б.Н. Стругацкий) отметил в прессе выступлениями крайне либерального, сугубо западнического толка. Его общественная позиция широко известна и не требует комментариев. Но его рецепты изменения российского общества далеки от радикализма и революционерства: “Мельницы Господа мелют медленно”, – говорит он в романе “Бессильные мира сего”. Никакой спешки. Никаких резких движений. Главные методы работы – во-первых, постепенное превращение человечества в сообщество “людей воспитанных”, то есть неагрессивных и настроенных гуманистически; во-вторых, выращивание элиты, культивирование определенного рода талантов, способных в нужный момент осуществить взрывную, исключительно эффективную коррекцию реальности. Элита, “ученики” педагогов, посвященных в законы бытия и умело “растормаживающих” таланты своих подопечных, держится кучно, один помогает другому, а все – всем.

Автор этих строк Дмитрий Володихин, столь же явно выразивший свою приверженность к им-

Очевидно, что положение дел в России не удовлетворяет ни писателей-либералов, ни патриотов. И те, и другие хотели бы перемен

ции, масоны и т. п. В маленьком рассказе Боброва бес принимает присягу у коленопреклоненного президента США – сразу после инаугурации.

Что-то еще не народилось, что-то уже ушло

Но, кстати, нет в современной отечественной фантастике и четкой схемы национального государства, основу которого составлял бы “примат крови”. В рассказах (да и в некоторых романах – мельком) такие варианты встречаются, но широкой популярности они пока не пользуются¹⁹.

Нет и сценария, в котором происходит раскол России на несколько самостоятельных государств. А ведь посреди ельцинской эпохи он обсуждался вовсю! В качестве примера можно привести роман Вячеслава Рыбакова “Человек напротив”²⁰. Идея была навеяна “парадом суверенитетов”, начавшимся на территории России после принятия Декларации о госсuverенитете РСФСР. По всей видимости, в начале 90-х возник массовый страх распада России по сценарию распада СССР, впоследствии рассосавшийся.

Как изменить ситуацию?

Очевидно, что положение дел в России не удовлетворяет ни писателей-либералов, ни патриотов. Первые не создали в фантастических текстах сколько-нибудь устойчивого, прописанного в подробностях образа будущего. Вторые смоделировали несколько разных вариантов. Но и те,

¹⁹ Самая ранняя версия – “славянское благоденствие” в романе А. Бушкова “Анастасия”, есть кое-что у Р. Злотникова, “Русская Европа” в ряде текстов Д. Володихина.

²⁰ Есть намеки на раскол и в романе Эдуарда Геворкяна “Времена негодяев”.

перству, почвенничеству, православию, также предлагает “тактику бега на дальнюю дистанцию”, без радикальных решений. Важнее всего всеми силами сохранять культурную самостоятельность, заботиться о пропаганде русского языка, литературы, истории, православия и постепенно внедряться во все административные структуры страны ради будущего поворота ее к православной версии консервативной революции (роман “Убить миротворца”, ряд статей).

Война?

Социальная революция и гражданская война, слава Богу, находят еще меньший отклик в умах наших фантастов. Ольга Славникова в романе “2017” показывает гражданскую войну как нечто неизбежное: в период слома старого мира и перехода к новому не обойтись без волны насилия и крови (См. главку “Куда идем?”). При этом участники войны не очень хорошо понимают, из-за чего она идет и почему они оказались на той или другой стороне, – словно некие информационные комплексы “направляют” ту или иную толпу на смертоубийство путем неявного программирования, почти магического воздействия. Причем сама Славникова к подобной неизбежности относится как к грядущей трагедии: текст построен так, что авторская позиция совершенно очевидна.

Несколько сложнее трактовать роман Бориса Руденко “Те, кто против нас”. Две борющиеся группы вступают в вооруженный конфликт, напоминающий гражданскую войну в микромасштабе. Однако сложность состоит в том, что Руденко вроде бы следует известной теории Диденко о существовании разных видов людей. И трудно сказать однозначно: биологический фундамент у конфликта или социальный. Очень похоже на аллегорию: один из видов объединяет криминалитет, силовиков, коррумпированных чиновников, а другой – их жертв, подозрительно похожих на представителей либеральной интеллигенции...

Но все это далеко от большой внутренней войны, какая была в России, Китае или Соединенных Штатах. Похоже, использование в футурсценариях этого концепта неявно табуировано. Экс-

перимент Славниковой выглядит своего рода литературным хулиганством.

Заговор, переворот, чистка

Довольно часто наши фантасты, задумывающиеся о будущем, размышляют о заговоре и военном перевороте. Можно сказать, зная Ткачева опять поднято и гордо реет над отечественной литературой. Идея точечного удара, ограниченного применения насильственных методов в настоящем ради блага России в будущем соблазнила многие умы. Собственно, заговор/переворот мыслится как своевременная замена “большой крови”, настоящей войны.

Роль короля всех литзаговорщиков сыграл Максим Жуков, автор романа “Оборона тупика”. В этой книге предложена технология свержения современной политической элиты России, ее полного обезвреживания, а также прописаны первые шаги новой элиты. Жуков предлагает использовать те формы политического строя, которые сложились к настоящему моменту, причем процедура выборов (в романе речь идет о выборах президента РФ) обретает симулятивные чер-

---

Идея точечного удара, ограниченного применения насильственных методов в настоящем ради блага России в будущем соблазнила многие умы. Собственно, заговор/переворот мыслится как своевременная замена “большой крови”, настоящей войны

ты. Из-за кулис всей системой властных органов управляет сообщество “идейных” Советников²¹. Готовясь к перевороту, будущие Советники строят “систему нападения”: к “дню икс” они располагают значительной группой бойцов-энэлпэшников, тщательно подготовленными отрядами боевиков, аналитиков, пиарщиков, компьютерной поддержкой (все это добровольцы) и *средствами, полученными от двух “опальных олигархов”*. Собственно, введение этих самых “опальных

²¹ Несколько напоминает “неизвестных отцов” из повести “Обитаемый остров” Аркадия и Бориса Стругацких, только взятых со знаком “плюс”.

олигархов” в сюжет заставляет отнести к книге Жукова с самым пристальным вниманием.

В разгар “оранжевых” настроений в России (первая половина 2005 года), когда речь шла о “березовой революции” (вариант: “гороховая революция”), издательство “Европа”, контролируемое ФЭПом, выпустило книгу Елены Афанасьевой “Государство или революция”. Там излагался более грубый вариант переворота: найм *одним из* опальных олигархов группы квалифицированных наемников, захват с их помощью ключевых центров управления и смена административного корпуса. Ситуация “оранжевой напряженности” рассосалась, но сценарий остался. Озвучен. Никем не осмеян, как заведомо невыполнимая работа. Предлагаются даже кое-какие расчеты. Жуков считает, что на полную смену элиты и выстраивание крепкой, жизнеспособной национально-ориентированной структуры властей потребуется 7–8 миллиардов долларов. Афанасьева называет гораздо более скромные цифры, но в ее варианте переворот совершается для осуществления гораздо более скромной задачи: одна часть элиты, сформировавшейся в 90-х, устраняет другую часть...

Жуков полагает, что наемники ни к чему: все делается русскими ради русских. Базовый принцип, четко прослеживающийся в его тексте, таков: насилие должно быть четко нормированным, но бестрепетным. Это значит: когда работа начнется, убрать надо столько людей, сколько потребуется убрать, чтобы выжить и победить; если надо – позволительно пытаться, брать в заложники, избавляться от предателей, заравнивать любой канал потенциальной утечки информации. Никаких поблажек противнику, никаких прорех в системах защиты, никаких нервов, никакого милосердия. Лучше убить сотни – лишь бы тысячи были избавлены от быстрой смерти, а десятки миллионов – от медленного умирания. В то же время насилие ради насилия немыслимо. Там, где оно не нужно, вход ему закрыт. Переворот по-жуковски – болезненный укол, который нельзя превращать в удар молотком, расплющивающий кости ступни. Организаторы переворота отлично понимают: каждая смерть – новый грех им на

души... Фактически Максим Жуков написал вариацию “Техники государственного переворота” Курцио Малапарте, только... *до* самого переворота. Ну а после – Советники весьма быстро иницируют новую программу обмена с Европой: резко вздорожавшие энергоносители за новейшие технологии. И Европе, по мысли автора, придется согласиться – из-за резкого похолодания...²²

Военный переворот как средство сменить правительство давным-давно предложил Юрий Поляков в повести “Демгородок”. Вся цепочка действий автором не прописана, однако по деталям восстанавливается следующая картина: военные добиваются своего, угрожая применением ракетного оружия.

У Павла Крусанова в романе “Укус ангела” центральный персонаж, генерал, добивается для себя диктаторской власти с помощью переворота. Тот же мотив – у Романа Злотникова. Олег Дивов в романе “Выбраковка” прямо описал захват Кремля, арест правительства и ликвидацию премьер-министра отрядом из полутора сотен бойцов.

В конце 2005 года президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов на конференции, посвященной изучению образа будущего в отечественной науке и литературе, назвал переворот отличным средством “...легитимизировать новую власть”.

Но все-таки чаще в фантастике всплывает идея реформы или нового курса, инициированного правительством и направленного на “зачистку”. В разных вариантах зачищаются: агенты внешнего влияния вплоть до сотрудников иностранных спецслужб, криминалитет, агрессивные маргиналы и олигархические структуры. Идея новых “эскадронов смерти” воспринимается массовым читателем на ура, как родная. Да и очень значительная часть образованного класса энергично поддерживает ее. Идея чем дальше, тем больше становится *народной*.

Первыми идею подали Вячеслав Рыбаков и Олег Дивов. У Рыбакова представитель интеллигентности идет на сотрудничество с “органами” ради того, чтобы скверна была вычищена (роман “На чужом пиру”). Дивов же первым додумал-

²² На электронном ресурсе АПН опубликована статья автора книги о возможности для России крупно сыграть на общеевропейском похолодании.

ся до особой структуры по зачистке (в оригинале – “выбраковки”). Его Агентство социальной безопасности формируется из “униженных и оскорбленных” и отчасти дублирует МВД. Это очень характерный момент: если к ФСБ еще относятся довольно толерантно и даже возлагают на нее надежды, то к МВД отношение однозначно отрицательное. Милиция рассматривается как структура коррумпированная снизу доверху и абсолютно неэффективная. Поэтому в очередных фантастических проектах подразумевается, что новая силовая иерархия, отбирающая значительную часть функций у МВД, полностью независима от корпоративных интересов современного чиновничества, и в первую очередь – от милиции. Виктор Косенков в романе “Новый порядок” предлагает рекрутировать туда бессребреников, прошедших жесткий тест на честность и неподкупность. Сергей Чекмаев в романе “Анафема” – верующих.

Все романы, названные в предыдущем абзаце, получили широкий резонанс и отмечены литературными премиями. Похоже, в настоящее время интеллигентность придерживается схемы “двух рецептов”. Рецепт 1: пропихнуть в правительственные круги идею “эскадронов смерти” и почистить таким образом страну от мрази всех сортов, а затем поменять правительственный курс на национально-ориентированный – тогда и наступит светлое будущее. Рецепт 2: *если* Рецепт 1 не работает, следует свергнуть правящую элиту посредством заговора и верхушечного переворота, а потом почистить страну от мрази всех сортов, затем поменять правительственный курс на национально-ориентированный – тогда и наступит светлое будущее. Общий смысл таков: активная часть интеллигентности ждет от правительства реальной национально-ориентированной политики²³, сопровождаемой репрессивными мерами; ресурсы спокойного ожидания подходят к концу, и уже непонятно, на годы идет счет или на месяцы; подспудное одобрение радикальных антиправительственных мер видно в укреплении статуса Рецепта 1 как приемлемого футурсценария.

Прочие варианты встречаются реже и звучат глуше.

²³ Национальная ориентация желанного политического курса сочетается с социальной. Коротко говоря, речь идет об активной защите интересов “русских бедных”.

Нам нужна осечка

К сожалению, общий тон российской фантастики в отношении будущего не особенно благоприятен для самой России. Есть, конечно, несколько футурсценариев, позволяющих стране относительно мирно вернуть себе статус великой державы, начать космическую колонизацию, провести необходимые изменения в социальной сфере и экономике, – есть, но мало. Современные отечественные фантасты крайне редко пишут о спокойном эволюционном развитии России. В подавляющем большинстве футурсценариев стране предсказано обильное кровопролитие: переворот, гражданская война, внешняя война, интервенция, “зачистки”... Или даже сочетание нескольких перечисленных катаклизмов.

Некоторые безумцы играют в рулетку с помощью револьвера: в шестизарядный барабан вкладывается один патрон, а дальше – как Бог рассудит... Русский вариант рулетки позволяет вставить в барабан пять патронов – и лишь одно гнездо оставить незаполненным. Но мало кто знает, что есть не только русская, но еще и истинно русская версия той же игры: стрелок забивает патронами все гнезда. Ему остается надеяться только на осечку.

Вот и нам сейчас нужна осечка. То есть чудо Господне. ■

Г. Любарский

Предательство клерков

Бауман, Фуко (Жюльен Бенуа – за скобками)

Статья Зигмунда Баумана “Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов” [Бауман] в сжатой форме затрагивает многие чрезвычайно интересные вопросы современного бытия культуры. Чтобы осмыслить проблематику статьи, будем действовать в обратной последовательности: от выводов к обоснованиям. В конце статьи Бауман формулирует вывод.

“Главная мысль этой статьи такова: чтобы разобраться в современной переориентации дискурса культуры, лучше всего трактовать ее как отражение перемен, произошедших в опыте интеллектуалов, – как способ, с помощью которого интеллектуалы пытаются заново подкрепить свою социальную функцию новыми основаниями в мире, неблагоприятном для их традиционной роли”.

Что же этим сказано? Автор утверждает, что культура сейчас несколько изменилась, причем таким образом, что это изменение отражает перемены в опыте деятелей культуры, перемены в мире. Утверждение почти бесспорное, не требующее доказательств. Это не столько вывод, сколько наблюдение. Привлекает внимание только придаточное предложение в конце – оказывается, мир сейчас стал таким, что он неблагоприятен для интеллектуалов. Высказывание также не слишком оригинальное, но этому, по крайней мере, могла бы быть посвящена статья – интересно увидеть, что же произошло с миром, вдруг неблагоприятно для культуры изменившемся.

На первых же страницах статьи сжато, без доказательств, излагается некоторая картина мира – как предполагается, знакомая читателю. Ясно, что для разговора на эту тему надо знать, что такое культура – и каким образом изменился мир. Определение культуры приведено в самом начале статьи. Прежде всего мы узнаем, что культура – это идеология интеллектуалов:

“Какое определение ни давалось бы явлению под названием «культура», возможность существования его определения и вообще провозглашения культуры явлением действительности уходит корнями в определенное мировоззрение, которое озвучивает потенциал интеллектуалов, разрабатывает их систему ценностей и легитимирует их роль”.

Итак, культура – не явление действительности, а результат определенного взгляда на действительность, мировоззрение. Сказать это можно о любом явлении мира, ибо ничто не дано вне восприятия; почему о культуре это следует сказать каким-то особым образом, с нажимом – не вполне ясно. Разве что автор как-то может обосновать, почему именно культура, в отличие от какой-нибудь экономики, является продуктом специального мировоззрения. Такое обоснование было бы занятно прочесть, но оно не приводится: остается верить, что доказать это возможно.

Далее очень четко сформулированы признаки культуры.

“Это мировоззрение исходит из трех предпосылок, признанных, хоть и негласно, самоочевидными аксиомами.

Во-первых, люди – существа по сути своей неполноценные и никоим образом не самодостаточные. Их очеловечивание – целый процесс, происходящий после рождения, в обществе других людей. Различие между наследственной неполноценностью и благоприобретенной полноценностью мыслится как дихотомия «биологического» и «социального» аспектов «*homo duplex*», либо «природы» и «воспитания».

Во-вторых, очеловечивание – прежде всего процесс учебы, разделяемый на приобретение знаний и укрощение или подавление животных (и почти неизменно антиобщественных) наклонностей. Различие между знанием, призванным заместить собой природные склонности, и самими этими склонностями, подлежащими замещению, часто мыслится как дихотомия «разума» и «страсти», либо «социальных норм» и «инстинктов», «импульсов».

В-третьих, учеба – лишь одна сторона взаимоотношений, где другая – преподавание. Таким образом, чтобы довести процесс очеловечивания до конца, требуются учителя и система – официального или неформального – образования. Ключ к непрерывному воспроизводству сосуществования людей в обществе находится в руках педагогов”.

О первом пункте можно сказать, что это не столько мировоззрение, сколько факт: многочисленные “маугли” людьми не становились, и спорить о необходимости “очеловечивания” для того, чтобы быть человеком, казалось бы, излишне.

Второй пункт излагает некую классификацию понятий. Эта классификация достаточно произвольна, и трудно сказать, что “все интеллектуалы” классифицируют понятия именно так – выделяя в культуре всего две составляющие, а именно – приобретение знаний и подавление инстинктов. По-видимому, здесь важно, что учеба (образование, воспитание) – “прежде всего” (старая просвещенческая концепция образования человека). Утверждается, что это “прежде всего” входит в идеологию интеллектуалов.

Наконец, третье свойство в совокупности свойств “синдрома культуры” есть достаточно частное положение, верное лишь для определенных исторических периодов и определенных обществ.

Нас строка за строкой преследует какой-то особый тон, какое-то смещение смыслов. Культура провозглашается идеологией; как-то по-особому педалируется социализация и проблема образования. Однако прежде чем указать на происходящее смещение акцентов, надо сказать о том времени, к которому относятся рассуждения автора об интеллектуалах.

“...Мы можем с достаточной точностью установить время рождения этого мировоззрения, свойственного исключительно Новому времени. Оно появилось в конце XVII – первой половине XVIII века, одновременно с зарождением «интеллектуалов Нового времени» и их превращением в институцию”.

Итак, речь идет об интеллектуалах. Чтобы представить себе предмет, возьмем какую-нибудь точку отсчета – например, статью Г.С. Померанца “Шэньши как тип средневекового китайского книжника” [Померанц]. Мы сразу вспоминаем о многообразии типов интеллектуалов, явленных в истории: о мусульманском каляме¹ и факихах², об индийских брахманах и буддийских монахах, египетских писцах... Типов интеллектуалов существует множество. Что же это за особые “интеллектуалы Нового времени”? Из текста автора мы узнаем, что это *свободные* интеллектуалы, освободившиеся от власти общины. Кроме того, в их характеристике мы принципиально ограничены Новым временем, когда эти интеллектуалы были “вовлечены” в “институцию”.

Вот как об этом говорит Бауман (напомню, речь идет о конце XVII века):

“...Только после разрушения самозамкнутых общин, повлекшего за собой появление «людей без господина» – бродяг, праздношатающихся, кочевой популяции, которая ни одно место не считает родиной, не принадлежит

¹ Калям (араб., от греч. *kálamos* – тростник) – тростниковое перо, с древности служило для письма; теоретическое исламское богословие.

² Факих – профессиональный законовед-теолог в странах ислама.

ни к одной определенной общине или цеху, ни в одном населенном пункте не подвергается постоянной и всеобъемлющей слежке, — только тогда начинаются трудности с осуществлением контроля над обществом и воспроизводством общественного строя.”

“«Естественный», доселе незримый, ход вещей внешне оказался «механизмом» — а механизм следует изобрести и изготовить, а затем контролировать его работу, если же неумело с ним обращаться или плохо за ним ухаживать, механизм будет плохо действовать или вообще выйдет из строя. Извечный, но никогда ранее не создававший проблем контроль посредством слежки, воспроизводство порядка путем дисциплинарной телесной муштры превратились в объект систематических исследований, дело квалифицированных специалистов и функцию экспертов. Диффузная деятельность общины превратилась в асимметричные взаимоотношения субъектов и объектов слежки, что потребовало поддержки надобщинной власти. Возникла необходимость в ресурсах, которых не могла предоставить ни одна отдельная община. Таковую слежку следовало осуществлять государству, которое, таким образом, превращалось в обязательную, принципиально важную предпосылку воспроизводства общественного строя, в гаранта вечной власти над обществом”.

Люди без господина, свободные интеллектуалы появились в Европе в XII веке. Мы можем даже сказать — *светские свободные* интеллектуалы: речь о вагантах, голиардах³, этих беспечных школярах, которые странствовали по всей Европе, не принадлежа никому, и время от времени обучались в первых европейских университетах. Именно тогда появилась *реалия*, о которой говорит Бауман, — другое дело, что эта социальная группа приобрела вполне сложившиеся формы лишь в Новое время, может быть, действительно к концу XVII века. И все-таки между появлением свободных интеллектуалов и появлением, по Бауману, мировоззрения этих людей — полтысячелетия. За это время “свободный интеллектуал” не раз менял обличья, функции и роли, подпадал под власть государства, освобождался от нее, восставал, соглашался, влиял на государство и изменялся под его влиянием... Однако вся эта история в статье пропущена — что-

бы констатировать, что появился особый тип — “интеллектуал Нового времени”.

История этого персонажа вовсе не проста — она подробно изложена, например, в книге К.А. Свасьяна “Становление европейской науки” [Свасьян]. Излагать здесь все перипетии, борьбу сил за то, каким будет интеллектуал Нового времени, мы не будем. Отметим только в той характеристике, которую приводит Бауман, удивительный аспект — интеллектуал возникает в связи с развитием в обществе института тотального контроля. Мы еще вернемся к этому тезису, а пока обратим внимание на то общество, из недр которого, по Бауману, появляется свободный интеллектуал.

Особые сомнения вызывает описание обстоятельств его появления в XVII в. (!) из того, что принято, по крайней мере в этнографической традиции, называть “традиционным обществом” и что Бауман именует “*общинной*”:

“На протяжении всей истории Европы вплоть до начала эпохи Нового времени главным орудием социального регулирования была дисциплинарная власть, опиравшаяся на слежку (в исследовании Фуко [Фуко. 1999], которое во всех других отношениях должно считаться основополагающим, этот момент замалчивается). Но пользовалось этим инструментом не государство, пусть даже оно сводилось к “верховой” власти государя и отдавало почти все силы тому, чтобы снабжать монарха и аристократию положенной им долей экономических излишков. Отнюдь — дисциплинарная власть осуществлялась в рамках отдельной общины, отдельного цеха — в образованиях, достаточно небольших, чтобы слежка могла стать взаимной, всеобъемлющей, проникающей куда угодно. На уровне обыденной жизни общественный строй воспроизводился путем изошренной и гнетущей слежки, которая благодаря перманентной пространственной близости ее субъектов (по совместительству объектов) считалась вполне в порядке вещей”.

Конечно, *тотальный контроль* является не единственной функцией общины, более того, описывать эту реалию как *контроль* можно, толь-

³ Голиардами во Франции называли вагантов — вероятно, от провансальского *gualidor* — “шутник”, “мистификатор”.

ко допуская сознательную натяжку: люди в общине не воспринимают контроль коллектива как нечто внешнее и насильственное, это становится таким только для нового, индивидуалистического человека, который “вдруг” попадает в общину. Далее, XII век – это феодализм, и описывать его как традиционное общество означает, по меньшей мере, обращать внимание на не слишком очевидные и важные черты общества Европы этого времени. Если даже полагать общину той основой, на которую наслаиваются позднейшие социальные устройства, то все же Францию XII века нельзя описать как *общинное* в существенных чертах общество.

Итак, мы видим исходную диспозицию автора, изложенную на первых страницах статьи: культура, именуемая “мировоззрением” и “идеологией”, в которой особенно важным оказывается аффектированное внимание к преподавательской деятельности, и интеллектуалы, носители этой идеологии.

Откуда же, в самом деле, взялись эти интеллектуалы? Почему они придумали, что кого-то надо учить и образовывать (позднее некоторые из них стали понимать это как “очеловечение”)?

Об обучении нет речи тогда, когда оно является “естественным”, происходит в семье, и профессиональные навыки передаются от отца к сыну. Так обучаются сапожник и принц, крестьянин и торговец. Процесс обучения в этом случае не выделен из общего фона родственного, семейного (и в том числе общинного) общения, и потому не заслуживает отдельного наименования и повышенного внимания.

В процессе развития общество усложняется, дифференцируется, специализируется. Появляются “профессии”, которым нельзя научиться у отца (например, стать католическим монахом так выучиться невозможно), а также “новые” профессии, которые востребованы обществом, но семей, традиционно обладающих соответствующими знаниями, имеется недостаточное количество. Возникает нужда в иных способах обучения, возникают специальные образовательные учреждения. По мере роста специализации частей общества роль этих учреждений увеличивается, так что со временем все большее число членов обще-

ства и все большее количество социальных ролей требуют особого, вне-семейного, специализированного обучения. Тогда обучение становится заметным, видимым, о нем можно говорить как об особом институте и подчеркивать его роль в приобретении специальных знаний, необходимых человеку для того, чтобы функционировать в обществе.

Итак, то, что возникает при дифференциации и специализации (=развитии) общества, у Баумана называется “мировоззрением”. Но правильнее было бы назвать это “мироустройством”, в которое и включены “интеллектуалы Нового времени”. Называть это мировоззрением столь же странно, как происходящие точно по той же причине изменения в экономике. С ростом сложности общественного устройства растет разделение труда, труд в результате становится все более производительным, общество в целом богатеет и усложняется. Рост производительности труда, разделения труда, развитие рынков и возрастание общественного богатства вряд ли следует называть идеологией. Идеология может лишь пытаться как-то эти факты интерпретировать, так или иначе объяснять, приводить в связь с разными другими фактами, но само по себе это “история”, а не “идеология”. Однако Бауман подчеркивает: речь идет именно об идеологии, мировоззрении. Тем самым у автора появляется некоторая “своя игра”, и читателю придется примечать, для чего эта игра ведется.

Последуем за Бауманом дальше. Теперь, когда фигуры расставлены и в общих чертах ясна диспозиция, начинается та игра, ради которой эта диспозиция – во всех ее сомнительных частностях и бесспорных выводах – была сделана. “Мировоззрение под углом культуры”, как называет эту вещь автор, а также интеллектуалы, образование – все они приводятся в связь с государством. В самом деле, если появление интеллектуалов чуть-чуть насильственно отнесено к XVII в., то повешенное в начале ружье должно же выстрелить, раз уж именно в это время происходит становление абсолютистского государства Нового времени, совсем особого образования, не имеющего аналогов в предшествующей истории Европы [Ван Кревельд].

“Итак, крах традиционных средств контроля над обществом в то же самое время способствовал возникновению государства Нового времени.

Это государство прежде всего предполагало централизацию общественных сил, ранее существовавших на локальном уровне. Дело, однако, не сводилось к простому переходу власти от одного пункта к другому – в процессе этого значительно изменился и сам характер этой власти. Уничтожение *pouvoirs intermediaires* – на которые и обрушилось абсолютистское государство Нового времени – было равносильно ликвидации единственной институционализированной точки, где контроль мог осуществляться «традиционным» способом (то есть неосмысленно), – точки, где можно было обойтись без открытой декларации его целей и вообще не превращать его осуществление в функцию специалистов. Таким образом, появление абсолютистского государства было равносильно превращению контроля в сознательно осуществляемую, умышленную деятельность, которой занимаются специально подготовленные эксперты. Отныне государству пришлось заботиться о создании условий для эффективного осуществления слежки и телесной муштры”.

Мысль в следующем: тотальный контроль общины над своими членами разрушен, возникло государство, а контролировать граждан в нем некому. Эту вакансию занимают интеллектуалы, для того и появившиеся, выделившиеся из общины. Они и занимаются “созданием условий для эффективного осуществления слежки и телесной муштры”.

Все же кажется, что произошедшее при становлении абсолютистского государства (государства Нового времени) даже в самых общих чертах не удастся описать с такой точки зрения. Здесь смешаны совсем разные общественные функции. Культура имеет свой набор ролей, а власть, государственно-правовое устройство общества – свой. Если мы пожелаем эти наборы смешивать, нам придется именовать деятелями культуры мытарей, сикофантов⁴, шерифов и прапорщиков. Это они – те эксперты, которые занимаются указанными функциями “слежки и телесной муштры”, со старыми функциями с новыми наименованиями.

Деятели культуры Нового времени, несомненно, связаны с государственным аппаратом – как вообще в обществе нет совсем несвязанных между собой частей, – но “роли” культуры в не меньшей степени связаны с хозяйственной сферой, а именно в XVII–XVIII веках деятели культуры представляют еще относительно свободными от государства. Их “огосударствление” – дело во многом XIX века, а в последующие и совсем современные времена они встают в зависимость не столько от государства, сколько от экономики, что отражается хотя бы термином “научно-техническая революция”, которая совпадает не столько с научной революцией, сколько с хозяйственной.

После того как автор столь странным образом соединил два “поля” – культуры и государственности, объявив, что у государства нет средств контролировать население и оно “нанимает” для этой цели охотчих интеллектуалов, нам остается только смотреть, к чему приведет эта игра.

Прежде всего происходит переопределение термина “культура”:

“Аспекты жизни людей, специально выбранные в этот период для сознательного регулирования, стали именоваться «культурой». Историки единодушно утверждают, что почти сто лет, вплоть до последней четверти XVIII века, слово «культура» (во Франции «civilisation», в Германии – «Bildung», в Англии – «refinement») использовалось в публичном дискурсе для обозначения некоего вида деятельности, того, что одни люди добровольно или вынужденно делали с другими, – наподобие того, как крестьянин «культивировал» свое поле, чтобы «облагородить» семена и повысить урожайность. Название «культура» получили те аспекты человеческой жизни, которые можно сознательно регулировать и облекать в заранее выбранную форму (в отличие от тех аспектов, изменение которых пока было выше человеческой власти или не представляло для нее интереса). Это было связано с острым интересом к практике преобразования форм жизни, считавшихся симптомом и причиной пагубной косности местных автономий в противоположность универсалистским устремлениям государства Нового времени. «Окульту-

⁴ Сикофанты (греч. *sykophantes*, от *sykon* – фи́га и *phaino* – доношу) – в Древней Греции первоначально лица, доносившие о запрещенном вывозе смоквы (фиги) из Аттики. Уже со 2-й половины V в. до н. э. это слово стало нарицательным и приобрело более широкий смысл: сикофантами называли профессиональных доносчиков, клевветников и шантажистов, которые собирали сведения, компрометирующие влиятельных граждан.

ритель», «цивилизировать», «рафинировать» — так формулировались задачи крестового похода против «вульгарных», «звериных», «суеверных» обычаев и привычек, а также сил, якобы стоявших на страже оных».

Здесь открыто смешаны столь разные смыслы, как средневропейская «культура» и западноевропейская «цивилизация»; культурой называется то, что общество сознательно регулирует. Внимание обращено на отношение «культуры» с «варварством» (вполне просвещенческая точка зрения), и потому выпадает из рассмотрения отношение культуры с «неизвестным», творческий аспект культурной жизни. Культура старательно соотносится со своим прошлым, и ни слова не говорится о ее будущем. Из прошлого приходит наличное устройство; из будущего идут смыслы и задачи. Культура изменяет людей теми средствами, которые она сумела выработать в прошлом, и ради тех задач, которые определяются ее будущим. Теряя «будущую половину» культуры, автор оказывается перед чередой бессмысленных (с точки зрения культуры) изменений. Остается только привести эти изменения в соответствие с внешней целью — и вот появляется страшный образ государства, использующего культуру для контроля.

При такой забывчивости по отношению к собственным смыслам культуры начинает сбиваться и терминология. Разумеется, все смыслы, влагаемые в термины *культура* и *цивилизация*, можно свести к некоторому более общему смыслу, и Бауман ведет рассуждение на очень высоком уровне абстракции, рассматривая развитие культуры Нового времени с высоты птичьего полета. Но тогда неправомерно пользоваться частным и узким значением, которое вдруг приписывается этому чрезвычайно широкому и оставшемуся неназванным понятию. Согласно тому же «дискурсу» интеллектуалов, слово *цивилизация* должно, пожалуй, прилагаться в основном к иным сферам жизни, чем культура: к степени развития экономики, например, к состоянию государственной сферы. Здесь под видом обобщения выступает смешение понятий, что и позволяет нечувствительно перейти к высказыванию о роли интеллектуалов как экспертов по «телесной муштре» и профессиональных доносителей.

«Отзываясь на потребности, которые в зачаточном виде содержались в растущих притязаниях абсолютистского государства, *republique des lettres* предлагала идеальную модель государственного устройства, на которую следовало ориентироваться законодателям, а также метод ее воплощения в жизнь (постепенное просвещение путем распространения верных мыслей) и свои собственные таланты как гарантию эффективного применения метода. Основным результатом этой триады было провозглашение знания силой; организация стопроцентно гарантированного доступа к верному знанию для избранных как легитимация права указывать остальным (не удостоенным такового доступа), что те должны делать, как им следует себя вести, какие цели перед собой ставить и какими средствами оных добиваться».

Здесь основной функцией культуры провозглашается поддержание консервативности, традиционности знания — за счет контроля над образованием и средствами коммуникации. Забыта другая сторона, которая, собственно, и делает культуру культурой — производство новизны, культура как совокупность *личных* усилий людей, личных талантов. Ведь в самом первом смысле культурой мы обозначаем то, что достигается личной одаренностью. В отличие от государственно-правовой сферы, в которой люди выступают как равные друг другу, в культуре люди не равны, как не равны их таланты.

Определяя культуру таким образом, мы избавляемся от проблем иных определений. Например, культура как способ образования и изменения людей, на чем настаивает автор, — такое определение неприменимо ко временам и обстоятельствам, у которых еще не выделена специальная образовательная функция. Упрощенно говоря, пока нет школы и университета, нет и образования, а культура в таком обществе может быть очень высоко развитой. Автор разрывает культуру и частные средства и способы ее существования, разрывает разные стороны единой культуры: поддержание культурной традиции и следование за авторитетом — с одной стороны, и непрерывный поток инноваций, вносимых каждым новым талантом — с другой. Это взаимопротиворечивое и потому живое единство традиции и новизны, которым живет культура, волею автора

сведено к школярству – указанию остальным, как им следует себя вести.

“Увидеть в индивиде существо, которое само предпрещает свое поведение, включая в свою гносеологическую картину мира те мотивы, которые выбирает лично, было возможно только под углом нового активного отношения к аспекту мира, понимаемому как «культура», то есть как творение людей (и то, что люди твердо решили переделывать). А осуществить свой замысел преобразователи могли, «подсказывая» индивидам решающие мотивы их поведения и там самым косвенно решая за них, как они должны себя вести”.

Культура есть результат того, что произвели личные одаренности, и потому производит *разнообразие*, равное по мощности разнообразию личностей, в нее вовлеченных. Она создает *то* и *это*, в ней сходятся разные традиции. Именно поэтому важно отмечать, к чему ведет то или иное культурное изменение. Если же, вслед за Бауманом, мы специально не будем обращать внимание на суть изменений и будем говорить только о том, что культура меняет людей, – мы теряем способность видеть различия между де Садом и Швейцером.

Мы сами – творцы тех понятий, которые используем. Мы определяем, на какую высоту обобщения должны подняться для исследования того или иного вопроса, какие понятия мы будем применять к данному материалу. Бауман работает на очень высоком уровне абстракции, с которого не видно разницы между культурой и цивилизацией, между авторитетом творца и насильственным оболваниванием, – но важна не высота абстракции сама по себе. Для чего понятие культуры сводится к “способу изменения людей”? Почему культура выступает именно в качестве агента такого изменения, хотя людей “насильственно” изменяет все – от места жительства до возраста?

“Власть, которой подобное мировоззрение наделяло «знающих», можно образно назвать «законодательной». Эта власть включала в себя право диктовать правила, которым должен подчиняться социум; она легитимировалась как авторитет, которому «лучше знать», как обладающая высшим знанием, качество которого гарантируется уже самим методом его производства. После того

как и общество, и его члены были найдены несовершенными (иными словами, сочтены податливой глиной, дотеле подвергавшейся неправильному воздействию), новая законодательная власть знающих сама себя провозглашала необходимой и правомочной.”

Смещение понятий порождает все новые aberrации: понятия из области культурной жизни (авторитет) вводятся в правовую область, деятели культуры осуществляют “законодательную” власть... Все снова и снова тенденции развития правовой сферы общества приписываются “культуре”. Дело не в том, что культура представляется обиженной невинностью – грехов у нее хватает, но это именно грехи, в которых она виновата, поскольку в недостаточной степени исполняла свою *культурную* функцию, *недостаточно* четко мыслила, слабо отделяла себя от других общественных сфер.

Здесь грехом культуры объявлено само ее устройство. Как государственно-правовая сфера устроена из предпосылки равенства людей, откуда и возникает понятие закона, так культура выстроена на противоречии традиции и новизны, так что авторитет и память о свершениях великих творцов в ней неразрывны с возникновением новых авторитетов и разрушением старых традиций. Обвинять авторитет в том, что он функционирует как авторитет, – не лучше, чем обвинять закон в том, что он предполагает общеобязательность.

Теперь, после бурного развития действия, наступает развязка: герой статьи, интеллект, теряет “власть”, лишается общественного “внимания” и впадает в небытие.

“Есть все основания считать, что первопричиной постепенного кризиса уверенности в себе, поразившего эпоху Нового времени, стало, в сущности, медленное, но неуклонное охлаждение отношений между интеллектуалами как коллективным хранителем ценностей общества, с одной стороны, и государством Нового времени, с другой.

Разработанные государством Нового времени политические технологии вскоре начали сужать необходимость в легитимационных услугах интеллектуалов или низводить последних до роли подчиненных, тем самым выворачивая первоначальные отношения зависимости наизнанку.

В окончательно сформировавшемся государстве Нового времени эффективность государственной власти и, в еще большей степени, ее успехи в воспроизводстве строя могут сохраняться на стабильном уровне и повышаться вне зависимости от того, насколько масштабно и глубоко общество привержено «господствующим ценностям» – или вообще каким бы то ни было ценностям».

Правда, традиционные – по Бауману – функции интеллектуалов сохранились за ними и в современном обществе:

«Среди технологий, предполагающих интенсивную деятельность экспертов, можно с первого взгляда выделить ряд жизненно важных для тотального надзора. Это слежка, «коррекция», надзор за социальной сферой, «медицинализация» или «психиатризация», а также обслуживание судебной / пенитенциарной системы в целом; кроме того, многие профессии возникают и становятся престижными вследствие того, что сферы искусственного создания потребностей и индустрии развлечений обретают все большее значение как важнейшая система контроля над обществом».

Эти функции, по Бауману, обеспечивают интеллектуалам «высокий доход и – по любым меркам – привилегированный социальный статус». Так что живут современные интеллектуалы не то что хорошо, но можно даже сказать – незаслуженно хорошо. Обижает их, по мнению автора, потеря авторитета среди властей предержащих: интеллектуалы стали «лишними людьми». Как указание на факт это верно, хотя линия рассуждений, приводящая к такому суждению, весьма сомнительна.

В полном соответствии с оценкой того, что такое культура, находится и представление Баумана о том, как изменяется культура в современном обществе:

«Среди тех областей социальной жизни, которые утратили важность для воспроизводства общественного строя и были освобождены от прямого государственного контроля, оказалась и та, которую интеллектуалы считали своим полноправным владением; они рассчитывали стать ее полноправными и единственными наследниками после того, как политический контроль над этой сферой был снят и государство внезапно потеряло к ней интерес. Этой особой

сферой была, разумеется, культура – отныне сведенная к тому, что не имеет значения для политических сил. С ней тоже произошло то, что мы уже описывали выше: глобальные, непомерно раздутые устремления – логическое следствие первоначальных концепций – были обужены до реально осуществимых, то есть не затрагивающих территорию, которая зарезервирована для административных вмешательств государства».

Итак, «правильной» считается ситуация, когда внутри «поля культуры» государство «резервирует» за собой некую территорию – даже не «использует» или «обрабатывает», а именно «резервирует». На остатке поля интеллектуалам предлагается развиваться, как кому в голову придет, что и является интеллектуальной свободой:

«Не стоит смотреть свысока на свободу интеллектуалов. Она дает уникальную возможность превратить интерес к высоким материям во всеобъемлющую, автономную и самодостаточную форму жизни; тем, кто ее избирает, даровано сладостное ощущение абсолютного и полного контроля над процессом жизни и его плодами: истиной, здравым смыслом, вкусом. Если помнить о тесной связи между политической ангажированностью и ментальной несвободой, то автономность дискурса интеллектуалов сама по себе уже оказывается весьма заманчивой ценностью, достижением, которым следует гордиться, которое следует использовать в полном объеме и решительно защищать, – защищать, во-первых, от властей, которые время от времени вяло пытаются урезать ненужные, с их точки зрения, расходы; и, во-вторых, от своих же мятежных коллег, которые ставят под угрозу комфортную вольную жизнь, вытаскивая из старого фамильного шкафа пыльный скелет гражданственности».

Тем самым в статье высказывается мысль, что в прежние времена – видимо, в XVIII веке, – культура была уж очень властной, заявляла очень большие претензии и пользовалась слишком широким полем. Ныне достигнута «должная» ситуация: культура сужена, она не только не залезает более на чужое поле, но и стеснена на своем.

При этом не только государство *правомерно* оттяпало кусок культурного поля, *резервируя* его для своих нужд. Экономика тоже прихватила *чужое*.

“По-видимому, культурное многообразие – залог процветания рынка; вряд ли найдется такая культурная идиосинкразия, которую рынок не сумеет заарканить и превратить в очередного данника своей верховной власти. Также нет доказательств тому, что силы рынка «заинтересованы» в культурном единообразии, – в этом отношении тоже, по-видимому, верно обратное. Должно быть, под новым игом рынка культура регенерировала механизм воспроизводства многообразия, действовавший когда-то, в атмосфере автономных общин, а позднее, в эпоху спонсируемых политиками культурных крестовых походов и просветительского миссионерства, якобы временно утраченный”.

Это тоже во благо культуре: оказывается, под властью рынка культура возвращается к пасторально-благословенным временам *общины*, где найдет свое здоровое начало и исконные механизмы *воспроизводства многообразия*. Читателя, правда, может смутить то обстоятельство, что именно в традиционном обществе культура не слишком разнообразна – в силу высокой целостности и унифицированности социума. Разнообразие культуры растет с ростом сложности общества. Рост многообразия – вовсе не обязательно полезный для существования культуры симптом, так что тему эту можно обсуждать достаточно долго. Ясно только, что автору по большому счету все равно, будет разнообразие культуры расти или снижаться, – лишь бы она оставила свои *претензии на власть* и покорилась силам рынка и государства.

Произнести “претензии на власть” – недостаточно. Необходимо добавить: власть над чем? Культура хочет быть автономной *на своем поле*, что равнозначно высказываниям о свободе образования и свободе творчества. Автор выступает против того, чтобы культура определяла, как изменять людей, – он против “образования с точки зрения культуры”. Собственно, это образование “по-культурному” есть свобода образования: каждый учитель учит тому, что считает нужным, а ученики могут выбирать учителей. Надо ясно понимать, что свобода образования сейчас отсутствует, замененная в значительной степени государственным образованием. Бауман в данной работе выступает за образование, пути которого опреде-

ляют государство и экономика. Государство пытается унифицировать образование, производя стандартных специалистов. Экономика пытается минимизировать образование, сделав его *рентабельным*. Это и есть контроль за изменением людей, который Бауман согласен подарить экономическим субъектам, но не согласен – культуре. Между тем власть культуры в сфере образования – это и есть свобода, так как культура разнообразна и стремится создать *разные* образовательные учреждения. Насколько культура поставлена в зависимость от государства, настолько она унифицирована, сведена к программируемому выпуску одинаковых людей.

Что в наступающем бравом новом мире произойдет с культурой, остается сокрытым от читателя статьи. Лишь по некоторым симптомам можно догадаться, как, с точки зрения автора, выглядит *знающая свое место* культура:

“Мы не будем учитывать академическую философию, ибо эта «методическая» дисциплина, судя по всему, может просуществовать еще неопределенно долгое время, воспроизводя свой институционализированный дискурс, неподвластная воздействию изменчивого мира, поскольку с социальной практикой она не взаимодействует никак”.

Это правда; а с другой стороны, каждая правда весьма зависит от того, в каком тоне она высказана. Жалкое положение современной философии (или: искусства; науки; религии...) может вызвать гнев, желание изменить ситуацию, найти причины, по которым произошел подобный регресс, или – спокойную констатацию: “А так и скажут: гигнул, мол, Безенчук”.

В новом обществе Бауман прочит культуре и интеллектуалам роль переводчиков.

“На этом основании перевод из одной системы знаний в другую признается делом экспертов, которые, с одной стороны, вооружены специальными познаниями, а с другой, так или иначе развили в себе уникальную способность подниматься над коммуникативными структурами, в которых локализируются их «родные» системы, одновременно не утрачивая связи с «внутренним пространством» систем, где знание приобретает без труда и ощущается как «самоочевидное». Цель перевода – донести «пе-

реведенное» знание до сознания тех, кто не находится «внутри»; но, не имея ориентиров за пределами своей территории, перевод вынужден обходиться единственным доступным ему ресурсом – самим «внутренним».

В новом мире, где сражаются между собой силы слабеющего государства и мощные силы экономики, где культура живет на *оставшейся* части *своего* поля, ей отводится роль толмача, переводящего знания из одной системы в другую. Поскольку знание – это функция культуры, то культура оказывается самозамкнутой: одни ее представители переводят что-то там умное другим представителям, а остальным частям общества до этого и дела нет. В таком случае культура – это лишняя деталь, которая осталась после того, как был произведен *научный* анализ общества, представленный в данной статье. Поскольку мы – люди гуманные, эту лишнюю деталь никто специально уничтожать не собирается. Поскольку мы – люди практичные, мы не сомневаемся, что она сама скоро освободит нас от своего присутствия.

“...Культурная ситуация неразрывно связана с четкими представлениями о том, какие ценности являются высшими или низшими; современная же западная ситуация, когда подобные представления оспариваются или осмеиваются, не может быть названа «культурной» – она обрекает нас на плавание по неведомым морям, чьи рифы и мели не нанесены на карту”.

Это бесспорно – такая ситуация не может быть названа “культурной”.

За этим бесспорным утверждением следует столь же точный главный вывод статьи, который приведен в самом начале нашего текста: что современный мир не благоприятствует выполнению интеллектуалами их традиционной роли (которая, как мы помним, состоит в экспертизе по поводу контроля и телесной муштры).

Если мы попытаемся в целом охарактеризовать тот *дискурс*, свидетелями которого стали, то увидим его лейтмотив: бродяги и отщепенцы – интеллектуалы – вышли из общины и пошли на службу государству, чтобы помочь ему организовать всеобщий контроль за гражданами. Со временем государство нашло лучшие способы осу-

ществления контроля, интеллектуалы остались не у дел и принялись всячески ругать прежнего хозяина, пугать его своей незаменимостью и измышлять способы вновь оказаться востребованными государством и рынком мужественными субъектами истории, которые вместо бесполезного нытья делают дело.

Как же следует назвать интеллектуалов с их судьбами в новое время? В 1928 г. во Франции была опубликована книжка Жюльена Бенда под названием “Предательство клерков”. Вот такое предательство и представлено в статье. То, что говорит Бауман, есть описание симптомов болезни в повествовательном тоне. Культура в современном обществе болеет, в ней развиваются внекультурные традиции, ситуация требует исправления. Однако она описана в статье как должная и закономерная. Смещение точки зрения, которое пронизывает всю статью, – отождествление биографии и истории болезни. И это также очень характерный симптом состояния современной культуры: она забыла, что значит быть здоровой.

Неужели текст Баумана предполагает лишь столь плоское понимание? Нет ли здесь двойного дна, скрытого смысла, на худой конец – иронии? Насколько можно понять – нет, но есть “точка зрения”. Предлагается рассматривать культуру как идеологию интеллектуалов; тот, кто хочет иметь другую точку зрения, получит иные выводы; свободная игра интеллектуальных сил напоминает детскую песочницу: здесь моя игра, там твоя, не лезь ко мне, а драться нельзя – я в домике! Точка зрения, заявленная в заглавии статьи, и служит “домиком”, где автор волен вести свою игру, пользуясь “свободой слова”, тем самым последним неотобраным (за ненужностью) благом интеллектуалов. По отношению к его тексту “нечестно” ставить вопросы: а что, в самом деле культура является идеологией? Чем можно обосновать эту позицию? Как предложенные обоснования выглядят с иных точек зрения? Откуда берется мысль о культуре как идеологии? Это уже будет чужая игра.

Обратимся за параллелями к работам Мишеля Фуко, который посвятил много внимания проблемам функционирования власти и поддерживающим ее технологиям. Например, Фуко

(в работе “Политическая функция интеллектуала”) противопоставляет интеллектуалов-специалистов и интеллектуалов-универсалов: универсал – по преимуществу писатель, всеобщая совесть, и противостоит специалистам (инженерам, должностным лицам, преподавателям) на службе государству или капиталу. Далее универсалы проигрывают, а специалисты способствуют политизации интеллектуалов, в особенности – политизации университета. Происходит это, по Фуко, после Второй мировой войны. При этом Фуко оговаривается, что он имеет в виду интеллектуала только в политическом смысле, а не в социологическом или профессиональном, то есть интеллектуал – тот, “кто использует свое знание ... ради политической борьбы” [Фуко. 2002. С. 204]. В концепции Фуко интеллектуал(-специалист) не только и не столько контролирует других, сколько подвергается контролю со стороны государства и капитала. По центральному для Баумана пункту службы государству Фуко роняет: “интеллектуал-специалист служит интересам капитала и государства, что... правда, но в то же время показывает занимаемое им стратегическое положение” [Фуко. 2002. С. 206].

Отсюда проясняется и постановка вопроса о службе интеллектуала властям:

“...Политические задачи интеллектуалов надо осмысливать не на языке «науки и идеологии», но с точки зрения «истины и власти»” [Фуко. 2002. С. 208].

“Речь идет не о том, чтобы освободить истину от всякой системы власти (что было бы просто химерой, поскольку истина сама и есть власть), но об отделении власти истины от различных форм гегемонии” [Фуко. 2002. С. 209].

Поэтому Фуко вовсе не ставит радикально вопрос о службе интеллектуалов властным структурам.

“Ибо государственной структуре при всем том, что есть у нее обобщенного, абстрактного, даже насильственного, не удалось бы удерживать таким вот образом, непрерывно и мягко, всех этих индивидов, если бы у нее не было корней, если бы она не использовала... все возможные мелкие локальные и индивидуальные тактики, охватывающие каждого из нас” [Фуко, 2002. С. 290].

“Некоторые отношения власти действуют так, что повсеместно создают эффект господства, однако ткань, сотканная властными отношениями, почти не допускает однозначного разделения. По-моему, как только начинаешь касаться этой общей темы, необходимо быть одновременно чрезвычайно осторожным и действовать строго в эмпирическом духе” [Фуко, 2002. С. 331].

Фуко старательно избегает однозначных ответов, так что даже о согласии общества и власти он высказывается следующим образом: “Не стоит, наверное, ратовать за согласие, но необходимо быть против его отсутствия” [Фуко. 2002. С. 333]. Относительно возникновения государства Нового времени и его контрольных функций Фуко произносит:

“Феодальная власть была составлена из отношений между правовыми субъектами, поскольку они оказывались включенными в правовые отношения фактом собственного рождения, их социального ранга или их личной ангажированности, тогда как вместе с этим новым полицейским государством правительство начинает заниматься индивидами...” [Фуко. 2002. С. 373–374].

“Политическая рациональность связана с другими видами рациональности. Ее развитие в огромной степени зависит от экономических, социальных, культурных и технологических процессов” [Фуко. 2002. С. 380].

Вспомним, как настойчиво Бауман связывал культуру с идеологией, мировоззрением. Из сопоставления с текстами Фуко становится ясным, для чего это сделано. Именуя культуру идеологией, Бауман отличает “культуру на самом деле” от “культуры как идеологии интеллектуалов”. Оставляя в стороне изложение того, что происходит в самой культуре, он описывает в своей статье то, как идеологизированные интеллектуалы воспринимают происходящее. Однако указанное различие – “бытие культуры” и “представление о культуре” – у Баумана не озвучено, остается за кадром. Все, что говорится, сказано о культуре как таковой, которая обозначена как идеология.

Мы не стремились отразить все, что высказал Фуко по теме “интеллектуалы и власть”, подчеркнув лишь моменты переключки с ним Баумана. И мы можем видеть, сколь многообразно это переплетение смыслов. В целом можно сказать, что

Фуко и Бауман высказываются в рамках одного мировоззрения, с одними и теми же болевыми точками и значимыми датами, они одинаково замечают поле действительности, – но в целом концепция Баумана значительно более резко очерчена. Многозначности, к которым непрерывно прибегает Фуко, опущены в ней, и дается простая и определенная картина происходящего.

С чем же связано то, что сложная, многогранная позиция Фуко оказалась столь упрощенной в изложении Баумана? Есть ли это произвол по отношению к Фуко, или напротив, закономерное развитие его мыслей? Мы можем получить ответ, обратившись к одной из ранних работ Фуко, лекции “Безумие и общество”, где он характеризует свой метод, а точнее, свой взгляд на изучаемый предмет.

“...Моя цель состоит не в том, чтобы узнать, что утверждается и превозносится в том или ином обществе или некой системе мышления, но в том, чтобы изучать то, что в них отвергается и исключается” [Фуко. 2002. С. 7].

Взгляд Фуко *негативен*, он различает преимущественно один аспект явлений – тот, что связан с запретами и ограничениями. Такая точка зрения возможна, но должна быть дополнена – иначе пропадает понимание того, почему и зачем положены эти запреты и ограничения.

Негатив Фуко, изображающий действительность верно *с точностью до наоборот*, у Баумана выступает как позитив. Фуко склоняется к тем же оценкам, но сопровождает их множеством оговорок – так что, может быть, и не следует говорить “к тем же”: Фуко действует в рамках более сложной реальности, чем Бауман, но в основных точках эти реальности гомологичны. И все же мы попытаемся высказать основное настроение, которое отличает высказывания Фуко на эту тему от мыслей Баумана. У Фуко рассмотрение отношений культуры и власти звучит как описание *болезни*, ненормального устройства общества, требующего исправления, а у Баумана – как описание нормы, оцениваемой позитивно.

Изложенное само по себе является симптомом. Современные интеллектуалы не знают, для чего нужна культура и для чего нужны они сами.

Программируя собственную судьбу “лишних людей”, единственное дело которых – *дискурс* (первичное значение по-латыни – бестолковая беготня), интеллектуалы предают не только себя, но и общество, *лишая* его культуры. Тем самым вместе с силой государства, наступающего на культуру с целью подчинить ее себе, с грандиозной мощью экономики, наступающей на культуру с целью сделать ее такой, которая способна принести прибыль, – к этим силам добавляются силы самой культуры, забывшей, *что* она есть.

Между тем единственной сферой общественной жизни, где человек может быть свободным, является культура. Человек ограничен в государственной и экономической сферах: в государственной сфере – правами других людей, в экономической – их интересами, и только в сфере культуры, в сфере *личного дарования*, он свободен от ограничений – или может быть свободен, если отстоит существование культуры.

Отвержение культуры происходит под флагом свободы: интеллектуалы, спутав болезнь культуры с ее нормой, отказываются поддерживать культуру огосударвленную и приветствуют культуру экономическую и экономичную. Так происходит *выверт негатива*. Интеллектуалы восстают против государства и огосударвленной культуры во имя свободы. Они обнаруживают, что современная культурная жизнь поражена несвободой и используется для закабаления людей. Не пытаясь вырвать культуру из-под власти чуждых ей сил, они отвергают культуру, не слишком заботясь о том, с чем остаются. Если мы перечитаем Фуко, перечитаем Баумана и многих, слишком многих других современных интеллектуалов, блестяще образованных и обладающих высокой культурой, мы обнаружим, что они очень подробно говорят о том, что следует отвергнуть, раскритиковать, и едва касаются того, что же должно, с их точки зрения, существовать. Они *критикуют*, не *утверждая*, – и это им представляется свободой, хотя на деле это *вычитание* из свободы: культура сама себя вычитает, забыв, что в результате операции неизбежно получится ноль.

Углубляясь чуть дальше в поисках источников представленной в статье точки зрения, мы можем отыскать интеллектуальный фон, из которого

вытекает это подчеркнутое внимание к идеологии, связь интеллектуалов и интеллектуализма со “слежкой и муштрой”. Тема культуры и ее творцов неизбежно связана с разворачиванием представлений о социологии знания. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, авторов классической книги этого направления “Социальное конструирование реальности”, “непосредственными интеллектуальными предшественниками социологии знания являются три направления германской мысли XIX столетия – марксизм, ницшеанство и историцизм” [Бергер, Лукман]. Основным положением социологии знания является, по Бергеру и Лукману, положение Маркса, что социальное бытие определяет человеческое сознание, а также понятие “идеология” и представление о базисе и надстройке. У Ницше взято представление, что человеческое мышление выступает в качестве инструмента в борьбе за выживание и власть. “В более общем виде можно сказать, что социология знания есть своеобразное применение того, что Ницше удачно назвал «искусством подозрения»” [Бергер, Лукман]. Наконец, историцизм Шелера и Мангейма добавил некоторые методические соображения и вновь акцентировал внимание на идеологии.

На таком “базисе” и вырастает строго последовательная “надстройка”, связанная с прочтением как нормы того, что в культуре важно как симптом болезни. Например, антихристианство Ницше следует читать не как позитивное изложение некоторой позиции, а как симптом: в европейской культуре болеет христианство, оно требует переосмысления и в прежнем виде оставаться не может. Худшее, что можно сделать – не обратить внимания на Ницше или воспринять его буквально. Болезнь следует не хвалить, не игнорировать, а лечить. Примерно так же обстоит дело с Марксом, у которого понятия “базис” и “надстройка” восходят к древнему различению тела и души, затем – к кантовскому различению непознаваемой материальной вещи и пустых рассудочных форм. Эту мысль нельзя игнорировать и нельзя принять – ее следует излечить.

В результате мы видим, что понятийный строй и идейная задача современного дискурса об интеллектуалах, власти и культуре в глубочай-

шем смысле повторяют очень старые и давно неудовлетворительные интеллектуальные ходы. Мы и теперь, как в XX, XIX, XVIII веках и ранее, встречаемся в новых одеждах все с тем же древним спором о соотношении души и тела (с забытым духом), с тем же дуализмом духа и материи (с пропущенной душой), и получаем, в силу сходной постановки задачи, прежние неудовлетворительные ответы, лишь облекшиеся в новые терминологические одеяния.

Старый европейский спор о природе человека и общества нуждается в продумывании и разрешении назревших века назад проблем, а не в повторении прежних – и уже показавших свои следствия – решений. И потому статья Баумана является верным отражением старой болезни европейской культуры и следствием этой болезни, но не лекарством от нее. ■

Литература

- Бауман З.* Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 27. www.nz-online.ru (Перевод выполнен по изданию: «Legislators and Interpreters: Culture as the Ideology of Intellectuals» in: Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.)
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, Academia-Центр, 1995.
- Ван Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Померанц Г.С.* Шэньши как тип средневекового книжника // История и культура Китая: Сб. памяти академика В.П. Васильева. М.: Наука, 1974. С. 362–384.
- Свасьян К.А.* Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фуко М.* Политическая функция интеллектуала // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002.
- Benda J.* Le trahison des clercs. Paris: Grasset, 1928. (trans.: The Great Betrayal. L.: G. Routledge & Sons, Ltd., 1928.)

Хлеб

В нашей культуре хлеб всегда вызывал особое к себе отношение, был одним из ключевых и самых нагруженных культурных символов. Судя по всему, таковое свое значение он сохраняет и сегодня.

В частности, это ясно следует из ответов респондентов на включенный в один из опросов открытый вопрос, что первым приходит им в голову, когда они слышат слово «хлеб». Более чем для четверти респондентов хлеб – это сама жизнь, святыня, самое дорогое, что есть у нашего народа (28% ответов): *«без него жить нельзя»; «если есть хлеб, есть жизнь»; «для русского народа это все»; «святое для нас это»; «хлеб – превыше всего, хлеб – всему голова»*. Еще столько же опрошенных подчеркивали, что хлеб – основа рациона, главный и незаменимый продукт питания, без хлеба – и еда не еда (также 28% ответов): *«еда первой необходимости»; «основное блюдо на столе»; «хлеб – незаменимая пища»; «без него не наешься»; «без хлеба все невкусно»; «без хлеба за стол бесполезно садить-*

ся»; «если хлеб на столе, будем сыты». Некоторые вспоминают голодные военные годы, когда хлеб был высшей ценностью, олицетворением жизни (2% ответов): *«кто пережил голод, тот поймет»*. Хлеб ассоциируется также с благополучием, достатком, богатством страны (*«богатство страны, хлеб – основное достояние»* – 2% ответов); семейным очагом и домашним уютом (*«душевное тепло»; «радость»; «семья»; «дети»; «уют в доме»* – 1% ответов).

Нередко участники опроса, говоря о хлебе, вспоминают о тяжелом крестьянском труде (*«кровь и пот»; «нелегкий труд»; «работа на земле тяжелая»* – 6% ответов), о засеянных полях, уборке урожая (в сумме 12% ответов). Некоторые сетуют на развал сельского хозяйства и запустение полей (*«земля пустует»; «мало выращиваем хлеба»; «надо поднимать сельское хозяйство»; «сколько его намолотили? Хватит ли хлеба?»* – 2% ответов).

Заслуживает внимания, что только 10% участников опроса затруднились ответить, с чем для них связано слово «хлеб».

Почти половина опрошенных (46%) утверждают, что в их семье к хлебу относятся по-особому, не так, как к остальным продуктам питания. Примерно

столько же людей (48%) говорят, что в их семье к хлебу относятся так же, как и к другим продуктам. Стоит отметить значительные межпоколенческие различия в ответах на вопрос об этом: если среди людей в возрасте от 55 лет об особом отношении к хлебу говорят 59% опрошенных, то среди тех, кому 18–35 лет, – только 35%. Кроме того, отношение к хлебу зависит от уровня образования, дохода и места жительства респондентов (как нетрудно догадаться, людям с высшим образованием, с относительно высоким уровнем доходов и проживающим в крупных городах присуще менее трепетное отношение к хлебу, чем людям с низким уровнем образования и низкими доходами, а также жителям села).

Каким бы ни было отношение к хлебу, для большинства он является неизменным дополнением к любой еде. Три четверти участников опроса (74%) говорят, что в их семье всегда едят хлеб во время завтраков, обедов, ужинов; еще 15% сообщают, что едят хлеб часто. Только 9% опрошенных сказали, что в их семье хлеб редко появляется на столе (никогда не едят хлеба во время завтрака, обеда и ужина менее 1% участников опроса). Отметим, что межпоколенческие различия в ответах на этот вопрос отсутствуют, а вот различия, связанные с уровнем образования, дохода и местом жительства, – сохраняются.

Качество продаваемого в магазинах хлеба устраивает примерно две трети участников опроса (65%), не устраивает – каждого третьего (33%). Особенно велика доля недовольных в Москве: здесь она достигает почти половины опрошенных (47%).

Елена Вовк

Общероссийский опрос населения от 12–13 августа 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

PROJECT

Б. Докторов

Прямые продолжатели дела отцов-основателей:

Уоррен Митофски и Джозеф Ваксберг

Настоящие очерки – это продолжение публикации, первая часть которой появилась в 11-м номере журнала “Социальная реальность” за прошлый год [Докторов, 2006]. Прошлая публикация была посвящена творческому наследию трех выдающихся полстеров второй половины XX века. Вкратце напомним, о ком шла речь.

Пол Перри (Paul K. Perry, 1910–2005) первым в мировой практике целенаправленно в течение многих лет анализировал данные электоральных опросов и разрабатывал процедуры прогнозирования общенациональных выборов. Методическими открытиями Перри пользуются аналитики многих стран.

Джо Белден (Josef “Joe” Belden, 1915–2005) придумал региональные опросы, разработал и впервые применил их организационную схему, показал их важность в системе институтов демократии США.

Бернс “Бад” Роупер (Burns “Bud” Roper, 1925–1971) сделал многое для сохранения и углубления исследовательских и этических принципов, сформулированных первым поколением исследователей общественного мнения.

Героями настоящих очерков являются два аналитика, принципиально обогатившие методический арсенал приемов изучения общественного мнения и тем самым усилившие роль опросов в жизни американского общества. **Уоррен Митофски** – создатель exit poll, получившего признание во многих странах мира, помог освоить эту технологию аналитикам России и ряда постсоветских государств. **Джозеф Ваксберг** не был полстером, не анализировал высказывания людей, но математически обосновал процедуру организации репрезентативных телефонных опросов, известную как метод Митофски-Ваксберга.

Автор благодарит *Владимира Андреевкова*, руководителя Института сравнительных социальных исследований (Москва), и сотрудницу этого института *Анну Андреевкову*, которые несколько лет работали с Уорреном Митофски и дружили с ним, за неоценимую помощь в работе над этой статьей.

Уоррен Митофски и возникновение exit poll

Метод построения выборки для проведения телефонных опросов, созданный Уорреном Митофски (Warren Jay Mitofsky, 1934–2006), – одно из крупнейших достижений второй половины XX века в области технологии изучения общественного мнения. История рождения этого метода будет кратко рассмотрена ниже. Мы остановимся и на другом принципиальном изобретении Митофски – exit poll, или опросе избирателей непосредственно после того, как они проголосовали. В российской специальной литературе и в прессе этот опрос называют “exit poll”, “экзит-полл” или “опрос на выходе”. Митофски не любил этот термин, не считал его адекватным (it’s imprecise) и предпочитал говорить об “опросах в день выборов” (“Election Day surveys”) [Morin]. Впрочем, согласно замечанию А. Андреенковой, участвовавшей вместе с Митофски в работе Комитета по стандартам качества проведения exit poll Международной организации исследователей общественного мнения (WAPOR), он выступал против расширительного толкования термина “exit poll”, предлагая отличать его от понятия “предвыборный опрос”. Он отмечал, что при предсказании исхода выборов необходимо учитывать как результаты опроса на выходе с избирательного участка, то есть собственно exit poll, так и данные других исследований; в частности – данные телефонных опросов среди тех, кто досрочно принял участие в голосовании, а также простого опроса избирателей на дому после выборов и т. п. По словам А. Андреенковой, Митофски постоянно употреблял термин “exit poll” и ничего не имел против него.

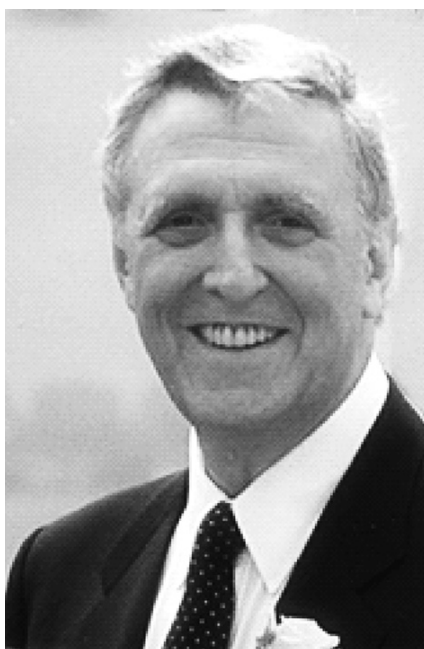
Уоррен Митофски родился в Бронксе. Тогда, в 30-е годы прошлого века, это был один из наи-

более криминальных районов Нью-Йорка, в основном населенный выходцами из Польши и Италии. Можно предположить, что родители Митофски – во всяком случае, по отцовской линии – вместе с тысячами евреев эмигрировали в начале века из Польши или одной из стран Австро-Венгерской империи. А. Андреенкова сообщила мне, что его дед погиб в годы Второй мировой войны в концлагере в Чехословакии.

В 1957 году Митофски окончил Гилфорд-колледж (Guilford College), расположенный в городе Гринсборо (Greensboro), штат Северная Каролина. Затем учился в университетах Северной Каролины (1957–1958 годы) и Миннесоты (1958–1960 годы) [Warren Jay Mitofsky biography resource center]. Трудно сказать, по каким дисциплинам он получил степени бакалавра и магистра, но скорее всего он имел хорошую подготовку по математике и статистике, иначе не смог бы работать в команде выдающихся статистиков и математиков, сложившейся в конце войны в Бюро переписи населения США. Митофски собирал материалы для написания докторской работы, но не закончил работу над ней.

Небольшой фрагмент мемуарного характера я нашел в статье Митофски 1999 года, в которой он рассматривал особенности выборки при

проведении онлайн-опроса. Митофски вспоминал, что четыре десятилетия назад, скорее всего это был период его обучения в Университете штата Миннесота, он подрабатывал в отделе маркетинговых исследований “General Mills” – известного в Америке производителя различных пищевых продуктов. Ему было поручено проанализировать деятельность двух организаций, которые проводили почтовые опросы по выборкам, создаваемым на базе огромных панелей. Он показал, что эти панели не репрезентировали никакой генеральной совокупности и потому не мог-

Уоррен Митофски

ли дать надежной информации [Mitofsky. Pollsters.com. P. 24]. Таким образом, с основами выборочного анализа он был знаком еще в студенческие годы.

В 1967 году Митофски был приглашен в компанию CBS для решения задачи максимально быстрого получения информации о прошедшем голосовании. Первые опросы для CBS делал Луис Харрис (Louis Harris, p. 1921), однако руководство компании не устраивали его методы выборки и анализа, поэтому при организации новой службы они отдали предпочтение специалисту в области математики и статистики. Вопрос о победителе выборов, особенно президентских, всегда интересовал американских избирателей, и поиск приемов, которые позволили бы ответить на него до завершения официальных подсчетов, имеет долгую историю. Следует помнить, что еще в начале XIX века подсчет голосов в ходе общенациональных выборов занимал несколько недель, и все это время политики и журналисты пытались дать свои прогнозы, обращаясь к быстрейшим на то время способам передачи и переработки информации.

Так, в 1824 году газета “New York Post” использовала почтовых голубей для получения информации об итогах голосования вне Нью-Йорка. В конце первой половины XIX века “Associated Press” передавала сведения о голосовании по телеграфу, но должно было пройти еще два десятилетия, чтобы эта система охватила всю страну. В 1883 году ветеран Гражданской войны, политик и генерал Чарльз Тейлор (Charles H. Taylor, 1846–1921), редактор известной “Boston Globe”, предложил новый по тому времени прием сбора информации. За день до выборов он направлял в тщательно отобранные ключевые избирательные округа своих наблюдателей и по итогам голосования в этих “точках” делал вывод о голосовании в штате.

В известной книге Дэвида Мура (David Moor) история возникновения exit poll изложена по материалам, опубликованным Митофски, и по записям их личных бесед [Moore. P. 255]. В ней говорится о схеме опроса, реализованной за три года до Митофски Бадом Льюисом (Irwin “Bad” Albert Lewis, 1921), руководившим в то время

электоральными опросами телевизионной сети NBC, затем работавшим в “The Roper Organization” и завершившим свою карьеру директором опросной службы “Los Angeles Time” (Los Angeles Times poll).

В 1964 году на первичных выборах в Калифорнии конкуренция была очень высокой, и потому было решено осуществить исследование по схеме, восходившей к Тейлору и применявшейся Харрисом. Однако руководство ряда избирательных участков отказалось от сотрудничества с исследователями, не пожелав представить им результаты подсчета бюллетеней. Тогда студентам, которые, по первоначальному плану, должны были забрать итоги подсчетов с избирательных участков и передать их для дальнейшей обработки, предложили опросить избирателей после того, как они проголосуют. Согласно полученным Льюисом результатам, количество голосов в пользу ведущих кандидатов было настолько близким, что NBC воздержалась от ночного прогноза и объявила имя победителя лишь следующим утром, когда официальный подсчет бюллетеней был почти завершен.

Митофски полагал, что работу студентов колледжей на десяти избирательных участках с трудом можно классифицировать как реальный exit

---

Вопрос о победителе выборов, особенно президентских, всегда интересовал американских избирателей, и поиск приемов, которые позволили бы ответить на него до завершения официальных подсчетов, имеет долгую историю

---

poll. Эти участки не представляли случайной выборки, результаты опроса не использовались для прогнозирования выборов и не применялась специальная процедура репрезентативного отбора избирателей. По словам Митофски, NBC провела свой первый exit poll только после 1973 года. В некрологе, опубликованном в главном для всех поллстеров мира журнале “Public Opinion Quarterly” [I.A. Lewis. P. 280], Митофски сказал

много хорошего о Баде Льюисе (другими именами его никто никогда не называл), но не отметил его вклада в рождение опроса на выходе.

Иную версию рождения идеи exit poll приводит поллстер и обозреватель газеты “Washington Post” Ричард Морин в заметке памяти Митофски [Morin]. Согласно Морину, методика Тейлора была использована Харрисом

В начале XIX века подсчет голосов на общенациональных выборах занимал несколько недель, и все это время политики и журналисты пытались дать свои прогнозы, обращаясь к быстрейшим на то время способам передачи и переработки информации

и статистиком Дэвидом Нефтом (David Neft, р. 1936), но их подход к отбору ключевых избирательных участков не был статистически обоснованным. Руководство CBS обратилось к Митофски, чтобы он разработал более надежную процедуру раннего определения победителя избирательной кампании.

В 1967 году проходили выборы губернатора в штате Кентукки, и Митофски должен был обеспечить своей телесети первенство в сообщении имени победителя. Он обратился за помощью к аналитику рынка Джорджу Файну (George Fine), и в ходе предварительных обсуждений тот рассказал Митофски об одном из своих исследований для киноиндустрии. Ответственные за прокат хотели знать реакцию зрителей до выхода нового фильма на широкий экран. “Джордж, – вспоминал Митофски, – решил интервьюировать людей при выходе из кинотеатра... Я не могу сказать наверняка, его ли это идея или мы дошли до этого вместе. Но мы сказали: «А почему бы не интервьюировать избирателей Кентукки при выходе с избирательных участков?»» [Morin].

Время и дополнительные исследования покажут, в какой мере две эти версии могут сосуществовать, но они сходятся в том, что первый exit poll был проведен Митофски почти сорок лет назад,

в 1967 году, в Кентукки. Избирательные участки выбирались случайным образом с учетом количества зарегистрированных на них избирателей. Участок с двумя тысячами потенциальных избирателей имел вдвое большую вероятность войти в выборку, чем с одной тысячей. В целом можно сказать, что отобранные участки репрезентировали электорат.

Интервьюеры встречали избирателей у выхода с участка и просили их заполнить анкету. В зависимости от того, какое количество избирателей с каждого участка следовало опросить, вопросы задавались каждому третьему, пятому или десятому избирателю. Заполненную анкету респондент опускал в специальную “голосовательную” урну CBS. Первые опросы были короткими, но позже количество вопросов в них постепенно увеличивалось.

В соответствии с графиком интервьюеры высылали собранную информацию в центр обработки, так что после закрытия участков можно было быстро получить картину голосования по штату. При этом Митофски звонил в вошедшие в выборку избирательные участки и сравнивал их результаты подсчетов с теми, что получались у него при анализе ответов проголосовавших избирателей. Если все сходилось, он мог объявить имя победителя.

В 1968 году состоялись президентские выборы, exit poll был проведен в 20 штатах, опросный документ фиксировал не только то, за кого голосовали избиратели, но их пол и расу. Много обрабатывалось вручную интервьюерами и передавалось по телефону, тогда еще не было возможности ввести все в компьютер за один вечер. Имя победителя определялось после сравнения результатов exit poll и подсчета голосов в отобранных избирательных участках.

Конкуренция за то, чтобы первыми назвать имя победителя президентских выборов, была очень высокой. Поэтому Митофски в период подготовки опроса пытался понять, чему отдать предпочтение: скорости или правильности, то есть верному определению имени победителя? Однажды он спросил своего руководителя Уильяма Леонарда (William Leonard, 1916–1994), много сделавшего для становления технологии exit

poll: “Если бы у Вас было сто долларов, как бы Вы их разделили между скоростью и правильно-стью?” [Moore. P. 257]. Тот ответил: “Я хочу иметь сто долларов на скорость. И сто долларов – на правильность”. Правда, за неделю до выборов он сказал, что не беспокоится по поводу скорости, но хочет, чтобы все было верно. Тема скорости проведения опроса была надолго закрыта. За годы работы Митофски было многое сделано для совершенствования процедуры построения выборки и проведения интервью, к тому же он научился выдерживать паузу, многократно проверяя свои выводы.

Первые интервью на выходе были короткими, всего несколько вопросов о том, за кого человек проголосовал и почему. Затем объем опросного документа стал увеличиваться. Так, интервью 2004 года, проводившееся службой Митофски на первичных демократических выборах в штате Нью-Хэмпшир, представляло собой две страницы, содержащие 26 вопросов [National election poll]. Первый блок – электоральные установки и поведение: отношение респондента к каждому из демократических кандидатов, его сегодняшний выбор, когда он принял решение, за кого он голосует обычно: за демократов или республиканцев. Второй блок – отношение к политике президента Дж. Буша и деятельности его администрации. Наконец, “паспортичка”: пол, возраст, раса, доход семьи. Это уже ценнейшая информация для построения прогнозных электоральных моделей.

Пример: организация поздних опросов Митофски дает отчет о выборке, которую использовали при изучении голосования на президентских выборах 2004 года. Опрос проводился на 250 избирательных участках и охватил 11 719 проголосовавших. Кроме того, в 13 штатах в ходе телефонного опроса было опрошено 500 человек, не участвовавших в голосовании, и/или проголосовавших досрочно. На избирательных участках опрашивался каждый N-ый избиратель (величина N зависела от численности избирателей, которые должны были на нем голосовать), затем выборка “взвешивалась” на основе специальной двухфакторной технологии [National Election Pool Exit Polls].

С 1963 по 1990 год Митофски был исполнительным директором подразделения CBS по оп-

росам, а также отвечал за опросы в день выборов. В 1975 году он организовал службу (poll) “CBS News/New York Times” и руководил ею 15 лет. С 1990 по 1993 год Митофски руководил созданной им организацией по изучению избирателей (Voter Research & Surveys), которая действовала в интересах четырех ведущих американских телевизионных сетей: ABC, CBS, CNN и NBC. Позже она стала называться “Служба новостей об избирателях” (Voter News Service, VNS).

В статье Митофски, опубликованной три года назад, отмечается, что в интервале с 1967 по 1988 год он допустил всего пять ошибок в предсказании имени победителя выборов в штатах и в первичных выборах. В течение последнего десятилетия XX века им было проведено свыше 2000 опросов в день выборов и лишь один – в 1996 году на выборах в сенат в Нью-Хэмпшире – дал ошибочные результаты [Mitofsky. Voter news...]. Определенные ошибки в exit poll были и на президентских выборах 2000 года – и этот факт получил огромный резонанс. Вместе с тем, вспоминает А. Андреевкова, “ошибки Уоррена всегда вели к тому, что он вновь и вновь переосмыслил сделанное и всегда находил лучшее решение. Его ошибки были двигателями его новых достижений. Он умел их признавать и принимать и справедливо считал, что исследователи – не боги, они могут ошибаться; важно то, что эти ошибки служат во

В 1824 году газета “New York Post” использовала почтовых голубей для получения информации об итогах голосования вне Нью-Йорка. В середине XIX века “Associated Press” передавала сведения о голосовании по телеграфу

благо развития науки и совершенствования метода. Уоррен верил в статистические методы и методы опроса, он ненавидел свои ошибки, но умел их признавать и учиться на них” [Андреевкова]. Известный и весьма авторитетный американский обозреватель Дэн Ратер (Dan Rather), настороженно относящийся к опросам общественного мне-

ния, однажды сказал, обращаясь к многомиллионной аудитории: “Я верю в Бога, страну и Уоррена Митофски” [Morin].

В 1993 году Митофски основал фирму “Mitofsky International”, которая провела exit polls во многих странах мира, в том числе в России. Владимир Андреенков, основатель и руководитель московского Института сравнительных социальных исследований, сообщает на своем сайте <http://www.cessi.ru>, что вместе с Митофски провел опросы на российских выборах 1993, 1995, 1996, 1999, 2000 и 2004 годов. В 2005 году они успешно работали на президентских выборах в Азербайджане.

На сайте AAPOR представлена серия воспоминаний ряда известных поллстеров [Warren J. Mitofsky (1934–2006)], посвященных памяти Митофски. В них кратко охарактеризованы многие аспекты его деятельности как исследователя и одного из лидеров профессионального сообщества. В словах прощания Владимира Паниотто, украинского аналитика общественного мнения, отмечается, что, хотя Митофски не принимал непосредственного участия в изучении электората в Украине, с 2002 года он помог в проведении пяти опросов на выходе. Мне представляется крайне важным заявление известного аналитика общественного мнения профессора Филиппа Мейера (Philip Meyer) о значимости вклада Митофски

Джозеф Ваксберг: основатель теории современного телефонного опроса

Джозеф Ваксберг (Joseph Waksberg, 1915–2006), чаще – Джо (Joe), родился в небольшом старинном польском городке Киелце (Kielce), откуда его семья эмигрировала в Америку в 1921 году.

Блестяще окончив школу, он поступил в Городской колледж (City College) Городского университета Нью-Йорка (City University of New York), в котором жители этого города имели право учиться бесплатно. О статистике он тогда не имел никакого представления, и в качестве специализации избрал математику. В 1936 году, после окончания колледжа, он начал изучать дополнительные разделы математики на вечерних курсах университета. Это было время Депрессии, рабочих мест было мало, но после отлично сданного государственного экзамена Ваксберг получил приглашение в Вашингтон для работы в правительственных структурах. Несколько лет он работал в военно-морском министерстве (the Navy Department), а в 1940 году, когда его направление закрылось, ему предложили место в Бюро переписи населения (Census Bureau).

К тому времени Ваксберг был знаком лишь с основами теории вероятностей и математической статистики. Он самостоятельно изучил более сложные разделы этих дисциплин и блистательно сдал государственный экзамен. Через шесть десятилетий, вспоминая то время, Ваксберг отмечал, что, по словам Лесли Киша (Leslie Kish, 1910–2000), у него был высший в стране балл; при этом Ваксберг добавил: “Я не уверен, что он прав, но я не хочу противоречить Лесли и опровергать его” [Marker, Morganstein. P. 299]. Интересно, что жизненные пути Ваксберга и Киша [Fellegi] начинались во многом одинаково, семья последнего эмигрировала из городка Попрад (Poprad), сейчас это – Словакия, оба окончили Городской колледж в Нью-Йорке как математики, примерно в одно время пришли на работу в Бюро переписи населения, многие десятилетия исследовали один круг проблем и оба дожили до 90 лет. Киш признан классиком в области статистики и экспертом высочайшего класса по проведению опросов.

Первые интервью на выходе были короткими, затем объем опросного документа стал увеличиваться. Так, интервью 2004 года, проводившееся службой Митофски на выборах в штате Нью-Хэмпшир, содержало 26 вопросов

в сохранение истории американской поллстерской ассоциации. Речь идет о том, что именно благодаря Митофски была издана книга “Место встречи” [A meeting place] и тем самым для истории сохранена ценнейшая информация о деятельности отцов-основателей и пионеров изучения общественного мнения.

Руководителями научного отдела Бюро переписи были выдающиеся специалисты в области статистики Морис Хансен (Morris Hansen, 1910–1990) и Уильям Хурвиц (William Hurwitz, 1908–1969). Под их руководством и в русле развивавшейся ими общей методологии исследовались теоретические вопросы выборочного анализа и разрабатывались методы оценки статистических и нестатистических погрешностей. Хансену и Хурвицу удалось доказать неадекватность математико-статистической теории выборочных методов, применявшихся в первой трети прошлого века, и создать сильную команду специалистов, успешно разрабатывавших математические модели статистических исследований и эффективно координировавших работу по сложнейшим статистическим проектам государственной значимости.

Ваксберг был одним из таких аналитиков. Он разработал множество приемов по совершенствованию планирования и проведения выборочных опросов. Ваксберг представлял собой одну из ключевых фигур в обосновании методологии двух мониторингов, на результатах которых базируется ряд важнейших государственных программ. Эти данные уже многие десятилетия остаются востребованными политиками самого высокого уровня и исследователями различных социально-экономических процессов. Проект “Исследование современного состояния населения” (Current Population Survey) существует свыше полувека и включает ежемесячное исследование ответов 50 000 семей. Главная его цель – определение занятости населения и развитие трудовых ресурсов. Второй проект, “Исследование американских домовладений” (American Housing Survey), дает богатейшую информацию о жилищных условиях американцев. Общенациональная выборка включает 55 000 жилищ различного типа: от многоквартирных домов стоимостью в несколько миллионов, в которых проживает одна семья, до домов на колесах. Ваксберг

разрабатывал и руководил методологической программой переписи населения США 1970 года.

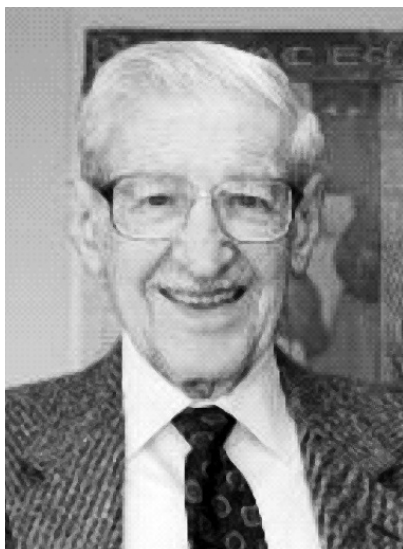
Проработав в Бюро переписи 33 года, Ваксберг в 1973 году ушел в отставку с должности заместителя директора по статистическим методам, исследованиям и стандартам. По предложению Хансена он перешел в статистическую исследовательскую фирму “Westat”, где проработал 26 лет.

Этот краткий рассказ о деятельности Ваксберга имеет одну цель – в самых общих чертах показать, какого уровня специалистом он был, какого масштаба задачи приходилось ему решать. Рас-

смотрим ту сторону его деятельности, которая в первую очередь может интересовать социологов, проводящих телефонные опросы, и особенно – поллстеров. Речь идет о становлении метода телефонного опроса, называемого “техникой Митофски–Ваксберга”.

Во второй половине 1960-х годов основная часть опросов проводилась методом личных интервью, но увеличение числа личных телефонов и, что еще важнее, появление автоматической междугородной связи усилило интерес поллстеров к теле-

фонным опросам, которые начали проводиться в Америке еще в 1920-х годах. Однако обнаружились технологические трудности, повышавшие стоимость опросов и их трудоемкость: в телефонных книгах многие номера были устаревшими, многих личных телефонов в справочниках вообще не было. Альтернативой было генерирование всех возможных телефонных номеров в стране или в штате с помощью компьютера, а затем проведение случайного отбора. Использование этого метода, чаще всего обозначаемого аббревиатурой RDD (random digit dialing), усложнялось тем, что лишь 20% сгенерированных таким образом номеров принадлежали семьям, а 80% были бизнес-телефонами или вообще не существовали. Таким образом, чтобы найти один действующий домашний телефон, в среднем приходилось набирать пять номеров. Еще одна трудность: при наборе

Джозеф Ваксберг

отсутствующего номера интервьюер слышал в трубке обычный гудок, поэтому он думал, что это действующий телефон, и мог многократно пытаться дозвониться по нему.

Телефонные номера в США состоят из десяти цифр: первые три – “географические”, по ним можно определить штат или даже часть штата; следующие три цифры (префикс) указывают на

Во второй половине 1960-х годов основная часть опросов проводилась методом личных интервью, но увеличение числа личных телефонов и появление автоматической междугородной связи усилило интерес поллстеров к телефонным опросам

компанию, обслуживающую конкретную зону внутри штата; в городах обычно существует несколько префиксов, в сельской местности – достаточно одного; последние четыре (сафикс) – собственно номер телефона.

В поисках решения стоящей перед ним проблемы Митофски обнаружил, что телефонные компании не раздают номера случайно, а группируют их в блоки. Так, если для любого префикса возможны 10 000 сафиксов, например от 571–0000 до 571–9999, то могут раздаваться телефонные номера с последними цифрами от 3000 до 6000, а остальные – не использоваться. При необходимости компания может расширить зону изменения сафикса.

Отталкиваясь от этой информации, Митофски предложил двухступенчатую систему использования RDD. Сначала внутри отобранной сотни сафиксов, например от 571–5500 до 571–5599, звонили по случайному номеру, чтобы определить, есть ли в этой сотне действительно работающие номера телефонов, принадлежащих домохозяйствам. Если оказывалось, что выбранный случайным образом номер был именно таким, то тогда случайным образом генерировали еще три–пять телефонных номеров в этом интервале изменений сафикса, и в тех семьях, которым они принадлежали, проводили опрос. В действительности все не было

так уж гладко: некоторые телефонные компании включали в одну группу личные и бизнес-телефоны или генерированного телефона в реальности не существовало; но тем не менее метод Митофски принципиально снижал стоимость телефонного опроса и снимал с интервьюеров заметную долю психологической нагрузки.

В 1970 году Митофски описал свою процедуру RDD в специальном отчете [Mitofsky. Sampling...] и, видимо, тогда же обратился к Ваксбергу, который в 1967 году стал консультантом CBS, с просьбой дать ее математическое обоснование. В интервью 2000 года Ваксберг сказал, что как-то Митофски попросил его помочь ему с проблемой телефонного интервьюирования для CBS: “Он хотел, чтобы был исследован метод, созданный им интуитивно. Казалось, что метод был успешным, и он просил найти его математическое обоснование. Я обнаружил, что эта процедура была одновременно несмещенной (*то есть не отягощенной систематическими погрешностями* – Б.Д.) и эффективной. Мой вклад заключался лишь в том, чтобы предложить математическое обоснование метода и показать, при каких условиях он будет работать, а при каких нет” [Marker, Morganstein. P. 308]. Трудно сказать почему, но свое доказательство Ваксберг сделал лишь в 1976 году, а опубликовал его только через два года [Waksberg. Sampling...]. Хотя в этой публикации было указано, что анализирувавшаяся схема отбора телефонов для проведения интервью была предложена и использовалась Митофски, в течение ряда лет она называлась “методом Ваксберга”.

В статье 1983 года Ваксберг писал, что испытывает неловкость, читая о “методе Ваксберга”: он лишь доказал несмещенность этой процедуры RDD и выявил условия ее эффективности; он подчеркнул, что исходная идея принадлежит Митофски [Waksberg. A note on... P. 576].

В настоящее время большинство специалистов говорят о “методе Митофски–Ваксберга”, он стал стандартным для проведения телефонных опросов и революционизировал практику изучения общественного мнения. Конечно, за прошедшие годы возникло множество модификаций метода, усиления, обобщений, есть попытки приспособить его для опросов по мобильным теле-

фонам, но импульсом к развитию всего этого методического направления стал прием, предложенный Митофски и математически обоснованный Ваксбергом. Примечательно, что за долгие годы работы Ваксберг сделал многое для развития философии и техники статистического анализа, но, по его собственному признанию, самой цитируемой его работой оказалась пятистраничная заметка, обосновывающая метод Митофски–Ваксберга [Marker, Morganstein. P. 308].

Традиции и новации

Продолжатели дела отцов-основателей изучения общественного мнения – это очень высокое звание в истории развития данного исследовательского направления. В своей работе эти люди ориентировались на гражданские идеалы, этические принципы, инструментальные идеи и методы первых аналитиков общественного мнения. Деятельность продолжателей вписывалась в зародившиеся традиции, укрепляло эти традиции и таким образом повышало значимость сделанного отцами-основателями. В то же время продолжатели дела первооткрывателей шли дальше – они отвечали на вызовы нового времени, решали новые общественно значимые проблемы, и потому их работу можно назвать революционной.

Пол Перри, работая долгие годы с Джорджем Гэллагом, предложил такую процедуру предэлекторальных и постэлекторальных опросов, которая обеспечила высокое качество предсказания итогов общенациональных и локальных выборов. Его первопроходчество очевидно – ничьим наследием, ни в плане эмпирии, ни в теоретических рассуждениях он пользоваться не мог. До 1936 года, в эру проведения “соломенных” опросов, проблема надежности измерения мнений не была сформулирована, а систематическое проведение методических разработок было в принципе невозможным. Потребность в них актуализировалась с открытием быстрой и компактной выборочной процедуры опроса, но лишь в 1948 году стало очевидным, что судьба опросов как института демократии и как разновидности интеллектуального бизнеса напрямую зависит от верности и точности электоральных прогнозов.

Перри смог выявить потенциальные угрозы прогнозной процедуры и элиминировать их влияние. Статистика работы ряда поколений аналитиков, развивавших найденное Перри, показывает, что поллстеры уже в течение многих десятилетий оправдывают ожидания общества, их электоральные прогнозы удивительно точны и не выходят за пределы случайной погрешности измерения. Так, по итогам скрупулезного анализа Митофски 42 предсказаний результатов президентских выборов, состоявшихся в 1956–1996 годах, средняя погрешность составила 1,92%.

Очевидно, пока будет существовать институт демократических выборов, будут проводиться электоральные опросы, и накануне дня голосования общество будет стремиться узнать имя победителя. И сколько бы лет ни прошло, в каждом верном прогнозе будет частица наследия Перри.

Оценка сделанного **Джо Белденом** предполагает получение развернутого ответа на вопрос: “Можно ли говорить о развитии в Америке исследований общественного мнения во второй половине XX века без анализа роли региональных поллов?” С инструментальной точки зрения нет принципиального различия между схемой общенационального опроса и опроса локального – на уровне штата или иной территориальной общности. Та же процедура выборки, тот же подход к конструированию вопросов, та же схема интервьюирования. Однако региональные поллы, которые сфокусированы на местных проблемах

Метод Митофски–Ваксберга стал стандартным для проведения телефонных опросов и революционизировал практику изучения общественного мнения

и обсуждаются местными средствами массовой информации, более интересны населению, чем опросы, касающиеся проблем внутренней и внешней политики страны в целом. Таким образом, если региональные поллы проводятся профессионально и их результаты эффективно используются, они становятся действенным инструментом формирования компетентного

общественного мнения в регионе. Еще одна немаловажная функция региональных поллов – они являются лабораторией для проверки новых приемов опроса. Вследствие этого некоторые специалисты фиксируют, что прогнозы итогов региональных выборов становятся точнее, чем прогнозы выборов общенациональных.

Изобретение Джо Белдена в его социально-политическом и инструментальном аспекте, то есть в налаживании диалога между “верхом” и “низом”, занимает одно из центральных мест в послевоенной истории исследований общественного мнения в США. В течение нескольких десятилетий в Америке сложилась мощная сеть региональных служб изучения мнений населения, или поллов. По мере развития онлайн-культуры региональные опросы станут ключевым элементом “электронной демократии”.

Думается, что многие аспекты организации и функционирования американских региональных поллов должны представлять интерес и для поллстеров других стран, – в частности, для России, где межрегиональные различия крайне велики и где диалог с населением может стать важнейшим фактором эффективности региональной политики.

Пол Перри, работая долгие годы с Джорджем Гэллом, предложил такую процедуру предэлекторальных и постэлекторальных опросов, которая обеспечила высокое качество предсказания итогов общенациональных и локальных выборов

Скорее всего, до середины 1960-х годов задачи сохранения баланса между традициями и новациями в опросной технологии в явном виде не стояло. Во-первых, еще были живы и активно работали отцы-основатели, и все происходившее в сообществе поллстеров делалось с учетом их позиций. Во-вторых, сами традиции только закладывались. В-третьих, несмотря на существенные изменения в образе жизни населения, все

еще можно было проводить опросы “лицом к лицу”, конструкция которых в общих чертах сложилась в 1930–40-х годах. Однако на рубеже 1960–70-х первое поколение аналитиков общественного мнения начало отходить от активной исследовательской деятельности, ряд традиций превратились в норму, будучи зафиксированными в нормативных документах Ассоциации исследователей общественного мнения. Вместе с тем возникало множество новых профессионально-этических проблем, решать которые надо было уже представителям новых поколений поллстеров. Наконец, классический опрос по месту жительства сдавал свои позиции под напором новой технологии – телефонных опросов. Эти и другие обстоятельства переводили проблему баланса традиций и новаций из латентной в явную, актуальную.

Бернс “Бад” Роупер был одним из тех, на кого историей была возложена функция сохранения наследия отцов-основателей. Конечно, это было (и остается) задачей всего поллстерского сообщества, однако в любом большом деле должен существовать лидер, и Бад Роупер в силу своих профессиональных и личностных качеств был им.

Творческое наследие **Джозефа Ваксберга** интересно для историко-наукоедческого анализа, поскольку оно ярко иллюстрирует одну из значимых особенностей процесса развития технологии измерения мнений: активное сотрудничество поллстеров, аналитиков общественного мнения с математиками, статистиками, инженерами. Здесь же отмечу, что среди пионеров изучения общественного мнения были люди, неплохо владевшие математико-статистическим аппаратом и имевшие специальную инженерную подготовку. Чарльз Парлин (Charles Parlin, 1872–1942) – отец современных исследований рынка, долгие годы был преподавателем математики; Даниэль Старч (Daniel Starch, 1883–1979), одним из первых начавший изучать аудиторию прессы, имел степень бакалавра по математике; Пол Черингтон (Paul Terry Cherington, 1876–1943), оказавший заметное влияние на методологию формирования выборки при изучении мнений, был магистром эконо-

мики. Эмиль Хурья (Emil Hurja, 1892–1953), один из первых аналитиков и “предсказателей” результатов общенациональных избирательных кампаний, прослушал инженерные курсы по оценке качества руды и несколько лет занимался анализом динамики акций. Клод Робинсон (Claude Robinson, 1900–1961), помогавший Гэллапу в построении выборки его первых опросов, в 1929 году запатентовал прибор для изучения радиоаудитории, а в 1932 году опубликовал итоги своего докторского исследования по методологии “солоненных” опросов. Артур Нильсен (Arthur Nielsen, 1897–1980), создатель современной приборной аудиометрии, получил инженерное образование в Висконсинском университете с наивысшим в истории этого учебного заведения средним баллом. Луис Бин (Louis Bean, 1896–1994), верно предсказавший в 1948 году победу Трумэна, был статистиком, долгие годы работавшим в правительственных структурах.

Выборочные схемы и приемы анализа, использовавшиеся поллстерами до 1960-х годов, были созданы и апробированы исследователями рынка в начале века, и потому их применение, во всяком случае, как тогда казалось, не требовало специального математического обоснования. Но к концу 1960-х усложнившиеся приемы формирования выборки и понимание аналитиками и заказчиками опросов высокой цены погрешности в измерении общественного мнения вызвали необходимость в математическом фундировании технологии телефонного опроса, предложенной Митофски. То был “зов времени”, и Ваксберг был человеком, который в нужный момент оказался в нужном месте. Такое нередко случается в истории.

Опросы на выходе Уоррена Митофски были легко приняты американским обществом – политиками, журналистами и населением – и получили признание в профессиональной среде. Это произошло, на мой взгляд, в силу того, что exit poll, с одной стороны, естественно вписывался во множество различных акций, проводимых в год президентских выборов, с другой стороны, он отвечал желанию значительной части нации узнать имя президента до публикации официального протокола подсчетов. Есть и третье обстоятельство:

с методической точки зрения exit poll – это классический анкетный опрос, проведенный у избирательного участка.

Вместе с тем это и принципиально новое политическое и научное изобретение. Политическое – поскольку оно дает СМИ новые возможности: сообщить нации имя нового президента раньше, чем это могут сделать официальные структуры. Это “подогревает” интерес избирателя к деятельности СМИ, в целом повышает кредитность этого института. В научном плане exit poll следует рассматривать как новый элемент

Продолжатели дела отцов-основателей в своей работе ориентировались на гражданские идеалы, этические принципы, инструментальные идеи и методы первых аналитиков общественного мнения

в стратегии электоральных опросов. Он способен подтвердить верность предэлекторальных зондажей или, выявив их ошибочность, указать пути поиска погрешностей. Эти опросы дают возможность определить параметры голосовавшей части электората и внести уточнения в прогнозные модели, создаваемые ведущими аналитическими центрами.

Распространение интернета и принятие в США в 2002 году новых правил (The Help America Vote Act), предусматривающих значительные изменения в процедуре голосования, использование специальных машин для подсчета голосов, возможность голосовать до дня проведения выборов ставят перед поллстерами задачи принципиальной модификации всех форм предэлекторальных опросов, в том числе exit poll. Эти задачи придется решать аналитикам новых поколений, которые продолжают дело отцов-основателей и поллстеров, придавших особые черты опросной технологии второй половины XX века.

Сейчас трудно предвидеть, какие ответы на социально-политические и технологические вызовы будут сформулированы в ближайшие годы.

Но ясно одно: для того чтобы быть эффективными, они должны опираться на традиции и одновременно являться принципиально инновационными. ■

Литература

A meeting place. The history of the American association for public opinion research / Ed. by P.D. Sheastsley, W.J. Mitofsky. Ann Arbor: AAPOR, 1992.

Fellegi I. Leslie Kish. 1910–2000 [online]. Date of access: 08.12.2006 <http://www.amstat.org/>

I.A. Lewis, 1921–1990 // Public Opinion Quarterly. 1991. Vol. 55. No. 2. P. 280.

Marker D., Morganstein D. A Conversation with Joseph Waksberg / Statistical Science. 2000. Vol. 15. No. 3 [online]. Date of access: 08.12.2006 <http://project-euclid.org/>

Mitofsky W.J. Pollsters.com // Public Perspective. 1999. June/July [online]. Date of access: 08.12.2006 <http://www.ropercenter.uconn.edu/>

Mitofsky W. Sampling of telephone households. Unpublished CBS memorandum. 1970 [online]. Date of access: 08.12.2006.

Mitofsky W.J. Voter news services after the fall // Public Opinion Quarterly. 2003. Vol. 67. No. 45.

Moore D.W. The superpollsters: How they measure and manipulate public opinion in America. New York: Four Walls Eight Windows, 1992.

Morin R. The pioneer pollster whose credibility you could count on [online]. Date of access: 08.12.2006 <http://www.washingtonpost.com/>

National election poll. New Hampshire. 2004 [online]. Date of access: 08.12.2006 <http://www.exit-poll.net/> National Election Pool Exit Polls. November 2, 2004. [online]. Date of access: 08.01.2007 <http://www.exit-poll.net/>

Waksberg J. A note on “Locating a special population using random digit dialing” // Public Opinion Quarterly. 1983. Vol. 47. No. 4.

Waksberg J. Sampling methods for random digit dialing // Journal of the American Statistical Association. 1978. Vol. 73. No. 361. P. 40–46.

Warren Jay Mitofsky biography resource center. Thomson Gale. 2006. Document number: K2015679324 [online]. Date of access: 08.12.2006. <http://galenet.gale-group.com/>

Warren J. Mitofsky (1934–2006) [online]. Date of access: 08.12.2006. <http://www.aapor.org/>

Андреевская А.В. Электронное письмо Б. Докторову от 12 сентября 2006 г.

Докторов Б. Прямые продолжатели дела отцов-основателей: Пол Перри, Джо Белден и Бад Роупер // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 120–129.

Докторов Б.З. Творцы опросов второй половины XX века: Опыт “оперативного” историко-биографического анализа // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 5–38.

ПЬЯНСТВО В РОССИИ

Как полагают ровно три четверти опрошенных ФОМом респондентов, за последние 10 лет уровень пьянства в России вырос, и только 2% говорят о его снижении (по мнению 18%, сейчас в России пьют столько же, сколько и раньше). При этом чуть больше половины респондентов (55%) полагают, что в принципе снизить уровень пьянства в России возможно. Весь вопрос в том, как это сделать.

Что характерно, отвечая на открытый вопрос, какие меры могли бы способствовать уменьшению пьянства в России, респонденты в подавляющем

большинстве случаев говорили о необходимости улучшить социально-экономическое положение населения – обеспечить трудовую занятость (20% по выборке), совершенствовать условия жизни и работы (12%), повышать уровень культуры людей, организовывать их культурный досуг (7%), привлекать к занятиям спортом (4%) и т. д. Значительно реже респонденты называли такие регулятивные меры, как ограничение продажи спиртных напитков (7% ответов), борьба с самогонарением, нелегальным производством спиртного (4%), запрет рекламы

спиртных напитков, уменьшение объемов их производства или повышение цен на них, введение “сухого закона” и т. д.

Около трети опрошенных (31%) считают, что снижение уровня пьянства в нашей стране в принципе невозможно. Кстати, обратим внимание: о возможности снижения уровня пьянства в России чаще других говорят москвичи (68%), а о невозможности – жители городов-миллионников и просто крупных городов страны (45% и 37% соответственно).

Елена Вовк

Общероссийский опрос населения от 15–16 июля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Мобильная связь: вращение в повседневность

Судя по результатам опроса, проведенного ФОМом несколько месяцев назад, сегодня в России мобильный телефон – привычный элемент повседневной жизни. Только 27% респондентов заявили, что мобильного телефона нет ни у них лично, ни у членов их семьи (в мегаполисах эта доля вдвое меньше, чем в сельской местности, – 15% и 36% соответственно). Для сравнения: четыре годами раньше об отсутствии в их семье мобильных говорили 89% опрошенных россиян.

Относительное большинство респондентов (44%) заявили, что мобильными телефонами обладают и они сами, и члены их семей; 15% опрошенных сообщают, что такой телефон есть только у них лично; 14% – только у других членов семьи.

Заслуживает внимания тот факт, что уровень “мобилизации” участников опроса заметно выше уровня телефонизации: лишь у половины респондентов (53%), по их словам, в квартире есть стационарный телефон (отдельный или спаренный), тогда как у 46% стационарного телефона нет.

Немногим меньше половины респондентов (44%) разговаривают по мобильному ежедневно (большинство из них – не реже трех раз в день), 12% – несколько раз в неделю, и лишь 2% – несколько раз в месяц.

Учитывая столь широкую распространенность мобильных телефонов, неудивительно, что многие из респондентов не считают пользование “мобильником” отличительной чертой какой-либо социальной группы. Отвечая

на открытый вопрос, кто, какие люди сегодня имеют мобильный телефон, более половины опрошенных (57%) сказали, что это чуть ли не все, каждый, кто захочет: “все – от пионера до пенсионера”; “все, даже бабушки”; “все, даже бомжи”; “все, даже дети”; “кто хочет, те все и имеют”. Заметно реже владение мобильным телефоном связывалось с определенным уровнем дохода (17% опрошенных) –

и все равно речь шла преимущественно о весьма невысоком “пороге”: “все, у кого есть денег хоть чуть-чуть”; “все, кроме бомжей”, – или с относительно молодым возрастом (7%).

Большинство респондентов, имеющих мобильный телефон, пользуются им не так уж давно: 12% (от выборки в целом) – не более года, 15% – год-два, 13% – два-три года. 17% опрошенных завели себе мобильный более трех лет назад. Но, судя по всему, для многих “мобильник” успел стать вещью необходимой. Более половины респондентов, имеющих мобильный телефон (или 36% от выборки), утверждают, что сегодня не смогли бы без него обойтись. Доля тех, кто, по их словам, болезненно отказался бы от “мобильника”, вдвое меньше – 19%.

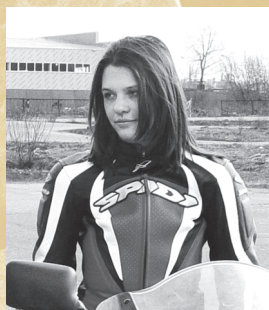
Отвечая на открытый вопрос, почему они не смогли бы обойтись без мобильного телефона, респонденты ссылались на несколько причин. Одни говорили, что это удобное, постоянно находящееся под рукой средство связи (ответы 19% опрошенных). Другие – что мобильный необходим для контактов с родственниками, детьми, друзьями (6%). Третьи ссылались на служебную, деловую необходимость (6%). Некоторые упоминали об отсутствии у них стационарного телефона (3%). Наконец, для ряда участников опроса мобильный телефон просто вошел в привычку и стал частью их образа жизни (7%).

Общероссийский опрос населения от 5–6 августа 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Елена Вовк

Авторы номера...

Елена Вовк

Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”

Дмитрий Володихин

Член Союза писателей
России, председатель
Координационного совета
Лиги консервативной
журналистики, член
Коллегии ЛФГ “Бастион”,
кандидат исторических
наук

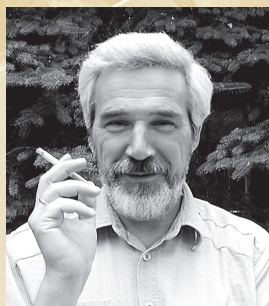
Евгения Гвоздева

Директор Агентства
социально-трудовой
информации

Борис Докторов

Доктор философских
наук, профессор,
независимый аналитик и
консультант

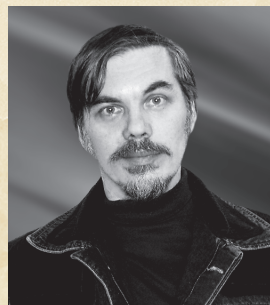
Григорий Кертман

Кандидат исторических
наук. Заведующий
аналитическим отделом
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Светлана Климова

Кандидат
философских наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Ведущий
научный сотрудник
Института социологии
РАН

Георгий Любарский

Кандидат
биологических
наук. Ведущий
специалист Фонда
“Общественное
мнение”

Ирина Шмерлина

Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии РАН

Подписка – 2007

на журнал “Социальная реальность”

Заполните купон и отправьте в Агентство “Книга-сервис” по адресу:

117168, Москва, ул. Кржижановского, д. 14, корпус 1;

или по факсу: **(495) 129-0154, 719-08-22**

Адрес e-mail для связи: **public@akc.ru**

Подписаться на любые номера журнала можно в течение всего 2007 г.

На основании указанных Вами данных после получения купона

Вам будет выставлен платежный документ (счет или квитанция)

Вышедшие из печати номера будут Вам высланы по почте после получения оплаты

Подписка принимается только на территории Российской Федерации

линия отреза

Отметьте, пожалуйста, крестиком номера журнала
“Социальная реальность”, на которые Вы хотите подписаться

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Подписной
индекс

C86301

Стоимость подписки на один месяц 200 рублей (включая НДС)

Фамилия	<input type="text"/>																									
Имя	<input type="text"/>																									
Отчество	<input type="text"/>																									
Почтовый индекс	<input type="text"/>																									
Область/край	<input type="text"/>																									
Город/село	<input type="text"/>																									
Улица	<input type="text"/>																									
Дом	<input type="text"/>			корпус			<input type="text"/>			квартира			<input type="text"/>													
Телефон	<input type="text"/>						подпись						дата													

Дополнительная информация для юридических лиц

ИНН	<input type="text"/>																									
КПП	<input type="text"/>																									
Полное юридическое название	<input type="text"/>																									
	<input type="text"/>																									
Юридический адрес (при несовпадении с почтовым)																										
Улица	<input type="text"/>																									
Дом	<input type="text"/>			корпус			<input type="text"/>																			

В 2007 году бесплатная рассылка будет продолжаться в ограниченном объеме по списку редакции.

линия отреза

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.

Под ред. В. А. Колосова 2003.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е. Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липпман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2